ЭДУАРД БЕРНШТЕЙН

ГЕРМАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ИСТОРИЯ ЕЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ЕЕ ПЕРВОГО ПЕРИОДА

АВТОРИЗИРОВАННЫЙ ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО.

С ПРЕДИСЛОВИЕМ
АЛЕКСАНДРА ШТЕЙНА

1922 г.
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ВОСТОК“
БЕРЛИН-ДРЕЗДЕН

Типография К. Г. Редера, Товарищество на паях. Лейпциг.

Предисловие.

Хотя после ноябрьской революции в Германии прошло уже ровно три года, полной и совершенно об'ективной истории этой революции все еще не существует. Слишком близки события этого периода, слишком сильно еще руководящие элементы революции захвачены круговоротом событий, чтобы можно было уже теперь ожидать вполне беспристрастного, исторически-верного описания того революционного катаклизма, который отделяет современную Германию от Германии Вильгельма и Людендорфа.

Автор предлагаемого здесь труда, известный писатель и политик Эдуард Бернштейн, сам не претендует на полную беспристрастность и об'ективную оценку событий. В своем предисловии он подчеркивает, что его книга не пытается стать «вне партий», и в своей оценке событий и действующих лиц он на самом деле достаточно резко выдвигает свою партийную точку зрения. Неудивительно: все описанные в книге события он лично так глубоко пережил, что изложение во многих местах оказалось даже более суб'ективным, чем в других его произведениях.

Бернштейн, как известно, почти два десятилетия до начала войны считался теоретическим вождем реформистского течения германской социал-демократии и стоял на крайнем правом фланге партии. Его имя было связано с течением так наз. «ревизионизма», против которого ортодоксальное крыло, во главе с Карлом Каутским, вело ожесточенную литературную и организационную борьбу. Руководящие круги партии, особенно

при жизни Бебеля, в своих заявлениях и постановлениях всегда отгораживались от Бернштейновского ревизионизма. Но тем не менее, практика партии, а еще в большей степени практика Центральной Комиссии профессиональных союзов, захватившей в последнее десятилетие до войны гегемонию в германском рабочем движении, была проникнута духом реформистского оппортунизма, теоретическим впразителем которого явился Бернштейн. Капитуляция большинства Германской социал-демократии перед империализмом была в сущности заключительным звеном той эволюции, того приспособления к условиям германского капитализма и империализма, которое характеризует собою политику правого крыла германской социал-демократии в годы до войны. 4-ое августа 1914 года, день голосования социал-демократической] фракции рейхстага за военные кредиты, было днем торжества этого течения, и неудивительно, что сам Бернштейн в эти дни не только горячо отстаивал необходимость голосования за военные кредиты, но и выступил в «Форвертсе» с рядом статей, в которых военная политика германской социал-демократии оправдывалась необходимостью «борьбы против царизма», выдвинутой историей, как очередная важнейшая задача германского пролетариата.

Но очень скоро у Бернштейна наступило отрезвление. Раньше, чем многие его единомышленники, он распознал истинную подкладку германской военной политики и раскрыл ту отвратительную игру, которую оффициальные круги при помощи фальсификации и лжи вели с жизненными интересами германского народа. Проснулась совесть старого социалиста-правдоискателя, живущего интересами не только германского, но и международного рабочего движения. Бернштейн уже через несколько месяцев после начала войны круто порвал с правым крылом

партии, открыто сознался в ошибочности своей позиции, сблизился с партийной оппозицией, боровшейся уже с самого начала против военной политики, и летом 1915 года, вместе с Каутским и Гаазе, выпустил знаменитое заявление: «Задача момента» (Das Gebot der Stunde), положившее начало открытой борьбе левого крыла германской социал-демократии против империалистской войны.

Бернштейн все время войны оставался верен занятой им боевой позиции и в целом ряде статей и брошюр содействовал идейной эмансипации германского общественного мнения от гипноза национализма и культа войны. Когда весной 1917 года, в результате целого ряда аггресивных действий со стороны правления партии, произошел оффициальный раскол Германской социал-демократии (раскол парламентской фракции произошел уже значительно раньше), и основалась Независимая социал-демократическая рабочая партия, Бернштейн порвал последние нити, связывавшие его с большинством партии, и вступил в ряды решительной оппозиции, ставшей, вместе со всеми другими участниками Циммервальдского об'единения, на почву интернациональной революционной борьбы за мир без аннексий и контрибуций.

Обострение революционного кризиса в Германии, особенно после победы большевистской революции в России, выдвинул, наряду с вопросом борьбы против войны, вопрос о ликвидации германского кайзеризма путем революционного восстания пролетариата. В рядах Независимой партии усилилась агитация «спартаковцев», воспринявших почти всецело идеологию и тактические приемы русского большевизма. Бернштейн с самого начала занял критическую позицию по отношению к большевизму. Он боролся не только против его внешней

политики, которую он считал гибельной для дела международного мира (ту же позицию занимали, исходя из аналогичных мотивов, вожди «спартаковцев», Роза Люксембург и Карл Либкнехт), но и против его приемов диктатуры и «социализации». Именно антагонизм против большевизма, пленявшего в то время умы даже умеренного крыла Независимой партии, был причиной того, что Бернштейн, несмотря на всю свою вражду против германской военной политики и на ожесточенную борьбу против правосоциалистической партии, в вопросах революционной борьбы в самой Германии все более стал расходиться с громадным большинством Независимой партии и сближаться с тактической позицией правых социалистов.

Эта эволюция взглядов Бернштейна об'ясняет нам ту «суб'ективную» точку зрения, которую он занимает в своей «Истории Германской Революции». Порвав, несколько месяцев после начала революции, не только духовно, но и организационно с Независимой партией и присоединившись к право-социалистической партии, автор психологически оказался неспособен генетически связать революционную борьбу левого крыла германского рабочего движения против войны с позицией этого крыла во время самой революции. В отличие от своего товарища по партии, Генриха Штребеля, подчеркнувшего в своем труде о германской революции тесную связь между указанными двумя факторами и обрисовавшего роль Независимой партии при подготовке ноябрьской революции, Бернштейн обходит почти полным молчанием эту сторону дела и об'ясняет революционный взрыв всецело той сокрушительной катастрофой, которую императорская Германия потерпела на полях сражений. Неудивительно, что при таком понимании событий основная линия революционного крыла германского рабочего движения в первые месяцы революции не

была схвачена автором с должной об'ективностью. Вместо анализа движущих сил пролетарской революции получилось историческое повествование, в котором действиям отдельных вождей отводится черезчур большое место, и в котором в то же время ошибки и погрешности этих вождей рассматриваются скорее с моральной, чем с исторической точки зрения.

Эта точка зрения Бернштейна является основным недостатком его труда. При всем богатстве материала, собранного автором, читатель не найдет в его «Истории» ни синтеза событий, ни об'ективной оценки роли отдельных партий. Можно согласиться с автором, что воспринятые спартаковцами тактические приемы большевизма оказались гибельными для дела германской революции; но свести крушение этой революции и вспыхнувшую в январе 1919 года гражданскую войну всецело к проискам коммунистов, значит закрывать глаза на контр-революционные махинации буржуазных и военных кругов, воспользовавшихся трусостью и анти-революционностью право-социалистических вождей для укрепления своих позиций и для аттаки против революционных элементов рабочего класса. Можно обвинить значительную часть Независимой партии в слишком большой уступчивости идеям большевизма; можно сожалеть о том, что более зрелые и дальновидные элементы партии, сгруппировавшиеся вокруг Гаазе, не повели достаточно рано и энергично борьбу против коммунистов, раз'едавших самую основу Независимой партии; можно, вместе с Бернштейном, видеть в крушении коалиции, заключенной между правыми социалистами и независимыми в первые шесть недель революции, одну из главных причин того поворота направо, который наступил в германской политике после выхода независимых из

правительства. Но возложить главную вину за все эти события на Независимую партию, значит игнорировать внутреннюю связь революционных факторов и психологию массовой борьбы в периоды острых революционных конфликтов. Идеи большевизма проникли в довольно широкие массы германского рабочего класса не благодаря «проискам» коммунистических агитаторов и «русских агентов», но благодаря известной психологической предрасположенности пролетарских и полупролетарских элементов, выведенных войной и экономическим кризисом из равновесия. Борьба против этих настроений становилась тем труднее, чем реакционнее оказывалась политика стоящих во главе правительства правых социалистов, и чем менее соответствовала чаяниям пролетариата трусливая и несоциалистическая позиция наиболее сильной и влиятельной социалистической партии. Дифференциация, которая наметилась в первые месяцы революции в рядах Независимой партии, и которая привела в начале января 1919 года к отколу спартаковцев, основавших особую, Коммунистическую партию, была задержана тем открытым пособничеством реакции, той вакханалией жестокостей и преследований против коммунистов, которая связана с именем право-социалистического диктатора Носке. Именно этот поворот в политике правых социалистов, приведший впоследствии к тесной коалиции с буржуазными партиями и к полному отказу правого крыла рабочего движения от решительных мероприятий в области финансового законодательства и социализации народного хозяйства, был главной причиной того, что широкие круги рабочих разочаровались в демократии, восприняли лозунг Советской республики, оттеснили на задний план наиболее зрелые элементы в Независимой партии и усилили в ней влияние коммунистических и полукоммунистических

элементов. Естественным результатом этого процесса было углубление того раскола в рабочем движении, который уже с самого начала революции был главной причиной бесплодности революционной борьбы пролетариата и быстрого укрепления политической и экономической мощи буржуазии.

Особенно наглядно эта внутренняя связь событий выступает при более близком анализе так наз. январьского восстания 1919 года. Бернштейн, к сожалению, поддерживает оффициальную версию, согласно которой это восстание было вызвано коммунистами и левыми независимыми. Новейшие данные, исходящие из военных кругов, опровергают эту версию и доказывают правильность той, высказанной неоднократно в независимой печати точки зрения, по которой январьские события были спровоцированы военной партией, воспользовавшейся испугом право-социалистических министров для укрепления основ нового милитаризма. Особенно важны в этом отношении разоблачения генерала Мэркера, одного из главных руководителей военных походов против рабочих в 1919 и 1920 году. В своей книге: «От императорской армии к имперскому ополчению» он рассказывает, что уже 6-го декабря 1918 года в дворце архиепископа в Падерборне состоялась тайная конференция генералов и офицеров Генерального штаба, на которой было принято решение преобразовать стоявшую под его командой дивизию в добровольческую. 12-го декабря 1918 года он передал своему начальнику, ген. фон-Моргену меморандум об образовании добровольческих армий. 14-го декабря им был уже издан основной приказ № 1 об образовании добровольческого охотничьего корпуса. Предложение, чтобы этот корпус присягнул правительству Эберта-Гаазе, было генералом Мэркером откло-

нено. В середине декабря ген. Леки поехал в Берлин, чтобы подготовить почву для восстановления военной мощи монархического офицерства. Но оказалось, что большая часть его дивизии, размещенной в окрестностях Берлина и ожидавшей там своей демобилизации, была «раз'едена» социалистической агитацией. Накануне Рождества ген. Мэркер получил от Гинденбурга (сохранившего пост главнокомандующего армией до конца демобилизации), приказ занять при помощи своего добровольческого корпуса Берлин. Для маскирования этой военной операции корпус Мэркера был поставлен под команду ген. Лютвица, который оказался впоследствии правой рукой Носке — и одним из главных руководителей Капповского восстания.

Ген. Мэркер далее рассказывает, что уже в первые дни января 1919 года в здании Генерального штаба в Берлине состоялось совещание вождей добровольческих корпусов о деталях вступления этих корпусов в Берлин. На этом совещании присутствовал также вернувшийся только что из Киля Носке. Этот факт крайне важен для понимания дальнейшего хода событий. В конце декабря, как известно, независимые вышли из правительства ввиду того, что не сочли возможным нести ответственность за меры военной репрессии, которые их право-социалистические товарищи по правительству вкупе с генералитетом применили к революционной «матросской дивизии». Уже в эти дни ген. Мэркер концентрировал свои добровольческие корпуса в военном лагере в Цоссене, недалеко от Берлина. Несколько дней спустя прибыл Носке, приглашенный после выхода независимых в состав правительства и поставленный своими товарищами во главе военных сил. С места в карьер он снесся с начальниками добро-

вольческих корпусов и вместе с ними выработал, как выше указано, план вступления этих корпусов в Берлин, когда и следа какого-нибудь организованного восстания в Берлине еще не было. 4-го января он посетил военный лагерь в Цоссене, где концентрировались главные силы ген. Мэркера, и лишь после этих военных подготовлений был издан приказ о смещении Берлинского Полицей-президента, независимого Эйхгорна, — приказ, который вызвал дружный протест берлинских рабочих и на следующий день привел к открытым столкновениям между рабочими и солдатами, вылившимся в конце концов в форму так называемого «январьского восстания».

По оффициальной версии, разделяемой также и Бернштейном, меры подавления, примененные правительством Эберта-Шейдемана-Носке против рабочих, были только мерой «защиты» против «повстанцев». Разоблачения ген. Мэркера доказывают, что эти столкновения были планомерно вызваны монархическими офицерами, подготовившими все для того момента, когда берлинские рабочие, спровоцированные смещением революционного полицей-президента, вышли на улицу, чтобы демонстрировать против правительства. Этим моментом, конечно, воспользовались, наряду с провокаторами, занявшими здания крупнейших газет, и коммунисты, надеявшиеся, что им при помощи вышедших на улицу рабочих удастся свергнуть правительство Эберта-Шейдемана. Но весь ход событий показывает, что не они были инициаторами этого «восстания». Они попались лишь в ловушку, поставленную им монархическими офицерами, заключившими тесный союз с право-социалистическим диктатором Носке. Под командой Носке собранные вокруг Берлина добровольческие корпуса вступили в город, заняли важнейшие военные позиции, захватили в руки командование над военными

силами и приступили к организации открытой контрреволюционной военной силы, образовавшей впоследствии ядро «имперского ополчения». То, что им не удалось ликвидировать в январские дни, они завершили в спровоцированном ими «мартовском восстании» 1919 года, результатом которого было уничтожение последних остатков республиканских военных формаций и полное разоружение берлинского пролетариата.

Вся эта политика велась под оффициальным руководством Носке, мнившего себя вождем республиканской армии и не заметившего, что он был только игрушкой в руках монархического офицерства. Год спустя, в марте 1920 года, его же ближайшие помощники повели части так наз. республиканской армии против правительства и поддерживали восстание Каппа. Носке исчез со сцены, но с именем его связана не только память о самом гнусном периоде германской контр-революции, но и воспоминание об основном грехе правых социалистов в Германии, передавших, из боязни революции, распоряжение военными силами в руки монархического офицерства. Этот шаг оказался роковым для всей судьбы германской революции. Никогда реакция в Германии не достигла бы тех размеров, которые она приняла теперь, если бы пролетариат сумел удержать в своих руках господство над военными силами республики. Пример Австрии, в которой, благодаря иной тактике социал-демократической партии, военное ополчение является оплотом республики, показывает, что такой исход был возможен. Если, тем не менее, развитие в Германии приняло другие формы, то лишь благодаря политической близорукости и сектантскому фанатизму тех право-социалистических вождей, которые, из боязни большевистского переворота, не только укрепили большевистские

тенденции в рабочем классе, не только увековечили и углубили раскол внутри пролетариата, но и уничтожили главнейшие основы, на которых могла бы укрепиться демократическая республика. Этот основной факт германской революции не оценен в достаточной степени Бернштейном. Он, правда, журит слегка Носке за его черезчур грубые репрессивные меры, но он закрывает глаза на то, что не в эксцессах Носке, а во всей его системе, явившейся логическим завершением отказа его партии от революционной борьбы, лежит ключ к пониманию тех поражений, которые потерпела германская революция.

Эта односторонность Бернштейновского толкования первых фазисов Германской революции несомненно является недостатком его книги, — но не столь крупным, однако, чтобы из-за него закрыть глаза на ряд весьма значительных достоинств ее, в особенности для русского читатели. К этим достоинствам относится, в первую очередь, большое богатство фактического материала, — обстоятельство, чрезвычайно важное, повторяем, для иностранного читателя, — и затем необычайная, щепетильно-точная передача фактических событий, которая дает возможность читателю составить себе самостоятельное суждение об их ходе и причинах.

А это, в конце концов, для исторического труда важнее, чем та или иная тенденция автора.

Берлин, 9-го ноября 1921 г.

Александр Штейн.

Предисловие автора к немецкому изданию.

У нас до сих пор еще нет подробного исторического изображения хода германской революции. Литература о революции, появившаяся до настоящего времени, состоит лишь из сводных описаний ее возникновения и ее первых моментов, из книг, описывающих отдельные события или деятельность определенных лиц, из критических очерков о деятельности отдельных партий, отчетов о судебных процессах, оффициальных и неоффициальных документов и заявлений и т. п. Многое из того, что появилось, отличается похвальной об'ективностью; кое-что, наоборот, написано крайне тенденциозно и односторонне, причем авторы не останавливаются даже перед грубым искажением истины. Некоторые документы, как напр., доклад следственной комиссии прусского ландтага о роковых беспорядках в январе 1919 г. в Берлине, содержат крайне ценный материал, но к сожалению, лишь в одной части систематически обработанный. Словом, у нас имеется целая масса сочинений «к истории» германской революции, но нет ни одной истории ее.

Предлагаемая работа стремится заполнить этот пробел по отношению к первому периоду революции, обнимающему время от начала ее до выборов в Национальное Собрание, иначе говоря — эпоху правления Совета Народных Уполномоченных. То была пора, когда только что возникшая Германская республика, стремясь определить свое собственное содержание, преживала ряд внутренних бурных столкновений, сыгравших роковую роль впоследствии при установлении окончательной формы республики и всей ее внешней и внутренней политики. Вокруг этой внутренней борьбы в наше

быстротекущее время уже успела сплестись целая сеть легенд, и создались совершенно ложные и неверные представления не только о поведении и роли отдельных партий и лиц, но даже и о характере и сущности самих событий.

Многие склонны все происшедшее рассматривать под углом зрения участия и роли в событиях определенных личностей, ответственности отдельных деятелей и т. п., причем, конечно, отношение к поведению последних всецело определяется политическими симпатиями пишущего. Хорошо еще, если при этом, помимо указаний на страсти и личные побуждения деятелей, приводятся и тактические мотивы, определяющие будто бы их поведение. Между тем, нет сомнения, что на деле все это было лишь проявлением глубокой борьбы между двумя принципиально различными пониманиями социализма и социального развития, — борьбы, которую нетрудно проследить во всей новейшей истории социалистического движения, но которая лишь немногими из участников борьбы была осознана во всем ее огромном историческом значении. Наоборот, большинство из них воспринимало все это лишь в форме тактических разногласий или расхождений по конкретным практическим вопросам, к которым надо было занять чисто-практическую позицию; решающим при этом для каждого в отдельности являлась большая или меньшая степень понимания им всей связи событий и факторов, способность охватить все возможности и т. п. Но задача историка состоит в том, чтобы вскрыть те более глубокие противоречия, которые лежат в основе практической борьбы и выявить их в целях их правильной оценки.

Если мы на протяжении всего нашего труда руководимся этим правилом, то из этого не следует, что мы должны были совершенно исключить момент личной ответственности. Наоборот, я считаюсь с тем, что меня будут обвинять в слишком сильном подчеркивании этого момента, — в ущерб необходимой для историка беспристрастности. Но, по моему убеждению, беспристрастность не должна итти далее того, что требуется интересами

истины. Конечно, историк не имеет права насилавать исторические факты в угоду своей партийной точке зрения. В этом смысле он должен быть совершенно об'ективен, ничего не преувеличивая и ничего существенного не замалчивая. Но отсюда совершенно не следует, что он не имеет права по отношению к отдельным событиям высказывать свою индивидуальную точку зрения, вытекающую из его политической позиции. В этом смысле моя книга не стоит «вне партий». Речь идет о событиях слишком важных для судеб нашего народа и народов вообще, для того, чтобы моя политическая совесть позволила мне скрывать свое мнение о личностях, несущих ответственность за эти событии. Я старался быть справедливым, но я отнюдь не стремился угодить на всех. Я изображаю в книге то, что я сам переживал вместе со всеми, в чем я сам принимал участие, в числе прочих. Моя роль была не настолько значительна, чтобы у меня явилось искушение говорить о совершенном мною. Но я так сильно все перечувствовал, так близко все принимал к сердцу, что не могу теперь, когда перед моим умственным взором снова проходят все эти грозные события, столь значительные для судеб всего народа, всей нашей республики и ее грядущего развития, — не ощущать всей этой трагедии, как отчасти и моей личной трагедии. Читатель поймет, поэтому, почему эта моя книга в целом ряде мест гораздо сильнее окрашена суб'ективным моментом, чем мои другие работы.

Берлин-Шёнеберг
Март 1921 г

Эдуард Бернштейн.

Германская революция, ее возникновение, ход и значение.

I.

Введение.

Германская Империя Гогенцоллернов пала. Политика «железа и крови», — которая сыграла роль акушерки при ее рождении, теперь свела ее в могилу.

Империя эта вознеслась до колоссального могущества. Политическое единство, уничтожение всех хозяйственных перегородок внутри страны и политика торговых договоров на условиях наибольшаго благоприятствования — лишь на короткое время прерванная, — все это в высокой степени содействовало расцвету промышленности и торговли империи. «Бедная Германия» превратилась в «Германию богатую», и ее экономисты с гордостью установили это на основании точных цыфр как раз в 1912, 1913 и 1914 годах. Гельфферих, Штейнман, Бухер и др. доказали, что по размерам своего национального богатства Германия частью сравнилась, а частью даже опередила западные государства — Англию и Францию, некогда столь превосходившие ее в этом отношении. Путем искуственного взращивания она подняла свой военный флот на такую высоту, что он стал уступать флоту одной только островной Англии, а ее сухопутная армия по численности своей хотя и была ниже русской, но по своей боеспособности превосходила армии всех других стран. Третий из Гогенцолерских императоров мог поэтому

однажды с известным правом, — по крайней мере, поскольку это касалось Средней и Западной Европы, — сделать гордое заявление, что без согласия Германии «в Европе не раздастся ни один выстрел».

В задачи настоящей работы не входит рассмотрение тех фактов, которые в июле 1914 года привели к войне, разросшейся затем во всеобщий мировой пожар. Но одно можно утверждать с абсолютной достоверностью: еслибы у правящих кругов Германии было в тот момент решительное желание не допустить до войны, то ее и на самом деле удалось бы избежать. Но именно этого то желания и не доставало. Сознание своей мощи перешло в упоение силой. Вильгельм II-й мнил себя до такой степени вершителем мира, что считал себя в праве безнаказанно выдавать своего рода свидетельства на право ведения войны, как выдаются свидетельства на право охоты. Эта война — война Австро-Венгрии против Сербии — может состояться, и горе тому, кто в нее вмешается! Таков был девиз Императорской Германии в роковые июльские дни 1914 года. И так как остальная Европа отказывалась подчиниться этому, то воспользовались донесением о пограничном инциденте, чтобы об'явить войну, которая зажгла пожаром большую часть Европы и привела к падению трех империй Европейского континента.

Если даже поверить клятвенным заверениям Вильгельма II-го, что он не хотел войны, и признать у него недостаток вполне определенно направленной воли, то все же этим далеко еще не снимается с него ответственность за войну. Ведь даже не чрезмерно требовательная церковно-религиозная мораль считает соучастником преступления того, кто мог бы помешать убийству и не сделал этого. А ведь чем больше власть, тем

больше ответственность. Вынужденное отречение Вильгельма II-го ни с суб'ективной ни с об'ективной точки зрения не может считаться незаслуженной карой.

Ответственность Вильгельма II-го нисколько не умаляется и тем обстоятельством, что его правительство в течение войны неоднократно заявляло о своей готовности к мирным переговорам. Этим мирным заявлениям недоставало именно того момента, который один только, в виду всего совершившегося, мог бы придать им действенную силу: недоставало признания обязанности исправить все содеянное зло. Вильгельм II-й всегда хотел только такого мира, который позволил бы ему вернуться с войны победителем. Припомним его обращение к Германской армии по случаю мирного предложения в декабре 1916 года: «как победитель предложил я противникам мир» . . . Еслибы противники и были согласны тогда на мирные переговоры, то уже одного этого тона было достаточно при данном складе правительств Англии, Франции и др. стран, чтобы убить в них всякую готовность к миру. Этим мы, конечно, отнюдь не хотим сказать, что оправдываем образ действий противной стороны, но здесь речь идет не об установлении степени виновности тех или иных Европейских держав, а об ответственности Вильгельма II-го и его правительства перед собственным народом. Они знали, с кем имеют дело, какие взгляды господствуют в компетентных кругах противников, и если они искренно желали избавить свой народ от продолжения разрушительной войны, то должны были этой цели подчинить и самый тон и содержание своих мирных предложений. Но этого не было сделано до самого конца и не потому только, что против этого восставало личное тщеславие, но также и потому, что этого не дозволяла вся система.

Если Людендорф и др. затягивали войну уже после того, как стало вполне ясно, что на победу нет никаких надежд, то в этом сказывалась система, носителями которой они были. Ради этой системы они в конце концов поставили на карту судьбу всей нации, так как сохранение этой системы связано было с победой в войне. Только полный разрыв с системой мог бы спасти народ от печального финала, который потом наступил.

Но возвыситься до этого не мог ни один из тех государственных деятелей, которые один за другим стояли у кормила правления Германии. Бетман-Гольвег, Михаелис, Макс Баденский — все они хотели сохранить систему без ее логических последствий и все разбились об это противоречие.

Логика Людендорфов, Тирпицов и др. оказались сильнее, и потому они привели империю к полному краху. Возникшая из побед империя должна была рушиться, когда их более не оказалось. Германия же, как единство, могла сохраниться лишь в том случае, если ликвидацию империи брала в свои руки социал-демократия, — та социальная сила, которая по самой своей природе и традициям означала коренной разрыв с прошлым.

II.

Германское правительство до революции.

Проследим в кратких чертах события, приведшие к Ноябрьской революции 1918 года.

В июле 1918 года была сломлена наступательная сила, а в августе 1918 года и сила сопротивления Германской Западной армии. Попытки восстановить последнюю путем сокращения фронта закончилась неудачей.

Никакими успокоительными средствами нельзя было более скрыть от солдат истинное положение вещей. В своей агитационной брошюре: „Ludendorff ist Schuld“ редактор „Berliner Volkszeitung“ Д-р Карл Феттер наглядно, хотя несколько импресионистски рисует отражение все улучшающегося положения и снаряжения враждебных войск в сознании немецких солдат. В более спокойных тонах, но не менее выразительно ту же картину рисует Отто Леман-Руссбюлд в своей книжке: „Warum erfolgte der Zusammenbruch an der Westfront“, которая содержит переданную автором Людендорфу докладную записку «одного немецкого ополченца». Немецкие солдаты видели, как все новые и свежие подкрепления вливались в ряды враждебных войск, как все новые легко-подвижные танки усиливали артиллерию противников, как новые рои летчиков обеспечивали за врагами перевес в воздушной борьбе, — и видя все это, они постепенно утрачивали веру в возможность победы и даже в самую возможность долго сопротивляться. При все растущем недовольстве солдат, возникшем на этой почве и усилившемся благодаря нерегулярности, а зачастую и вызывающему неравенству в деле снабжения продовольствием, вовсе не требовалось воздействия агитаторов, чтобы вызвать убеждение, что дальнейшее продолжение войны является лишь бесцельным кровопролитием. Но придя к этому убеждению и видя тем не менее, что бессмысленные жертвы все же приносятся, немецкий солдат был, естественно, предрасположен прислушиваться к людям, проповедывающим необходимость коренного преобразования политических учреждений Германии, уничтожения той системы, которая требовала этих жертв.

Нечего и говорить, что в армии велась социалистическая и революционная агитация. Ведь военные

власти сами ее создавали, отправляя в виде наказания на фронт людей, замеченных в такой агитации в тылу. Поэтому не удивительно, что подвергшиеся такому наказанию не скрывали своих взглядов от товарищей и старались влиять на них в революционном духе. Однако по сравнению с громадной солдатской массой число таких людей было слишком ничтожно, чтобы они могли добиться каких-либо существенных результатов, еслибы на местах не было таких условий, которые и без того подрывали у солдат веру в лозунги, внушаемые им начальством при помощи совсем особых средств, и которые вместе с тем уничтожали в них охоту безвольно подставлять свою грудь под снаряды вражеских орудий. В Англии во все время войны велась очень усердная пропаганда, как против самой войны, так и против военной службы; она велась довольно свободно и получила очень широкую огласку, благодаря публичным процессам против ряда лиц, отказывавшихся итти на войну. И все же она не помешала тому, что английские войска в общем и в целом выполняли свой солдатский долг совершенно так, как еслибы этой пропаганды не было. Солдат везде большей частью фаталист и бросает свое дело только тогда, когда считает его окончательно погибшим. Германия не потому проиграла войну, что солдаты «сдали» под влиянием агитации, наоборот: солдаты в конце-концов перестали воевать потому, что сочли войну проигранной.

Что они в этом не ошиблись, ясно видно, впрочем, и из заявлений, сделанных Людендорфом и Гинденбургом перед Следственной Комиссией Национального Собрания. По словам обоих полководцев, они зимой 1916/17 именно потому и настаивали на переходе к «неограниченной» подводной войне, что это была «единственная возможность выиграть войну». Отсюда ясно, что оба они пони-

мали, что, если эта подводная война не приведет к цели, то войну вообще следует считать проигранной. Но уже к середине 1918 года не могло быть сомнения в том, что подводная война не может привести к желанной цели. Ибо к тому времени Америке удалось перебросить через океан такие и притом великолепно снаряженные силы, которые германское верховное командование в 1916 году считало совершенно исключенными. Между тем союзники Германии — Турция, Болгария, Австро-Венгрия дошли до полного истощения. Как же можно было при таких обстоятельствах еще дольше выдерживать войну? Она была проиграна, и ее продолжение было азартной игрой обанкротившихся игроков, которые, в надежде на какой-то исключительно счастливый, вне всех разумных расчетов лежащий случай, ставят на карту последнее достояние. Этим последним достоянием в данном случае являлись живые люди, — люди, которые отлично понимали истинное положение вещей, и которых нельзя было передвигать, как пешки в игре. В армии началось разложение. Отдельные войсковые части еще стойко удерживали свои позиции, но власть над целым выскользнула из рук верховного командования, — и тогда, предвидя полный развал и неизбежное полное поражение, оно 24 сентября отправило полковника Гейе (Heye) к имперскому правительству с известием, что оно не может более ручаться за армию, и что необходимо немедленно заключить перемирие.

Впоследствии эти господа заявляли, что они тогда ошиблись в оценке положения на фронте, и что сила сопротивления не была еще сломлена. Эта в лучшем случае свидетельствует о недостатке проницательности, но это никоим образом не может служить доводом против факта немецкого поражения и доказательством невинов-

ности Людендорфа и его товарищей за последовавшую за этим страшную катастрофу. Ведь никто иной, как именно они употребляли все свое влияние, чтобы мешать каждому мирному шагу, который мог бы избавить Германию от необходимости связывать все свое существование с случайностями военнаго счастья. Ибо затягивание войны и было не что иное, как спекуляция на счастливую случайность. Из учета всех наличных сил вытекала неизбежность победы противной стороны.

Следовательно, речь могла итти только о возможности некоторой отсрочки, которая зато неизбежно увеличивала кровавые жертвы и ухудшала конечный результат для Германии.

Получив упомянутое заявление военного командования, германское правительство не имело иного выхода, как предпринять требуемые от него шаги. Ибо заявление это, как рассказывает тогдашний имперский канцлер Макс Баденский в наброске своей речи, предназначавшейся для первой Баденской палаты, прямо носило форму ультиматума.

Имперский канцлер предложил тогда военному командованию прежде всего опубликовать детальную программу военных целей Германии, которая подчеркнула бы перед всем миром согласие с принципами, возвещенными президентом Вильсоном, прибавив к этому, что ради этих принципов Германия готова принести тяжелые национальные жертвы. Такой способ действий показался однако военным сферам недостаточно скорым: они понимали, что уже довели дело до крайности. «Военные авторитеты возразили мне на это», — говорится в упомянутом наброске речи — «что нельзя более дожидаться результатов такой декларации; положение на фронте требует, чтобы в ближайшие же 24 часа было внесено предло-

жение о перемирии.» (Ferd. Runkel: „Die Deutsche Revolution“ стр. 54). Еще более компрометирующими для военных властей являются заметки имперского канцлера графа Карла Гертлинга:

1 октября 1918 года Гертлинг беседовал о своем преемнике с императором, который все еще не мог решиться в пользу кандидатуры Макса Баденского. Вдруг в комнату без доклада входит Людендорф и в крайнем возбуждении спрашивает: „Новое правительство еще не готово?“ Император отвечает ему в довольно резком тоне: „Колдовать я не умею.“ Людендорф: „Но правительство должно быть образовано немедленно, ибо мирное предложение необходимо сделать сегодня же“. Император: „Это вы должны были мне сказать две недели тому назад“.

Теперь читатель видит, сколько наглости нужно для того, чтобы задним числом сваливать на гражданские власти и революцию вину за то ободряющее действие, которое предложение о перемирии оказало на милитаристов и ура-патриотов противной стороны.

Макс Баденский лишь незадолго до того сделался третьим преемником Бетмана-Гольвега на канцлерском посту. Три канцлера в течении года с четвертью. Это одно уже достаточно характеризует чрезвычайную шаткость внутреннего положения Германской Империи.

Летом 1917 года Бетман-Гольвег счел себя вынужденным выйти в отставку. Не потому, что его свергло большинство рейхстага, разошедшееся с ним в вопросе о целях войны; он был свергнут потому, что это большинство заявило, что не может его защищать от его противников справа после того, как он не хотел или же не мог присоединиться к декларации большинства в пользу мира без анексий. То, что тогда произошло, было

в высшей степени характерно для общего положения дел в Императорской Германии. Низвержение Бетмана было совершено консерваторами и правыми национал-либералами, составлявшими лишь меньшинство рейхстага, но за спиной которых стояли высшие командные круги армии и флота, которым этот отнюдь не антимилитаристически настроенный канцлер казался «слишком мягким». В рейхстаге же социалисты большинства, центр и прогрессивная народная партия образовали коалицию, которая написала на своем знамени: мир на основе соглашения. Душой этой коалиции был депутат центра Матиас Эрцбергер, пришедший к убеждению, что союзники Германии находятся накануне полного краха, и что Германия одна не сможет долго противостоять отчаянному напору противников. И вот Эрцбергер повел борьбу против «продолжателей войны» с той самой энергией, с которой он раньше боролся в их собственных рядах. Можно сомневаться в том, привело ли бы тогда безоговорочное присоединение имперского правительства к декларации коалиционнаго большинства к миру: для этого декларации еще много не хватало. Но, что не подлежит ни малейшему сомнению, ее отклонение под давлением военной партии решило судьбу Германии.

Преемником Бетмана сделался человек не по выбору большинства рейхстага, а — ставленник военной партии, ханжа д-р Михаелис, который противоречие между своими целями войны и декларацией большинства рейхстага старался замаскировать заявлением, что он принимает ее так, «как он ее понимает» („wie ich Sie auffasse“) —, так буквально гласила знаменитая фраза нового канцлера. Этого только и не доставало, чтобы уж окончательно дискредитировать декларацию в глазах противников

Германии. Но так как положение становилось все более и более скверным, то большинство рейхстага не давало себя долго морочить такого рода двусмысленностями. Четыре месяца спустя Михаелис должен был уйти, и на его место стал член партии центра граф Гертлинг, у которого не было недостатка в парламентской изворотливости, но который все же не был достаточно искусен, чтобы повести немецкую политику в направлении, точно соответствующем принципам декларации большинства рейхстага. Через короткое время после вступления его в должность двойственный характер имперской политики проявился необычайно ярко в Брест-Литовском мире, впечатление от котораго нельзя было сгладить никакой диалектикой. Это впечатление было уже усилено тем, что военной партии удалось добиться отставки барона фон-Кюльмана, который был назначен статс-секретарем по внешним делам, и которого милитаристы очень не взлюбили за его замечание, что мир не может быть достигнут одной только силой оружия. Так как у коалиционного большинства не хватило решимости добиться назначения такого канцлера, который видел бы свою задачу не только в том, чтобы делать заявления, которые можно толковать как угодно, то Гертлинг смог удержаться на своем посту до того момента, когда уже было поздно. Больной старик, который немногим пережил свою отставку, покинул службу только тогда, когда немецкая Западная Армия находилась уже в полном отступлении. Его место занял Макс Баденский, который слыл за очень либерального политика и искреннего противника всякого рода анексионистских планов. Но едва он представился рейхстагу в качестве такового, как оказалось, что он совершенно непригоден для заключения мира; обнаружилось, что он незадолго до того написал

принцу Гогенлоэ письмо, в котором выражал совсем иные взгляды и намерения.

Армия, находящаяся в стремительном отступлении, тяжелые последствия которого для страны военное командование усугубляло еще тем, что превращало в пустыню поспешно очищаемые им громадные области; на отлете император, с которым нация более не считалась, и свержение которого победители ставили предварительным условием всяких мирных переговоров; на канцлерском посту человек, слова которого не принимались в серьез, — таково было положение вещей, когда из восстания моряков, вызванного безумным планом морского командования, родилась политическая революция.

III.

Начало революции.

«Нам лгали, нас обманывали . .!» Так, говорят, воскликнул вождь консервативной партии, фон-Гейдебранд, когда его товарищ по фракции, граф Вестарп, сообщил во фракции печальную весть о разгроме армии. (Эта весть была конфиденциально сообщена ему и представителям другия партий вице-канцлером фон-Пайером на спешно созванном совещании.) Широкие массы немецкого народа могли и могут сказать это про себя с большим правом, чем бывший «некоронованный король» Пруссии и его друзья. Как в течение войны им лгали и их обманывали относительно происхождения и хода войны, — так это делают еще и теперь. И больше всех в этом направлении стараются как раз партийные друзья фон-Гейдебранда. Еще теперь разного рода агитационные брошюры стараются внушить немецкому народу, что Гер-

манию при помощи коварства «вынудили» вступить в войну злобные и завистливые враги; а некоторые лгут еще наглее и прямо уверяют, что на Германию напали. Еще теперь перед народом изображают ход войны таким образом, что Германия все время одерживала одни только победы, и что только изредка ей приходилось по стратегическим соображениям «убирать назад» слишком зарвавшиеся вперед отряды. Так, напр., в „Kriegschronik" генерал-майора Мецлера, появившейся в 1915 году в издании Реклама, совершенно замалчивается многодневная великая битва на Марне, которая принадлежит к числу самых значительных сражений во всемирной истории; а в своей брошюре: „Weltkrieg, Revolution, Verfassung", появившейся в ноябре 1919 года, тайный советник просвещения Иенике (Jaenicke), говоря о колоссальном поражении армии немецкого Кронпринца 12 сентября 1914 года, старается обмануть неосведомленного немецкого читателя путем нанизывания лживых фраз вроде следующих:

«Но немецкая армия слишком удалилось от своих баз снабжения. Поэтому (!) она должна была повернуть у Марны назад, тем более, что натолкнулась здесь на сильное сопротивление парижского гарнизона и других резервов Жоффра. После победоносных отступательных боев она остановилась только за Эной и Уазой.»

Исход некоторых больших морских битв точно таким же образом перетолковывается в диаметрально противоположном смысле. О битве у Скагерака (31 мая 1916 г.), кончившейся тем, что немецкий флот под прикрытием тумана очистил поле сражения, говорится так: «Свое явное поражение англичане возвестили всему миру как великую победу.» В действительности же произошло

как раз обратное. Английское командование сперва откровенно сообщило только о потере своих судов, воздержавшись от всяких замечаний относительно побед или поражений, между тем как немецкое командование оповестило весь мир о блестящей победе своего флота и до тех пор отрицало потерю хотя бы одного из своих больших судов, покуда обломки, пригнанные к норвежским берегам, не заставили его признать факт гибели боевого судна «Померания».

Но извращением фактов нельзя добиться серьезных результатов. И этот метод прежде всего перестает действовать в самой армии. Здесь правда выплывает наружу гораздо быстрее, чем в среде гражданского населения. Как раньше солдаты сухопутной армии, так под осень 1918 г. и матросы начинают сознавать, что война проиграна, что всякое новое наступление означает лишь бесполезное истребление людей и бессмысленное оттягивание заключения мира, которое сделалось необходимостью. Весть о том, что морское командование готовится завязать большое морское сражение для того, чтобы хоть напоследок нанести англичанам возможно большой урон, вызывает в конце октября 1918 г. среди экипажей расположенных в Киле немецких военных судов чрезвычайное волнение, и приводит 28 октября к первой серьезной стычке с экипажем линейного судна „Markgraf". Матросы отказывается поднять якорь и, заняв якорную лебедку, задерживают выход судна в море. Когда другие суда через Кильский канал проходят к Куксгафену и оттуда в бухту Яды (Jadebusen), то и здесь матросы проникаются убеждением, что дело идет об отчаянной затее, которая может лишь повлечь за собой человеческіе жертвы и ухудшить условия мира. Одно судно за другим отказывается выйти в море. Но

это все еще не революционное движение. Экипажи различных судов приняли и огласили следующее решение:

> «Если англичане на нас нападут, то мы постоим за себя и будем из последних сих защищать наши берега, но сами мы нападать не станем. Дальше Гельголанда мы не поедем. В противном случае мы потушим топку».

Бунтовщики так не говорят. Правда, еще за год до этого на некоторых судах происходили волнения матросов, причислявших себя к независимой социалдемократии. Эти волнения были так жестоко подавлены, что не могли не вызвать у матросов симпатий к жертвам репрессий. Но агитация успела охватить еще только небольшие группы, и никогда не могла бы привести к общему восстанию, если бы и без того не накопилось достаточно горючего материала, который, благодаря репрессивным мерам, и оказался охваченным огнем.

Совершенно игнорируя вышеприведенное решение, 30 и 31 октября на различных судах начальство отдало приказ поднять якорь. В ответ на это матросы, согласно своему решению, тушат топки и принимают ряд других мер, делающих невозможным военные действия. Со стороны начальствующих лиц сыплятся выговоры и угрозы, которые на некоторых судах завершаются массовыми арестами. Такие аресты и массовые наказания особенно обрушиваются в Вильгельмсгафене на линейное судно „Grosser Kurfürst", а в Киле, куда приказано было вернуться третьей эскадре, на линейное судно „Friedrich der Grosse". Это переполнило чашу терпения.

В воскресенье 3 ноября 1918 г., на большом учебном плацу в Киле происходит массовый митинг протеста, в котором принимает участие несколько тысяч моряков.

Выслушав ряд страстных речей, собрание требует освобождения арестованных и формируется в огромное шествие. На пути к морскому арестному дому шествие задерживается вооруженными кондукторами и мичманами, которые предлагают демонстрантам разойтись. Когда последние отказываются выполнить это требование, раздаются выстрелы. Восемь человек остаются убитыми на месте, 29 ранено, остальные обращаются в бегство; но на следующий день, 4 ноября, весь флот охвачен восстанием. Офицеры, пытающиеся сопротивляться матросам, подвергаются оскорблениям. На линейном судне „König", на котором развевается военный флаг, завязывается перестрелка, в которой падает командир судна, а около полудня в руки матросов переходят все корабли и весь порт; весь гарнизон Киля также присоединяется к ним. Отряд гусаров, посланный из Гамбургского предместья Вандсбек на усмирение, вынужден повернуть назад. Вслед за тем образуется солдатский совет. Губернатор Киля в обращении к матросам предлагает им изложить свои пожелания. Обсудив это предложение в здании профессиональных союзов, матросы пред'являют программу радикальных требований, из которых наиболее существенные гласят следующим образом:

«Освобождение всех арестованных и политических заключенных.

Полная свобода слова и печати.

Справедливое обращение с нижними чинами и отмена отдания чести.

Полное признание рабочего и солдатского совета. Офицеры, из'явившие свое согласие с мероприятиями совета, будут его желанными товарищами, в противном случае должны оставить службу без права на пенсию.

Неприменение охранительных мер, связанных с кровопролитием.

О мерах в защиту собственности заботится рабочий и солдатский совет.

Выход флота в море ни под каким видом не допустим».

Губернатор заявляет о своем согласии с частью предявленных требований, а окончательный ответ откладывает до прибытия представителей правительства, высланных по его телеграфной просьбе и уже находящихся в пути. Это были назначенный статс-секретарем демократ Гаусман и социалдемократ Густав Носке. После совещания с этими лицами власти решили принять пред'явленные им требования. Извещение об этом решении встречается общим восторгом. В ответ на признание своих требований, матросы обязуются поддерживать безусловный порядок и соглашаются опубликовать извещение о том, что грабители, застигнутые на месте преступления, подлежат немедленному расстрелу. Гаусман возвращается в Берлин, Носке же отводится кабинет в помещении военного командования, и, по желанию рабочих, он становится фактическим губернатором Киля. На следующий день, 5 ноября, рабочие Киля об'являют всеобщую забастовку и образуют рабочие советы, к которым примыкают уже раньше образованные солдатские советы. Город самого большого военного немецкого порта, как и самый порт, находится в руках пролетариата. Для пополнения комитета, рабочие приглашают в Киль двух вождей партии независимой социалдемократии, членов рейхстага Гаазе и Ледебура.

И вот лавина приходит в движение. Еще в этот самый день военные суда под красными флагами вступают в Гамбург и Любек, которые присоединяются

к восстанию. В Любеке власть без кровопролития переходит в руки солдатского совета; в Гамбурге же вечером 5 ноября, после массовой демонстрации в пользу кильских постановлений, происходит столкновение с войсками, сопровождающееся перестрелкой. 6 ноября в Гамбурге-же власти обстреливают из пулеметов шествие забастовавших рабочих с верфей, которые не послушались приказания повернуть обратно; при этом на месте остается 9 убитых. В результате этого происходит массовая демонстрация, разграбление оружейных магазинов, разгром и расхищение находящегося в Альтоне оружейного склада.

Еще в тот-же день примкнул к восстанию и Бремен, что не обошлось без столкновения с войсками; но, благодаря переходу гарнизона на сторону восставших, удалось избежать кровопролития. Военная власть передается коммисии, состоящей из начальника гарнизона, двух офицеров и 4 представителей нижних чинов, так что последние имеют в ней большинство. Наряду с этим учреждается рабочий совет.

На следующий день движение распространяется к западу, на Ганновер, Брауншвейг, Кельн и т. д., и к югу, затем в направлении к Берлину. Еще раньше, чем оно достигает столицы, — в Магдебурге, Лейпциге, Дрездене уже вспыхивают восстания. Весь северо-запад Германии попадает в руки рабочих и солдатских советов.

Но это еще — не вполне организованная революція, направленная на изменение всей имперской конституции, хотя в рядах борцов не было недостатка в людях, которые сознательно шли к этой цели. Ни одно массовое движение не обходится без таких элементов. Первый толчок такие движения всегда получают от отдельных личностей, которые, хотя бы только под влиянием минуты, в надлежащий момент выбрасывают лозунги, быстро пере-

ходящие из уст в уста и воспламеняющие умы. Если впоследствии различные социалистические фракции спорили о своих заслугах в деле восстания, то все они в сущности до известной степени были правы. Все они в свое время сознали, что старый порядок не может долее держаться, и каждая из фракций по своему распространяла это сознание среди своих приверженцев. Без этого невозможно была бы общность движения. В преобладающем числе местностей социалисты большинства являлись значительно более сильной организацией; их влияние на рабочих было так велико, что каждый предпринятый шаг разбился бы о их противодействие, если-бы они выступили против него. Чтобы понять, почему такое противодействие не имело места, достаточно бросить взгляд на события, происходившие в рейхстаге и в среде правительства со времени получения рокового извещения генерального штаба.

Что матросы правильно смотрели на вещи, — это подтверждает хорошо осведомленный из правительственных источников социалист большинства Фридрих Штампфер в своей книге: „Der 9. November" (Berlin 1919, Vorwärts-Buchhandlung). Там он пишет:

> «Впоследствии оказалось, что матросы были правы, когда не верили в безобидный характер минной маневренной экскурсии. В действительности имелось в виду выстроить флот у Гельголанда за сомкнутой цепью подводных лодок, чтобы, заманив англичан, произвести на них нападение с этих лодок. Это был план морской битвы в большом стиле! И этот план был задуман и подлежал выполнению после того, как Германия, горячо заверяя о своем отвращении к дальнейшему бесполезному кровопролитию, просила о п е р е м и р и и и м и р е.

Инициаторы этого солдатски-смелого, но политически идиотского и преступного плана впоследствии в простоте своей уверяли, что, показав непоколебленную силу немецкого флота, они улучшили бы положение Германии при переговорах о перемирии и мире.»

В действительности же осуществление этого плана оказало бы, конечно, противоположное действие; оно ухудшило бы еще для Германии условия мира. Это в достаточной степени доказало потопление интернированных в Скапа-Фло немецких военных судов, предпринятое из таких-же соображений. Поэтому Штампфер справедливо замечает далее:

«Матросы обнаружили здравый человеческий смысл и правильной политический инстинкт, когда самым решительным образом отклонили свое участие в задуманном прощальном представлении. Если верно, что всякое право находит свой предел в очевидном злоупотреблении им, то право повелевания начальствующих лиц дошло здесь до такого предела.»

Революция сделалась необходимостью.

IV.

Политика Правительства от начала октября до 9 ноября 1918 года.

Переходя к дальнейшему изложению, мы должны предположить у читателя знакомство с теми обстоятельствами, которые способствовали тому, что разногласия в среде германской социалдемократии по вопросу об отношении к войне привели к расколу этой партии.

Следствием этого раскола было то, что та часть социалдемократии, которая считала себя обязанной голосовать за военные кредиты, попала, благодаря этому, в двойственное положение по отношению к правительству. Она не могла вотировать средства для дальнейшего ведения войны, не ослабляя своей критики, направленной против методов ведения войны; от того и самая эта критика получала несколько нереальный характер. С другой стороны, в среде противников военных кредитов одна часть вообще стала в оппозицию к старой социалдемократической политике и переняла традиции бланкистского движения, непосредственно направленного на политический переворот. Пропасть между сторонниками и противниками военных кредитов углубилась. На ряду с этим, противники, левое крыло которых к Пасхе 1917 года сплотилось в партию «независимой социалдемократии», в свою очередь разделились на социалдемократов и приверженцев революционно-бланкистского «Союза Спартак» или столь же антиреформистской группы: «Интернационал».

Сторонники кредитов были тогда в громадном большинстве не только в рейхстаге, но и во всей стране. Они располагали более чем тремя четвертями всех социалдемократических газет, из которых одна часть принадлежала им с самого начала конфликта, а другую они, используя военное положение, отобрали у оппозиции. Таким образом, они могли широко влиять на рабочих в духе своих воззрений. Между тем, социалистическая оппозиция имела только в немногих избирательных округах свои газеты, которые к тому же жестоко преследовались цензурой; вообще-же эта оппозиция была обречена на подпольную пропаганду, которая могла лишь содействовать развитию заговорщических тенденций.

Социалисты из большинства с самого начала не скупились на заявления в пользу мира/на основе соглашения. Но эти заявления не могли оказать никакого действия на социалистов антантовских стран, покуда они служили только аккомпаниментом к одобрению военных кредитов для правительства, которое не без основания считалось виновником войны. То же самое происходило и с речами в пользу мира, которые, начиная с лета 1916 года, произносил на больших собраниях, а затем издавал в виде брошюро речистый вождь социалистов большинства Филипп Шейдеман; в лагере противников они тоже не принимались в серьез. С несколько большим вниманием отнеслись там к той парламентской резолюции в пользу мира, которая была принята в июле 1917 года социалистами большинства сообща с партией центра и прогрессивной народной партией. Но и это решение не возымело и не могло возыметь надлежащего действия, так как оно не сопровождалось достаточно сильным нажимом на Вильгельма II и не помешало ему преподнести рейхстагу смехотворное интермеццо в лице Михаелиса, этого канцлера «по образу и подобию» верховного военного командования. В прошлой главе указывалось, почему и преемник Михаелиса, граф Гертлинг не был в состоянии убедить враждебные державы в том, что господству милитаристов в Германии пришел конец. В его канцлерство, к Брест-Литовскому миру, противоречившему всем прекрасным заверениям о справедливом мире, присоединилась еще двусмысленная игра с Украиной, еще более отодвигавшая возможность заключения всеобщего мира. В самой-же Германии было усилено осадное положение, а назревшая реформа избирательной системы в Пруссии была, из страха перед консерваторами, снова отсрочена. Тем временем в Германии создалась

революционная ситуация как под влиянием разгрома Западной армии, так и в виду категорических заявлений Антанты и президента Вильсона о решительном отказе заключать мир с правительством Вильгельма. Опубликованные русским большевистским правительством документы из тайных царских архивов, направленные главным образом против Антанты, скомпрометировали и Вильгельма II настолько, что его международная позиция стала совершенно невозможной. Его переписка с Николаем II во время русско-японской войны, где он подстрекал царя против Англии, в тоже время заигрывая с нею, явила пример лицемерия, редкого даже у людей в таком положении.

Чтобы улучшить общее положение, преемник Гертлинга на канцлерском посту, принц Макс Баденский, в начале октября 1918 г. пригласил в свой кабинет, наряду с представителями прогрессивной народной партии и партии центра, также двух социалистов большинстве, а именно: Густава Бауера — на пост статс-секретаря по имперскому ведомству труда, которое проектировалось создать, и Филиппа Шейдемана — в качестве статс-секретаря без особого назначения («без портфеля»). Он однако ошибся, думая этим спасти трон. Правда, оба социалдемократа, в согласии со своей фракцией, обусловили свое вступление в правительство присоединением этого последнего к их мирной программе, преобразованием имперской конституции в духе парламентаризма, радикальной демократизацией избирательного права и другими аналогичными реформами, совместимыми с конституционной монархией; сообразно с этим, они направили всю свою деятельность преимущественно на скорейшее заключение перемирия и на подготовку соответственных законопроектов и их парламентское завер-

шение. Но было ясно, что для них речь шла не об упрочении трона или династии, а о спасении немецкого народа и скорейшем заключении мира. Когда в октябре 1918 г. Вильсон без обиняков дал понять, что при Вильгельме II заключение мира невозможно, то в социалдемократической партийной печати все энергичнее стал раздаваться клич об отречении императора. А когда этого отречения не последовало, то Шейдеман в конце октября представил имперскому канцлеру докладную записку, в которой подробно доказывал, что отречение Вильгельма II от престола является абсолютной необходимостью, если не желать ввергнуть Германию в полную гибель. Но Гогенцоллерна не так-то легко подвинуть на отречение от престола. Непосредственным результатом записки Шейдемана было лишь то, что Вильгельм II 30 октября 1918 г. оставил Берлин и отправился в Главную Квартиру, где считал себя вне опасности.

Еще до того — 28 октября — он дал необходимую, предписанную конституцией, подпись под решением рейхстага о полной парламентаризации германской правительственной системы; соответственные законопроекты были обсуждены и приняты на заседаниях рейхстага от 22 до 26 октября. Перед лицом опасности, что вынужденное отречение Вильгельма II может вызвать враждебное движение в отдельных государствах Германии и ввергнуть ее в анархию, социалдемократическая фракция большинства согласилась временно отложить вопрос о судьбе главы монархической власти. Но в среде фракции все были согласны в том, что дни царствования Вильгельма II сочтены, и что его сын Вильгельм ещее более скомпрометировал себя. Прибыв в Главную квартиру в Спа, Вильгельм II с своей стороны заявил министру Древсу (Drews), — поехавшему вслед за ним, чтобы сообщить

ему о записке Шейдемана, — что его отречение означало бы выдачу головой Германии Антанте и повлекло бы за собой страшное расстройство; он-де не может поэтому взять на себя ответственность за отказ от власти, и остается на своем посту. С другой стороны, в высших военных кругах носились с сумасбродной мыслью о том, чтобы с помощью надежных войск снова перейти на фронте к активному сопротивлению, так как Германия «еще не побеждена». Назвать такую затею азартной игрой было бы, конечно, слишком мягко; вернее было-бы назвать ее преступным безумием!

Но возмущение моряков и последовавшее за ним восстание в портовых городах расстроили все планы потерявших голову «воителей». О подлинных размерах и характере движения население узнавало, конечно, только через несколько дней, так как телеграф, находившийся еще в руках военной цензуры, передавал все сведения лишь в очень «смягченном» виде. Но как только весть о восстании становилась достоверно известной, это повсюду вызывало в рабочей среде самый живой отклик. Само собой разумеется, что особенное оживление царило среди членов Спартаковских групп и связанных с ними более радикальных элементов независимой социалдемократии.

7 октября 1918 г. «Союз Спартака» устроил в Готе конференцию, на которой высказался за политику русских большевиков, т. е. за установление диктатуры через рабочие и солдатские советы, и постановил немедленно приступить повсюду к организации советов. Не будучи особенно сильной организацией по числу своих членов, «Союз» этот все же при данных обстоятельствах представлял собой довольно значительный фактор. В напряженной атмосфере и небольшое меньшинство может

оказать значительное влияние, если проявит твердую волю и достаточную решимость. В такой решимости не было недостатка у большей части молодых приверженцев «Спартака»; а так как они имели свои группы во целом ряде наиболее важных городов Германии и поставили себе задачей организацию определенных, подлежащих немедленному осуществлению выступлений, то они и не могли не сыграть существенной роли при начале революции и организации первых шагов восставщих масс. Большевистская доктрина, конечно, только по своей фразеологии является марксистской, по существу же она — бланкистская. Однако бланкизм, как автор этих строк старался доказать еще в 1899 г. в своей книге: «О предпосылках научного социализма», не во всех своих частях неправилен; при известных обстоятельствах и для достижения ограниченных политических целей он имеет свои основания, а потому может похвалиться и известным успехом. При данных-же обстоятельствах для такого рода действий были на лицо все необходимые предпосылки.

В лице Карла Либкнехта «Союз Спартака» имел вождя, наделенного необыкновенной энергией и работоспособностью. 21 октября новое правительство освободило его из каторжной тюрьмы, куда он был засажен имперским военным судом в 1916 г. за такое же преступление, за какое, год спустя, Вильгельм Дитман, освобожденный одновременно с Либкнехтом, был присужден лишь к заключению в крепости. Освобожденная из-под «охранительного ареста» Роза Люксембург также отдалась служению этому «Союзу». Денежные средства, частью употреблявшиеся на покупку оружия, «Союз» получал через берлинское посольство русского большевистского правительства. Это посольство вообще тратило

громадные суммы на развитие в Германии революционной пропаганды в большевистском духе. Напечатанные в России на немецком языке воззвания и прокламации, призывавшие к революции, тайно провозились в Германию и рассылались агентам для передачи спартакистам и другим революционным социалистам. Этот факт был обнаружен при следующих обстоятельствах: 4 ноября 1918 г., на Ангальтском вокзале в Берлине наполненный такого рода литературой ящик, привезенный только что прибывшим русским курьером, упал на землю и разбился; и среди вывалившегося из него содержимого оказались также прокламации, призывающие к покушениям и террору.

Так как по действующему международному праву присвоенные иностранным посольствам и их персоналу привилегии — так называемая экстерриториальность — обусловлены встречным обязательством строгого невмешательства во внутренние дела данной страны, — то германское правительство усмотрело в приведенном факте, оффициально подтвердившем неоднократные указания буржуазной печати на нарушение указанного обязательства, повод к разрыву дипломатических отношений с большевистским правительством.

Послу Иоффе и его штабу немедленно были вручены паспорта, и 6 ноября 1918 году они оставили Берлин. Некоторое время спустя Иоффе из Москвы прислал заявление, в котором он в основном подтверждает приписанные ему действия и вменяет себе в заслугу содействие совершившейся за это время в Германии революции. В связи с этим он делает некоторые замечания, которые могли быть и действительно были поняты в том смысле, что и руководящие члены независимой социалдемократии получали от него деньги для тех же целей, т. е. для

конспиративной подготовки революции. Верного однако во всем этом было лишь то, что деньги, которые Эмиль Барт, ставший 10 ноября Народным Уполномоченным и бывший особенно ревностным членом «Союза Спартака», получил от немецких единомышленников на покупку оружия, в действительности шли от Иоффе, и Барт об этом знал. Несколько дней спустя Иоффе заявил, что накануне своего от'езда из Германии, т. е. вечером 5 ноября 1918 года, он дал члену независимой социалдемократической партии Оскару Кону, бывшему юрисконсультом русского посольства, 150,000 марок и 150,000 рублей «на содействие революции». Кон открыто подтвердил это заявление, прибавив с своей стороны, что, убежденный в необходимости взаимной поддержки партий социалистического интернационала, он деньги эти «охотно принял» и «передал их для той цели, для которой они предназначались, т. е. для распространения идей революции»; к деньгам же, данным на покупку оружия, это не имеет никакого отношения. Что касается председателя Независимой Социалдемократической Партии, Гуго Гаазе, которого Иоффе также выставлял сообщником в этом деле, то о нем Иоффе мог лишь утверждать, что вел с ним политические беседы и доставлял ему политический материал для его речей в рейхстаге. В этом Гаазе тем легче было признаться, что он и сам публично об этом заявлял.

Центральный Комитет Независимой Социалдемократической Партии 10 декабря 1918 году опубликовал в своем органе заявление, из которого приводим наиболее существенное место.

«Германская Независимая Социалдемократическая Партия еще несколько месяцев тому назад, задолго до революции, постановила не принимать денег из русских источников, так как она постоянно держалась того

мнения, что средства, притекающие из чужих стран, не должны употребляться для целей партийной пропаганды. Недавно партия снова подтвердила это свое постановление. Мы должны самым решительным образом отвергнуть неверное утверждение г-на Иоффе, могущее лишь причинить затруднения социалистическому движению в Германии и помешать достижению его целей.»

Таким образом, — говорится далее, — для партии, как таковой, инцидент исчерпан. Остается только лицам, названным г-м Иоффе, самим высказаться по поводу его утверждения.

С принципальной точки зрения необходимо по этому поводу заметить следующее:

Нет такого морально-политического кодекса, который запрещал бы партии принимать деньги от иностранной родственной партии. Как далеко она намерена итти в этом отношении, — это следует предоставить ее собственному чувству такта и благопристойности. Соображения политической чистоплотности и добных международных отношений говорят однако за то, что в этой области следует ограничиваться денежной поддержкой только для идейной пропаганды и помощи политически пострадавшим, причем во всех тех случаях, когда нет настоятельной необходимости в соблюдении тайны, следует делать открыто то, что делаешь. Отвергая тайную дипломатию, тайные махинации, подстрекательства и тому подобные приемы старого режима, социалдемократия и самой себе должна вменить в обязанность публичность своих действий и не вступать в констиративные сношения с другими странами. Германская революция наступила без оружейных складов, приобретенных на русские деньги. Так как такие склады оружия нельзя слишком долго утаивать, то они могли бы только со-

облазнить к попытке вооруженного восстания в такой момент, когда она, благодаря отсутствию необходимого настроения в народных массах, неизбежно закончилось бы поражением.

Злоупотребление со стороны послов и членов посольств их исключительным международным положением для денежной поддержки и организации заговоров в стране-гостеприимнице следует отвергнуть также и по общим соображениям. Социалдемократия призвана развивать международное право и добрые отношения между нациями в прогрессивном, а не регрессивном направлении; она должна не подрывать взаимное доверие и честность между народами, а поднимать их до высшей правды. Одна из самых мрачных страниц в истории большевизма заключается именно в том, что его влиятельные вожди без стеснения пренебрегали самыми элементарными международными моральными законами, если надеялись этим путем содействовать достижению своих целей. Ибо если в таком деле переступить известные границы, то уж нет более удержу никаким нарушениям верности и доверия. Австрия и Венгрия испытали на самих себе, — что значит переносить методы обращения между капиталистическими правительствами на правительства демократические и социалистические, не желающие поступать по определенной указке. Рабочему классу это нигде не пошло в прок, а лишь привело к международному усилению моральной коррупции и пренебрежения к человеческой жизни. К тому же надо различать, помогает ли данная партия другой на средства, собранные со своих членов или же она обирает для этой цели государственную казну.

В октябре и в первые дни ноября 1918 г. агитация Спартаковцев могла увенчаться тем большим успехом,

что и печать социалистов большинства также стала говорить во все более революционным тоне. С похвальной решимостью сделала она неизбежный политический вывод из нежелания Вильсона и Антанты вести переговоры с правительством Вильгельма II. Некоторые провинциальные газеты с нюренбергской „Fränkische Tagespost“, во главе, пользуясь сравнительно большей свободой, чем выходящий в центре военной цензуры „Vorwärts“, первые потребовали отречения Вильгельма II. Такой шаг казался еще настолько неслыханным, что буржуазные газеты с возмущением запротествовали против этого и потребовали вмешательства военных властей. Но власти уже не имели прежней самоуверенности и медлили; тем временем в социалдемократической партии все чаще стало раздаваться требование об отречении императора, и этот клич вскоре был поддержан „Vorwärts“'ом, вполне оказавшимся на высоте задачи. Эта газета, пожалуй, никогда еще с таким политическим жаром и такой силой убеждения не излагала перед немецким народом «требование момента», как в эти дни в своих предовицах. Ее тираж вскоре возрос настолько, что временами это была самая распространенная газета в Берлине. Благодаря статьям „Vorwärts“'а, широким народным массам стало ясно, что отныне вопрос стоит так: или немецкий народ, или Вильгельм II. Руководители военной цензуры с ужасом заметили это и воспрещением дальнейшего обсуждения щекотливого вопроса в печати пытались спасти гогенцоллеровскую корону. Тогда Ф. Шейдеман 28 октября 1918 г. написал имперскому канцлеру упомянутое выше письмо, в котором, как член кабинета и от имени социалдемократической партии, сам потребовал отречения Вильгельма II. В то же время он заявил протест против вторжения военной

цензуры в сферу свободного выражения мнений и потребовал принятия мер против этого. Канцлер, как раз в это время заболевший, попросил несколько дней сроку, чтобы предварительно поговорить об этом деле лично с Вильгельмом II. Но эта беседа уже не могла состояться, так как император поспешил скрыться в «Главную квартиру».

Тем временем в канцелярию имперского канцлера пришла весть о движении среди матросов флота. Правительство, как уже сообщалось в третьей главе, 4 ноября отправило в Киль демократического статс-секретаря Гаусмана и социалдемократического депутата Густава Носке для переговоров с восставшими. Но эти делегаты, прибыв на место, могли лишь констатировать победу повстанцев; Носке, в качестве их доверенного лица, остается в Киле и принимает на себя обязанности губернатора. Состоявшаяся 6 ноября в Берлине общегерманская партийная комиссия и парламентская фракция социалистов большинства, после продолжительного совещания единогласно принимают следующее решение:

> «Фракция и Центральный Комитет требуют немедленного заключения перемирия. Фракция и общегерманская партийная комиссия требуют далее амнистии за военные проступки и освобождения от наказания матросов, провинившихся против дисциплины. Они требуют немедленной демократизации правительства и администрации в Пруссии и в других союзных государствах. Фракция рейхстага и партийная комиссия поручают Центральному Комитету сообщить имперскому канцлеру, что фракция и партийная комиссия решительно одобряют и поддерживают предпринятые Центральным Комитетом шаги в вопросе об императоре и требуют спешного разрешения этого вопроса».

Эти требования сообщаются правительству; в виду нерешительности в Главной квартире и вызванной этим медлительности имперского канцлера, Центральный Комитет партии социалистов большинства, на другой день, 7 ноября, в 5 часов пополудни, через Ф. Шейдемана вручает канцлеру следующий ультиматум:

«Социалдемократическая партия требует:

1. отмены (об'явленного сегодня Главнокомандующим) запрещения собраний,
2. внушения крайней сдержанности полиции и войску,
3. немедленного преобразования прусского правительства в духе требований большинства рейхстага,
4. усиления социалдемократического влияния в среде правительства,
5. осуществления до полудня 8 ноября отречения императора и отмены права престолонаследия кронпринца.

В случае невыполнения этих требований социалдемократия выходит из состава правительства.»

За исключением обоих консервативных фракций и их приверженцев, буржуазные партии также сознавали, что отречение Вильгельма II сделалось неотвратимым, и дали об этом знать имперскому канцлеру. Последний предлагает императору свою отставку, так как и сам считает отречение императора необходимым и не находит возможным остаться на своем посту, если император придерживается другого мнения. Но император просит его остаться еще на несколько дней, покуда он не примет окончательного решения, что-де произойдет в самый короткий срок. Очевидно, Вильгельм II и его приближенные прослышали о событиях в портовых городах и

хотели сначала выждать, будет ли поток этих событий наростать или же он схлынет. Указанием на близость перемирия, которое вследствие смены правительства могло замедлиться, действительно удалось побудить вождей социалистов большинства отсрочить на несколько дней свой выход из правительства, и продлить указанный ультиматумом срок для отречения императора и кронпринца. Центральный комитет партии и фракция рейхстага, в воззвании от 8 ноября сообщили об этом партийным товарищам и рабочим массам. Воззвание констатирует, что часть пред'явленных политических требований правительством удовлетворена, указывает на неизбежное замедление перемирия и затем продолжает:

> «Поэтому Центральный комитет партии и фракция рейхстага продлили пред'явленный ими срок до заключения перемирия, чтобы сперва добиться прекращения кровопролития и обеспечить заключение мира.
>
> В субботу утром уполномоченные от рабочих снова соберутся.
>
> Рабочие! Товарищи! Речь идет об отсрочке только на несколько часов.
>
> Ваша мощь и ваша решимость выдержат эту отсрочку.
>
> Центральный Комитет Германской Социал-демократической партии и фракция рейхстага.»

Но поток наростал, и его нельзя было более ничем сдержать; восстание почти с часу на час должно было вспыхнуть и в столице. В Мюнхене и Брауншвейге даже была уже провозглашена республика. Когда вечером, 8 ноября, все еще не было никакого ответа из Главной квартиры, то социалдемократические члены правительства, — кроме Бауера и Шейдемана в него под конец

вступили еще Эд. Давид, Август Мюллер и Роберт Шмидт, — заявили о своем выходе из кабинета; в тот же вечер Центральный Комитет социалистов большинства, находившийся в тесном общении с ответственными работниками партии и другими уполномоченными от рабочих, собрал их, чтобы обсудить с ними вопрос, стоит ли еще дожидаться ответа из Главной квартиры. Вопрос был решен в отрицательном смысле. Было постановлено: если до утра 9 ноября не последует отречения императора, то об'является всеобщая забастовка, для руководства которой тут же была избрана комиссия из двенадцати членов.

Центральный комитет Независимой Социалдемократической партии и уполномоченные от «Союза Спартака» также приняли меры к массовым выступлениям. Спартаковцы, как мы уже сообщили выше, располагали оружием, купленным на деньги большевиков; оно хранилось в надежном месте на случай борьбы с вооруженными силами старого режима. Они шли своим собственным путем, предуказанным им примером большевиков. Независимая социалдемократия также держалась своего собственного образа действий. Незадолго до того предпринятые попытки об'единить обе социалдемократические фракции хотя бы в вопросе о мире, закончились неудачей.

Эти попытки летом 1918 года исходили от берлинской организации Союза металлистов и были приурочены к политическому забастовочному движению, начавшемуся в конце января 1918 года в Берлине и других местах с целью ускорения мира, но подавленному полицией при помощи военной силы. Чтобы положить предел бесконечным спорам на фабриках между сторонниками обоих социалдемократических партий о при-

чинах неудачи этого движения, берлинский Союз металлистов решил обратиться к комитетам обоих партий с предложением нового выступления, обнимающего всю массу рабочих. С Центральным Комитетом социалистов большинства состоялось по этому поводу совещание 13 июля, с комитетом Независимой Социалдемократии — 29 июля. Обе партии из'явили принципиальную готовность к участию в организации и руководстве массовым выступлением в пользу мира и демократических прав народа, но об'единить их на конкретном действии все же оказалось невозможным. Когда, после предварительных переговоров, 29 августа 1918 года, Центральному Комитету Социалдемократической партии был пред'явлен конкретный запрос, — до того (29 июля) обращенный к партии независимых, — согласен ли он в случае необходимости стать во главе такого массового выступления, то он через своего председателя Фрица Эберта дал следующий ответ:

> «По мнению Центрального Комитета, к осени безусловно должно быть что-нибудь сделано в пользу мира и избирательной реформы; но до этого необходимо исчерпать все парламентские средства. Чтобы с самого начала не сделать иллюзорным такой план действий, предварительные переговоры должны быть строго конфиденциальны. Не следует поэтому выпускать никаких прокламаций, в частности — прокламаций без подписи. Если вопрос достаточно назреет, тогда необходимо обратиться к народным массам с воззванием, за своими подписями и с обозначением полного титула».

Комитет Независимых, которому это решение было передано уполномоченными членами Союза металлистов Густавом Геллером и Вильгельмом Зирингом, 18 сентября 1918 г. ответил, что, по его мнению,

«в такого рода вооруженном выступлении могут принять участие только такие организации, которые намерены проводить чисто пролетарскую политику, т. е. решительную классовую борьбу за свержение существующей правительственной системы и для достижения мира, и которые поддержали бы это намерение выполнением следующих условий:

1. отклонение всякого рода военных кредитов,
2. отказ от участия в блоке с буржуазными партиями,
3. отозвание членов своих политических и профессиональных организаций со всяких правительственных должностей».

Социалисты большинства заявили о невозможности для них пойти на такие условия. По их мнению, новые военные кредиты могут явиться либо кредитами для целей демобилизации, либо же на тот случай, если противники захотят продолжать войну и перенесут ее на германскую территорию, несмотря на то, что Германия согласилась на все решительно условия Вильсона. Партия принесла великую жертву, дозволив своим членам вступить в правительство, чтобы добиться скорого мира, который невозможен без содействия социалдемократии. Требования независимых можно об'яснить только желанием — во что бы то ни стало сорвать переговоры...

Независимая Социалдемократия 26 октября 1918 г. ответила на это заявление пространным письмом, в котором резко критикует всю политику социалистов большинства и опровергает их утверждение, будто оставление социалистов в составе правительстве вызывается интересами мира. По получении этого письма комиссия металлистов единогласно постановила считать свою миссию потерпевшей неудачу. «Комиссия сожалеет, — говорится

в заключении ее постановления, — что ей не удалось добиться единения по обоим столь важным для рабочего класса вопросам (мир и избирательная реформа) и считает свою задачу исчерпанной».

Таким образом, партии германских социалистов накануне революции стояли друг против друга, исполненные недоверия и горечи.

V.

9-е ноября 1918 г. в Берлине.

„Remember, remember, the fifth of November" — помните, помните пятое ноября!

Этот клич, которым в Англии 5 ноября дети возвещают годовщину раскрытия великого «порохового заговора» 1605 года, может теперь получить свое повторение в Германии. Но он будет возвещать о деле куда большей важности, чем спасение короля и его парламента от политически бессмысленного заговора небольшой кучки религиозных фанатиков. Для Германии — 9-е ноября 1918 г. есть день рождения демократической республики, — начало само-правления немецкого народа.

В этот день, уже с утра, все было решено. Статс-секретарь д-р Зольф еще в полночь, 8 ноября, телефонировал председателю Центрального Комитета социалистов большинства Фрицу Эберту и сообщил ему о своей готовности немедленно отправиться в Главную квартиру для окончательного решения вопроса об императоре. Но ему ответили, что ему незачем утруждать себя, что уже слишком поздно: ближайшее утро принесет с собой всеобщую забастовку.

Так оно и было. Утром 9 ноября, в 8 часов, Центральный Комитет германской социалдемократической

партии большинства и уполномоченные берлинской организации еще раз собрались, чтобы принять окончательное решение. Совещание продолжалось недолго. Так как из Главной квартиры все еще не было удовлетворительного ответа, то без долгих разговоров согласились не дожидаться долее, а немедленно призвать рабочих ко всеобщей забастовке и вступить в сношения с Центральным Комитетом Независимой социалдемократии. Гонцы поспешили во все стороны, чтобы известить фабрики о состоявшемся постановлении. Было дано распоряжение, чтобы рабочие до обеда оставались на фабриках. Но затем они — и впереди всех рабочие больших электрических фабрик и машиностроительных заводов — охотно последовали данному паролю: «Бросай работу! Выходи на улицу!» Тотчас сформировались громадные шествия, которые с красными знаменами стали стекаться к центру города, проходя через главные и самые бойкие улицы. Берлин наполнился людскими массами, сопротивляться которым пропала бы охота у правительства даже с очень надежной военной силой.

Но такой силы у правительства Вильгельма II не было. Новый главнокомандующий Бранденбургского округа, генерал фон-Линзинген и полицей-президент Берлина не преминули принять предохранительные меры самого разнообразного свойства. Ратуша была занята сильным отрядом полиции, главная почта и телеграф получили военную охрану, королевский замок был окружен заградительными отрядами, на главнейших пунктах были расставлены пулеметы, в столицу были стянуты значительные военные силы, а железнодорожное сообщение с севером и северозападом Германии, охваченными победоносным восстанием, было совершенно

приостановлено. Но все это, конечно, не помогло. Делегаты социалдемократической партии, отправленные в казармы для переговоров с различными полками, со всех сторон получали обещание, что солдаты ни под каким видом не будут стрелять в народ. Узнав о таком настроении войск, имперский канцлер, по требованию одной депутации, согласился опубликовать приказ, который появился в экстренном издании „Vorwärts'a":

«Стрелять не будут!

Имперский канцлер распорядился, чтобы войска воздерживались от всякого употребления оружия.»

Другая, выпущенная „Vorwärts'ом", прокламация гласила:

«Всеобщая Забастовка!»

«Совет рабочих и солдат Берлина решил об'явить всеобщую забастовку. Все работы приостановлены. Необходимое снабжение населения продовольствием будет поддерживаться. Большая часть гарнизона сомкнутыми рядами, с пулеметами и пушками, предоставила себя в распоряжение рабоче-солдатского совета. Движение находится под общим руководством Германской Социалдемократической партии и Германской Независимой социалдемократической партии. Рабочие, солдаты, охраняйте спокойствие и порядок. Да здравствует социальная республика!

Совет рабочих и солдат.»

Эти прокламация несколько опережала события. Центральный комитет Независимой социалдемократии 9 ноября не собирался и не мог поэтому быть привлечен к участию в предпринятых действиях.

А «Революционный Комитет», составленный из независимых социалистов и имевший своих представителей

почти на всех больших фабриках, распространял в предприятиях и на улицах летучки следующего содержания:

«Рабочие, солдаты, товарищи!

Наступил решительный момент! Нам предстоит теперь выполнить историческую задачу.

В то время, как на «Побережьи» рабочие и солдатские советы взяли власть в свои руки, здесь без всякого удержу производятся аресты. Арестованы Деймиг и Либкнехт!

Это — начало военной диктатуры, это — сигнал к бесполезной бойне.

Мы требуем не отречения одного лица, мы требуем республики!

Социалистической республики со всеми ее последствиями!

Вставайте на борьбу за мир, свободу и хлеб!

Выходите из фабрик!
Выходите из казарм!
Протяните друг другу руки!
Да здравствует республика!

Исполнительный комитет рабочего и солдатского совета: Барт, Брюль, Эккерт, Франке, Гаазе, Ледебур, Либкнехт, Нейндорф, Пикк, Вегман.»

Названный «Революционный комитет» имел в виду поднять восстание 4 ноября, но оно было отложено на несколько дней; а тем временем полиция узнала про этот замысел и произвела ряд арестов; под конец, 8 ноября, она арестовала Деймига. Извещенные об этом, уполномоченные — «революционные старшины» — спешно собрались, решили не медлить долее и составили вышеприведенное воззвание, характер которого носит на себе следы чрезвычайной спешки. При наличных об-

стоятельствах оно могло, конечно, только усилить решимость масс.

Посланная к имперскому канцлеру депутация состояла из социалистических депутатов большинства — Фрица Эберта, Филиппа Шейдемана и Отто Брауна, а также — социалистов большинства, входящих в состав «комиссии двенадцати», Фрица Бролата и Густава Геллера. Депутация отправилась в имперскую канцелярию, где в это время происходило совещание имперского канцлера с прочими членами кабинета, и немедленно было принята. Эберт, в качестве главы депутации, заявил присутствующим, что рабочий народ хочет теперь взять свою судьбу в собственные руки. Он знает, что за ним стоит громадное большинство населения, и решил осуществить на деле полную демократию. О сопротивлении правительству нечего думать: большая часть гарнизона уже присоединилась к народу.

На вопрос канцлера: считает ли он возможным поручиться за сохранение порядка, Эберт ответил утвердительно. Тогда канцлер сообщил, что, согласно только что полученной телеграмме, император отрекся от престола. Вслед затем, после непродолжительного совещания, все члены кабинета также заявили о своей отставке, и Макс Баденский передал, с соблюдением всех формальностей, свои полномочия Фрицу Эберту. Последний в следующих выражениях довел об этом до всеобщего сведения:

«Сограждане! Принц Макс Баденский, бывший доныне имперским канцлером, передал мне, с согласия всех статс-секретарей, свой пост. Я занят теперь образованием нового правительства в согласии с партиями, и в непродолжительном времени сообщу результат во всеобщее сведение.

Новое правительство будет народным правительством. Оно будет стремиться к тому, чтобы скорейшим образом доставить немецкому народу мир и упрочить свободу, которую он завоевал.

Сограждане! Я прошу всех вас о поддержке в трудной работе, которая нам предстоит. Вы знаете, как тяжело война отражается на снабжении народа продовольствием, этом первом условии политической жизни.

Политический переворот не должен нарушать снабжение населения. Первая обязанность всех, как в городе, так и в деревне, это — не мешать, а содействовать производству предметов продовольствия и их подвозу в города.

Недостаток продовольствия повлечет за собой хищения, грабежи и несчастье для всех. Самые бедные будут всех более страдать, промышленные рабочие подвергнутся горчайшим лишениям.

Кто посягает на средства пропитания и прочие предметы потребления, или же на необходимые для их распределения средства сообщения, тот берет на себя тяжелый грех перед всем народом.

Сограждане! Я настоятельно прошу всех вас: покиньте улицы, позаботьтесь о спокойствии и порядке.

Берлин, 9 ноября 1918 г.

Имперский канцлер:

Эберт.»

Если бы считать Вильгельма II волевым суб'ектом, то его отречение можно было бы рассматривать, как смиренное предвосхищение грядущих событий. В действительности же он еще ни на что не решился, а все изыскивал пути к спасению трона для себя и своей

династии. Зная, что дальнейшее промедление может лишь ухудшить положение, Макс Баденский истолковал телеграмму, заключавшую в себе полуобещание, в смысле полного и окончательного решения. Как ясно видно из «об'явления» канцлера, последний надеялся этим путем спасти корону, — если не для Вильгельмов — отца и сына, то, по крайней мере, хоть для какого-нибудь другого члена Гогенцоллернской семьи. Но это был, конечно, напрасный труд.

Шейдеман и Отто Браун, бывшие в составе депутации, поспешили обратно в рейхстаг. Другие ее члены, при выходе из имперской канцелярии, натолкнулись на входивших туда депутатов независимой социалдемократии Оскара Кона, В. Диттмана и Эвальда Фохтгера. Они известили их о происшедшем, и Эберт предложил им составить кабинет поровну — из социалистов большинства и независимых, с тем, чтобы члены левых буржуазных партий состояли при кабинете в качестве технических министров; Германия должна быть об'явлена республикой с широкой социалистической программой и с устремлением к превращению в социалистическую республику. Названные депутаты принципиально с этим согласились, но заявили, что они не уполномочены заключать обязательные для партии соглашения, а должны предоставить это центральному комитету. Они предложили для этого срок до четырех часов пополудни, — с чем остальные охотно согласились.

Предложение, которое Эберт и его товарищи сделали независимым, заслуживает справедливой оценки. В момент, когда оно было сделано, социалисты большинства не только имели на своей стороне громадное большинство социалистических рабочих во всей Германии, но и в самом Берлине они могли еще

вполне рассчитывать на поддержку большинства социалистического пролетариата. Если они наперед отказались от всякого намерения распределить портфели в кабинете пропорционально величине представительства в рейхстаге или числу членов обеих партий, и своей значительно слабее организованной социалистической сопернице предложили одинаковое число мест в правительстве, то это свидетельствует о глубоком понимании требований момента и служит образцом отношения к противнику. Они не пытались также ставить какие-либо условия относительно выбора представителей. На вопрос Оскара Кона: «что вы думаете относительно принятия в кабинет еще более лево-стоящих социалистов? Я скажу прямо: Что вы думаете о Карле Либкнехте?» Эберт ответил: «Пожалуйста, дайте нам Карла Либкнехта, мы будем ему рады. Мы не ставим образование правительства в зависимость от личностей.» Несмотря на это, предложение социалистов большинства отнюдь не встретило единодушного сочувствия со стороны Центрального комитета Независимой социалдемократии.

Между тем наступило послеобеденное время. На площади, перед рейхстагом выстроились громадные колонны рабочих и солдат, с развевающимися красными знаменами и плакатами, на которых значились слова: «Мир! Свобода! Хлеб!» К ним присоединилась не менее многочисленная разношерстная публика. Образовалась несметная толпа кричащих и поющих людей. Перед ними в окне рейхстага появляется Филипп Шейдеман, делает знак, призывающий к спокойствию, и начинает говорить:

«Сограждане! Рабочие! Товарищи!

«Монархическая система рушилась. Большая часть гарнизона присоединилась к нам. Гоген-

цоллерны отреклись от престола. Да здравствует великая германская республика! Фриц Эберт составляет новое правительство, в которое входят все социалдемократические направления. К высшему военному начальству прикомандирован социалдемократический депутат Гёре, который будет контр-асигновать все распоряжения. Теперь наша задача заключается в том, чтобы не дать осквернить победу народа, — и потому я прошу вас: позаботьтесь, чтобы не нарушались порядок и безопасность. Старайтесь о том, чтобы республике, которую мы воздвигаем, не делали помех ни с чьей стороны. Да здравствует свободная германская республика!»

Уже отдельные места этой речи прерывались бурными восклицаниями одобрения; а ея заключительные слова вызвали несмолкаемые крики: ура!, за которыми снова последовало пение социалистических песен.

В самом рейхстаге в это время порознь заседали обе социалдемократические фракции, чтобы определить свое отношение к предложению об образовании паритетного кабинета и, в случае положительного решения, тут же наметить в него своих представителей. Фракции большинства для этого не нужно было много времени. Она без колебаний согласилась с предложением и назначила своими представителями в кабинете обоих председателей партии Фрица Эберта и Филиппа Шейдемана, людей вышедших из рабочего класса (первый — седельник, второй — наборщик), — и Отто Ландсберга, которого очень высоко ценили, как юриста. Все трое были впродолжение десятилетий членами социалдемократической партии.

Не так просто дело сошло в руководящих кругах независимой социалдемократии, которые в составе центрального комитета и парламентской фракции, собрались во фракционной комнате этой последней. Здесь уже одна мысль о сотрудничестве с социалистами большинства натолкнулась не страстное противодействие одной части вожаков партии, энергичнейшим выразителем которой был Георг Ледебур. По мнению Ледебура и его единомышленников, вожди большинства — Эберт, Шейдеман, Ландсберг и их товарищи — являются предателями социализма, с которыми ни под каким видом нельзя совместно образовывать правительство. Таких людей нужно с самого начала отвести. Фактически такой отвод означал, конечно, вообще отклонение сотрудничества с большинством. Ибо партия независимых тем менее могла давать последнему какие-либо предписания относительно его представителей, что как раз ее лидеры постоянно и самым решительным образом отстаивали ту точку зрения, что партия ни в коем случае не может позволить посторонним вмешиваться в выбор ее делегатов в какую-либо смешанную комиссию. Да и едва ли соцалисты большинства покорно подчинились бы отводу своих популярнейших вождей. Поэтому, часть независимых стояла за то, что право самоопределения партий в отношении выбора своих представителей должно быть сохранено, и что обсуждению должна подвергнуться только принципальная сторона самого образования кабинета. Прения по этому поводу заняли много времени, так что делегаты от социалистов большинства, то и дело справлявшиеся о том, пришли ли уже независимые к какому-нибудь решению, вынуждены были каждый раз возвращаться обратно ни с чем. Прения однако закончились победой только

что приведенного взгляда. Когда затем перешли с обсуждению основного политического принципа новой республики, то Карл Либкнехт, незадолго до того, в сопровождении нескольких своих приверженцев появившийся в зале, потребовал слова и почти в тоне приказания стал диктовать секретарю фракции резолюцию: «Вся исполнительная, вся законодательная, вся судебная власть принадлежит рабочим и солдатским советам». Как раз перед тем он во главе своих приверженцев поднял красное знамя под берлинском дворцом и из окна дворца произнес к собравшейся внизу многочисленной, сплошной массой теснящейся, толпе революционную речь, которая была встречена восторженными одобрениями и бесконечными криками «ура». Теперь, в зале, после его слов сперва наступило странное молчание. Казалось, никто не был с ним вполне согласен, но никто не хотел пускаться с ним в прения*). Прения еще не возобновились, как, в сопровождении Бролата и Геллера, вошел в фракционную комнату независимых Филипп Шейдеман, главный лидер социалистов большинства, потерявших терпение из-за долгих ожиданий. В тоне полуукоризны он обратился к независимым с вопросом: «Ну что же, пришли вы, наконец, к какому-нибудь решению?» Ему заявили, что речь идет пока еще лишь о принципальных условиях совместной работы. На дальнейший вопрос, имеется ли определенное предложение, ему подали запись Либкнехтовской резолюции.

---

*) Автор этих строк не может отказать себе здесь в личном замечании. Несмотря на глубокие разногласия между нами, я питал раньше большие симпатии к Карлу Либкнехту. Но когда он в описанной только-что форме попытался навязать партии систему большевизма, то меня, как ударом, пронзила мысль: «Он несет нам контрреволюцию».

Он долго размышлял над нею и затем почти в отеческом тоне сказал: «Так, так; но, друзья мои, как вы себе это представляете?» Либкнехт резко ответил ему, что иначе это не может быть, — и тогда завязался спор с одной стороны, между Либкнехтом и принадлежащими к левому крылу независимой партии рабочими Эмилем Бартом и Рихардом Мюллером, а с другой стороны — Шейдеманом, Бролатом и Геллером. Из того факта, что более умеренные члены независимой социалдемократии молчали, сторонники большинства сделали вывод, что партия намеренно выдвинула для переговоров левое крыло, чтобы тем облегчить позицию правого. Так, между прочим, рассуждает Фридрих Штампфер в своей книге: «9-е ноября». Но, как читатель видит, такое толкование совершенно неправильно. Умеренные члены партии молчали, так как, с одной стороны, не могли согласиться с Либкнехтом, а с другой — не хотели выступать против него в присутствии посторонних, раньше чем руководители партии сами между собой не столкуются.

С каким результатом Шейдеман и его спутники вернулись, наконец, к своей фракции, — это видно из ответа, который Центральный комитет партии большинства в $8^1/_2$ часов вечера передал Центральному комитету независимой социалдемократии. Он гласит:

«Руководимые искренним желанием притти к соглашению, мы должны об'яснить наше принципиальное отношение к вашим требованиям.

Вы говорите:

1. Германия должна быть социальной республикой. — Это требование есть цель и нашей собственной политики, но решить это должен сам народ через учредительное собрание.

2. В этой республике вся исполнительная, законодательная и судебная власть должна принадлежать избранным доверенным лицам всего трудящегося населения и солдат.

Если под этим требованием разумеется диктатура части одного класса, за которым не стоит большинство народа, то мы *такое требование должны отклонить*, потому что оно противоречит нашим демократическим принципам.

3. Исключение всех *буржуазных* представителей из правительства.

Это требование мы должны *отклонить*, потому что его выполнение сильно повредит делу *народного продовольствия*, а то, может быть, и сделает его совершенно невозможным.

4. Участие независимых в правительстве должно продолжаться только *три дня*, как временная мера для создания правительства, способного заключить перемирие. — Мы считаем сотрудничество социалистических партий необходимым по меньшей мере до созыва учредительного собрания.

5. *Деловые министры* должны являться лишь техническими помощниками подлинного и решающего кабинета. — С этим требованием мы согласны.

6. Равноправность обоих руководителей кабинета. — Мы стоим за равноправность всех членов кабинета, однако этот вопрос подлежит решению учредительного собрания!»

Так как председатель Центрального комитета и фракции независимых, Гуго Гаазе, посланный в Киль, находился в это время на обратном пути и еще не

вернулся в Берлин, а руководители партии без него не хотели принимать столь важного решения, то ответ на это письмо пришлось отложить до следующего дня. В то время, как все это происходило во фракционных комнатах, вне рейхстага и внутри его еще бурлила жизнь первыми проявлениями начинающейся революции. Главные общественные здания, в том числе почта и телеграф, были заняты социалистами, другие — взяты под охрану. В разных местах столицы дело даже дошло до стрельбы, принявшей особенно серьезный характер около императорских дворцов. Из верхняго этажа придворной конюшни, расположенной против восточного фасада Берлинского дворца, около 6 часов вечера, вдруг стали стрелять в проходящую толпу, поплатившуюся несколькими жертвами. Вооруженные пулеметами солдаты и штатские, после непродолжительной, но тяжелой схватки, стоившей многих жертв, ворвались в здание, но там никого не нашли: засевшая там стража, очевидно, скрылась оттуда через какой-нибудь неизвестный выход. Еще больше оказалось убитых, когда из зданий бывшей королевской библиотеки и университета, расположенных — одно рядом с дворцом у Оперной площади, другое — против него, кто-то открыл стрельбу в прохожих, после чего завязалась ожесточенная борьба между осаждающими и гарнизоном. В какой мере эти и другие подобные инциденты были вызваны политическим фанатизмом и нервным раздражением, или же неправильным выполнением отданных кем-то приказаний, — это так и осталось невыясненным. О каком-либо организованном сопротивлении с военной стороны не могло быть речи. Находившиеся в Берлине военачальники следовали указаниям, изданным бывшим имперским канцлером, и спокойно отнеслись к тому, что здание комен-

дантуры и здание полицей-президиума также были заняты социалистами.

Это было самое лучшее, что они могли сделать. Ведь войска берлинского гарнизона стали безусловно на сторону революции. Раньше всех присоединились полк Императора Александра и четвертый полк егерей, расположенные в той самой казарме, при освящении которой Вильгельм II, 28 марта 1901 года, обратился к солдатам с известной речью:

«Несокрушимой твердыней возвышается ваша новая казарма в непосредственной близости дворца. Полк Императора Александра призван быть своего рода телохранителем, день и ночь стоящим на страже и готовым, если понадобится, положить свою жизнь за короля и его семью. И если бы когда-либо в этом городе снова пришло такое время, как некогда (намек на 18 марта 1848 г.), — время дерзкого восстания против короля, то, — я убежден, — полк Императора Александра штыками усмирит всякое возмущение и всякое дерзкое выступление против своего царственного властелина».

«Несокрушимая твердыня» была еще на лицо, но гарнизон уже не считал более своей задачей — служить телохранителем короля против народа.

Довольно поздно вечером, около ½10, выборные рабочие и солдатские советы собрались в большом зале рейхстага на свое первое большое заседание. Эмиль Барт, избранный председателем, открывает заседание пламенной речью, в которой восславляет победоносное восстание берлинского пролетариата и выражает признательность и благодарность берлинскому гарнизону за то, что он стал на сторону народа и своим поведением обеспечил революции почти бескровную победу. Собрание постановляет, чтобы на следующий день, в 10 часов

утра, были произведены правильные выборы в рабочий и солдатский советы; первый выбирается на всех фабриках Берлина, последний — во всех казармах и лазаретах. На каждую тысячу рабочих и работниц избирается один член рабочего совета, на каждый батальон или соответственную единицу — один член солдатского совета. Избраные члены рабочего и солдатского советов должны после обеда собраться вместе для выборов временного правительства.

Временный рабочий и солдатский совет, постоянно собиравшийся в помещении одной из парламентских комиссий, выпустил еще следующее воззвание, кроме приведенной на странице 40.

«Граждане! Рабочие!

Для успешного проведения революционного движения необходимы порядок и спокойствие.

Населению настоятельно предлагается избегать скопления на улицах и с наступлением темноты не выходить из дому.

Магистраты (Районные управы) всего Берлина работают в согласии с рабочим и солдатским советом.

Городовые всего Берлины перешли на службу народа.

Продовольственные и городские автомобили не должны подвергаться задержанию.

Снабжение продовольствием всего Берлина не должно подвергаться ни малейшему нарушению. Продовольственные запасы и учреждения по выдаче продовольственных карточек ставятся под охрану народа. Под охрану народа ставятся также все общественно-полезные учреждения, как газовые и электрические заводы, водопроводные станции, сберегательные и другие общественные кассы.

Народный комитет охраны общеполезных учреждений во всем Берлине будет охранять эти учреждения через своих уполномоченных. Охраняемые учреждения отмечаются плакатами.

Уполномоченные снабжаются красной повязкой с надписью: «Народный комитет». Они имеют, кроме того, удостоверительные билеты. В своей деятельности они пользуются поддержкой депутатов рабочего и солдатского совета.

Гражданем города предлагается поддерживать уполномоченных народного комитета в их работе.

Берлин, 9-е ноября 1918 г.

Полномочный представитель имперского канцлера и министра внутренних дел Пауль Гирш.

Народный комитет:
Евгений Эрнст, Сассенбах, Лейд.

Солдатский совет:
Бауман, Гельберг, Гертель.

Комиссия профессиональных союзов Берлина и окрестностей:
Кёрстен.»

В «Форвертс'е» от 10 ноября 1918 г. появилось, сверх того, следующее уведомление:

«Предприятия, необходимые для существования населения, не должны бастовать.

Вчера ко всеобщей забастовке примкнуло несколько предприятий, которые не должны бастовать. Во избежание чрезвычайно тяжелой опасности для существования всего населения Берлина, и чтобы воспрепятствовать продолжению такого состояния, могущего привести к тяжелым невзгодам и вызвать катастрофу, Совет

рабочих и солдат издал следующее постановление, которое сим доводится до сведения рабочих:

Не должны бастовать:

1. Торговые, извозные и транспортные предприятия (в особенности — все кучера и извощики экспедиционных контор, складов жизненных припасов и угля).

2. С'естные и пищевые заведения (в особенности — мясники, пекаря, пивовары, рестораны, — кроме кафе).

3. Государственные и городские предприятия, необходимые для существования (в особенности — газовые заводы, водопровод, электрическая станция, канализация, отдел чистки улиц, уборки сора и т. п.)

4. Домашние и больничные служащие.

Совет рабочих и солдат.»

Вслед за тем, 10 ноября 1918 г., в «Форвертс'е» было еще напечатано крупным шрифтом следующее об'явление:

«Ищут организаторов!

Настоятельно приглашаются лица, способные принять на себя надзор за общественными и городскими предприятиями.

Желающих просят записываться в бюро своей организации.

Совет рабочих и солдат.»

В тех-же целях, 10 ноября 1918 г., в «Форвертс'е» появилось следующее воззвание:

«Рабочие! Граждане!

По поручению своих организаций и в согласии с Городским управлением нижеподписавшиеся образовали «Народный комитет» для охраны общеполезных учреждений всего Берлина. Этот комитет будет через своих уполномоченных охранять общеполезные учреждения,

работа которых, в интересах народа, должна находиться под надежной защитой.

Такими учреждениями являются, в числе прочих, склады для хранения жизненных прапассов, бюро для выдачи продовольственных карточек, народные кухни, газовые и электрическе заводы, водопроводные станции, сберегательные и другие общественные кассы, средства передвижения.

Деятельность этих учреждений должна быть обеспечена во что бы то ни стало. Населению предлагается поддерживать наших уполномоченных при выполнении ими своих обязанностей по охране этих учреждений. Из городских предприятий удалены войска, в надежде на то, что народ будет сам охранять свое достояние.

За Союз социалдемократических избирательных ферейнов Берлина и предместий (Независ. Соц. П.):

Карл Лейд, д-р Курт Розенфельд, Матильда Вурм.

За Германскую социалдемократическую партию Берлинского округа:

Евгений Эрнст, Теодор Фишер, Гуго Петч.

За комиссию профессиональных Союзов Берлина и предместий:

Алвин Кёрстен, Адольф Риттер, Евгений Брюкнер, Герман Миц, Эрнст Шульце, Людвиг Годагг.

За Союз немецких рабочих ферейнов (Гирш-Дункер). (Берлин и предместья):

Франц Нейштедт, Эд. Иордан.

За картель христианских профессиональных организаций:

Трэнерт.

За Берлинское Городское Управление:

Магистрат: Вермут.»

Из всех этих заявлений видно, как сильно в день революции господствовал среди рабочих Берлина старый социалдемократический дух, привитый им основателями немецкого социалистического движения; как сильно побеждающие рабочие и их представители заботились о том, что бы даже в атмосфере бурной классовой борьбы удержать за революцией характер решительного культурного движения; как глубоко они были проникнуты мыслью о том, что и во время революции следует относиться с величайшим вниманием к пользе и благу, безопасности и праву неучаствующих в борьбе, и что революция, пролагая путь новому праву, должна быть свободна от потакательства элементам дикой анархии и произволу низменных инстинктов.

VI.

Первый лик германской республики.

Нельзя себе представить лучшей иллюстрации того громадного впечатления, которое произвело в Берлине восстание 9 ноября, как передовицы берлинских газет от 10 ноября. Даже органы крайней правой не решались открыто отрицать его политическое значение для преобразования Германии; они ограничились только приведением фактов с некоторыми оговорками.

Так, консервативная „Kreuzzeitung“ не без самоотречения писала:

„Всем слоям народа, желающим сохранить государство и общественный порядок, необходимо будет действовать сплоченно, чтобы не допустить хаоса“.

О каком государстве и каком общественном порядке идет речь, — это газета сочла благоразумным оставить

в тени и только утешала своих единомышленников указанием на будущее:

„Консерваторы должны посеять зерно, из которого для будущих поколений немецкого народа произростет лучшая судьба, чем та, которая суждена нам и нашим детям“.

Аграрно-консервативная „Deutsche Tageszeitung“ присоединяется к предложению — как можно скорее приступить к избранию германского законодательного национального собрания.

„Сколько-нибудь длительно пользоваться властью, — с может лишь такое правительство, которое получит свой мандат из рук большинства немецкого народа, установленного законным и безукоризненным путем.“

Так писала она, этим самым уже совершая принципальное отречение от догмы власти „Божьей милостью“.

Националистическая „Tägliche Rundschau“, восхищенная тем, что революция обошлась без всяких эксцессов и насилия, выражает свое признание рабочим и солдатским советам, господство которых в том виде, как оно проявилось до сих пор, грешно назвать большевистским. С их стороны было честно сделано все для поддержания порядка и дисциплины, и потому „надлежит последовать призыву Эберта о сотрудничестве инакомыслящих, чтобы избавить народ от гражданской войны, голода и анархии“.

Органы прогрессивной народной партии, этого левого крыла буржуазной демократии, и органы партии католического центра выражали свою радость по поводу незапятнанного эксцессами хода революции и также высказывались за скорый созыв национального собрания.

Три газеты, повидимому, сразу изменили свой характер. Единственное нарушение частных прав, совершенное 9 ноября, коснулось нескольких органов столичной

прессы и не лишено было известного юмора. Что было делать в день революции тем газетам, которые до того считались официозными органами свергнутого правительства? Продолжать в старом виде свое издание они не могли: но они также не могли, если бы даже этого захотели их издатели, тотчас заявить себя официозами нового правительства, так как в точности не было еще известно, что́ будет из себя представлять это правительство. И вот, воспользовавшись тем обстоятельством, что республика хотя и была на лицо, но еще не обрела своей формы, некоторые группы социалистов временно захватили эти газеты в свои руки. Одни захватили бывшую до тех пор ультра-официозом „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ [1]), другие, — социалисты спартаковского направления, — „Berliner Lokal-Anzeiger“ [2]), которая носила более случайный официозный характер. Подписчики „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ 10 ноября 1918 г., получили свою газету с следующим заголовком:

„Die Internationale“ [3])

бывшая: „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“

и с социалдемократическим содержанием. Передовица, озаглавленная „An die Arbeit“ (к работе!) прославляет совершившейся переворот «столь громадной силы и значения, что мы даже не можем еще измерить всех его последствий» и кончается словами:

> «Мы приветствуем свободу, мы приветствуем социалистическую германскую республуку. Наш клич, который да будет обетом:
>
> **Да здравствует республика!**
> **Да здравствует Интернационал!»**

---

[1]) «Норддейтше альгемейне цейтунг» (Северо-германская всеобщая газета).

[2]) Берлинер Локаль-Анцейгер (Берлинский местный указатель).

[3]) Интернационал.

Издающаяся Ульштейном „Berliner Allgemeine Zeitung“ [1]), расчитанная на те круги населения, которые не могут тратить много денег на газеты, и особенно распространенная в мелких поселках в окрестностях Берлина, получила, не меняя своего названия, вполне определенный социалдемократический характер; между тем, издаваемая той же фирмой и, быть может, втрое более распространенная „Berliner Morgenpost“ [2]), а также „Vossische Zeitung“ [3]), перешедшая к Ульштейну и служащая органом либеральных ученых и известных торговых кругов Берлина — остались в своем прежнем виде. Не были захвачены также очень распространенные газеты фирмы Моссе: „Berliner Tageblatt“ [4]) и „Berliner Volkszeitung“ [5]).

Совсем иная судьба постигла „Berliner Lokal-Anzeiger“, выпускаемый издательством Шерля. —

Уже 9 ноября, поздно вечером, появился номер этой газеты под названием:

„Die rote Fahne“ [6])

бывший: „Berliner Lokal-Anzeiger“

2-е вечернее издание.

Впереди текста этого номера было следующее сообщение:

> «Редакция „Berliner Lokal-Anzeiger“ занята представителями революционного народа (группой Спартак). Редактирование газеты перешло, таким образом, в ведение товарищей.»

Содержание номера, однако, выдержано было в обычном тоне газеты, так как большая часть материала,

[1]) Берлинская всеобщая газета.

[2]) Берлинская утренняя почта.

[3]) Фоссова газета.

[4]) Берлинер тагеблат (Берлинский ежедневник).

[5]) Берлинер фольксцейтунг (Народная газета).

[6]) Роте фане (красное знамя).

повидимому, была уже набрана, когда газетой овладели Спартаковцы. Только напечатанная жирным шрифтом и большими буквами поперечная строка на верху первой страницы — «Берлин под красным знаменем» и немного мельче напечатанная под этим поперечная строка — «Полицей-президиум взят штурмом! — 650 заключенных освобождены — красные знамена перед дворцом» и, наконец, несколько сообщений о событиях в Берлине, — по своему тону свидетельствовали о приверженности к революции, не выявляя, однако, демонстративным образом особых тенденций группы Спартак.

В сообщении о нападении на полицей-президиум интересна первая фраза. Она гласит:

> «В послеобеденные часы по городу стали раз'езжать в автомобилях вооруженные отряды. Вблизи Hallesches Ufer толпе были розданы ружья из
>
> тайного оружейного склада,
>
> после чего начался об'езд города, который, несомненно, был хорошо организован.»

Здесь намекается на один из тех оружейных складов, для устройства которых деньги были взяты у большевиков.

Гораздо определеннее сказываются уже особые тенденции в утреннем номере газеты от 10 ноября 1918 г. Он также носит название „Rote Fahne“, и впереди текста красуется следующее извещение:

> Внимание!
>
> Прежний „Berliner Lokal-Anzeiger“ был нами перенят только поздно вечером, так что для заполнения газеты мы должны были поместить в ней ряд уже набранных известий, которые поэтому были представлены не в такой форме, в какой собираемся излагать ход событий мы. С завтрашнего дня это будет изменено.
>
> Редакция „Rote Fahne“
>
> Орган направления «Спартака».

Таким образом, захват этой буржуазной газеты имелось в виду закрепить на продолжительное время. Самый же текст газеты, наряду с извещениями и воззваниями, отстаивавшими единство социалистических рабочих в борьбе, заключало в себе и такой материал, который уже предвещал борьбу против нового социал-демократического правительства. К набранному петитом воззванию Эберта, настоятельно предлагавшему «избегать всего, что может грозить необходимому подвозу продовольствия населения, не оставаться на улицах и сохранять спокойствие и порядок», — большими буквами и жирным шрифтом пристегивается следующая заметка:

> «Мы предлагаем, напротив, не уходить с улиц, а оставаться на них вооруженными и каждую минуту быть на стороже. Дело революции надежно только тогда, когда оно в руках народа. Предложение вновь назначенного свернутым императором имперского канцлера имеет своей целью лишь отправить народные массы по домам, чтобы восстановить старый „порядок". Рабочие, солдаты, будьте на стороже!»

Воззвание, озаглавленное «Рабочие и солдаты», призывает их делать «работу до конца» и не доверять тем, «которые с канцлерского и министерских кресел собираются управлять вашими судьбами». Для достижения рабочих целей необходимо, чтобы берлинский пролетариат в блузе и мундире с решимостью и неудержимой волей потребовал проведения следующих мер:

1. Разоружение всей полиции, офицеров и солдат, которые не стоят на почве нового порядка; вооружение народа; все вооруженные солдаты и пролетарии сохраняют свое оружие.
2. Передача всех военных и штатских должностей и командных постов уполномоченным от рабочего и солдатского совета.
3. Передача всего наличного оружия и амуниции, а также всех предприятий по военному снаряжению — рабочему и солдатскому совету.

4. Контролирование рабочим и солдатским советом всех средств сообщения.
5. Упразднение военной юрисдикции; замена военной слепой покорности добровольной дисциплиной солдат под контролем рабочего и солдатского совета.
6. Упразднение рейхстага и всех парламентов, а также — существующего германского правительства; передача правительства берлинскому рабочему и солдатскому совету впредь до создания обще-германского рабочего и солдатского совета.
7. Избрание по всей Германии рабочих и солдатских советов, в руках которых исключительно должны находиться законодательство и управление.

   В выборах рабочих и солдатских советов участвует весь взрослый трудовой народ городов и деревень без различия пола.
8. Упразднение всех династий и отдельных государств; наш девиз: единая социалистическая республика Германия.
9. Немедленное установление связи со всеми существующимы в Германии рабочими и солдатскими советами и с социалистическими братскими партиями заграницей.
10. Немедленное возвращение русского посольства в Берлин.

За исключением некоторых требований, общих для всех социалдемократов, мы имеем здесь специфическую политическую программу русского большевизма. «Примерная резолюция» группы Спартак, предназначенная для постановки на обсуждение во всех фабриках, солдатских советах и т. д., требует «немедленного возобновления сношений Германии с советской Россией, этим победоносным авангардом мировой революции», а также «делегирования, — на ряду с другими преданнейшими и мужественнейшими товарищами, — товарища Розы Люксембург в президиум Центрального рабочего и солдатского Совета Германии или другого подобного учреждения, имеющего образоваться».

Далее говорится:

«Рабочие и солдаты! Тысячелетиями длившееся рабство приходит к концу; из несказанных страданий войны восстает новая свобода. Четыре долгих года шейдемановцы, эти правительственные социалисты, гнали вас сквозь все ужасы войны, говорили вам, что необходимо защищать „отечество", когда речь шла лишь о голых хищнических интересах империализма. Теперь, когда германский империализм потерпел крах, они стараются спасти для буржуазии то, что еще можно спасти, стремясь потушить революционную энергию масс.

В правительстве не должно быть более ни одного „шейдемановца"; ни один социалист не должен вступить в правительство до тех пор, пока в нем сидит хоть один правительственный социалист. Не должно быть никакого общения с теми, кто предавал вас в течение четырех лет.

Долой капитализм и его агентов!

Да здравствует революция!

Да здравствует Интернационал!

Таким образом, в движение была внесена борьба не только по существу, но и чисто личная: были подвергнуты отлучению люди, политику которых во время войны можно считать ошибочной, но мотивы которых ничего общего с империализмом не имели, и в которых громадное большинство социалистических рабочих Германии видели своих призванных вождей.

За этим боевым кличем следовал следующий: «Привет русской Советской республике»:

«Роте фане (орган направления Спартак) шлет свой первый горячий привет Социалистической Федеративной Советской Республике и просит ее известить наших русских братьев, что берлинские рабочие отпраздновали первую годовщину русской революции совершением германской революции».

Таков был характер органа руководимой Карлом Либкнехтом группы Спартак. Совсем иной тон взял «Форвертс» в номере от 10 ноября. Его передовица,

чествовавшая победу революции, была озаглавлена: «Долой братоубийственную борьбу!» Она напоминает о том, что уже накануне «отдельными небольшими группами, под неизвестным и безответственным руководством» делались попытки парализовать деятельность рабочих и солдатских советов. Это «самое тяжелое прегрешение перед рабочими, какое вообще можно себе представить.» Дело, носителем которого является громадная масса рабочих, не должно срываться отдельными мелкими группами. Далее говорится буквально следующее:

«Вчерашняя победа народа над старым режимом куплена ценою очень небольших кровавых жертв. Неужели после такого славного начала мир увидет зрелище самораетерзания рабочих в безумной братоубийственной борьбе?

Этого не должно быть ни в коем случае!»

В целом ряде союзных государств, особенно в Баварии, — говорится далее, — с.-д. партия и независимые в день революции действовали сообща, и там уже нет раскола. Неужели Берлин останется позади них? Должно произойти единение и здесь, ибо дело идет о благе и будущем всего рабочего класса. Дело примирения «не должно разбиться о сопротивление кучки ожесточившихся, не обладающих достаточной силой характера, чтобы преодолеть и забыть всякие обиды.» Народным массам чужда такая злоба, — вчера рабочие почти инстинктивно восстановили единство друг с другом. Орган социалдемократической партии продолжает затем:

«Ни один вождь не должен этому мешать. Если среди них имеются такие, каторую мешают единению партий, тогда оно должно совершиться без них. Дело такой громадной важности не должно разбиться о препятствия личного характера.

Старая социалдемократическая партия стремится к единению всеми своими силами, не останавливаясь, со своей стороны, даже перед жертвами. Она знает, что это ее стремление отвечает здравому смыслу рабочих масс ... братская рука протянута — давайте свою!»

Дальнейшие события дня показали, что такой тон полностью выражал тогдашние настроения громадной массы рабочих Берлина.

Утром 10 ноября собрались парламентская фракция и Центральный Комитет Независимой партии, чтобы обсудить свое отношение к ответному посланию Центрального Комитета Социалистов большинства, приведенному нами в прошлой главе. Председательствовал Гуго Г а а з е, накануне вечером возвратившейся из Гамбурга. Вопреки меньшинству, которое ни за что не соглашалось признать правительство с участием в нем лиц вроде Филиппа Шейдемана, после оживленных прений было решено не отказываться от вступления в кабинет, составленный из представителей обоих партий, а лишь обусловить это вступление определенными требованиями, которые были сформулированы следующим образом:

«Стремясь закрепить революционные и социалистические завоевания, Независимая социалдемократическая партия готова вступить в кабинет на следующих условиях:

Кабинет должен состоять только из социалдемократов, причем все народные уполномоченные должны быть равноправны между собою. Это ограничение не распространяется на министров-специалистов, которые являются лишь техническими помощниками решающих членов кабинета. К каждому из специалистов причисляются на равных правах два члена обоих социалдемократических партий, по одному от каждой. Участие независимых социалдемократов в кабинете, в который каждая партия делегирует по три члена, не связано никаким сроком.

Политическая власть находится в руках рабочих и солдатских советов, которые должны быть в ближайший срок созваны со все частей государства на общий с'езд.

Вопрос об учредительном собрании получит актуальное значение только после консолидации положения, созданного революцией, и поэтому подлежит рассмотрению в более поздний срок.

На случай принятия этих условий, продиктованных стремлением к об'единенному действию всего пролетариата, мы делегируем в кабинет наших членов Гаазе, Диттмана и Барта.»

Гуго Гаазе и Вильгельм Диттман принадлежали к Центральному Комитету Независимой Социалдемократии и пользовались широкой известностью, как депутаты рейхстага от этой партии; Эмиль Барт, по профессии металлист, был членом группы Спартак и был ею предложен после того, как Карл Либкнехт резко отклонил приглашение вступить в кабинет в качестве представителя крайней левой.

Приведенные условия были переданы Комитету Социалдемократической партии, которая после непродолжительного обсуждения заявила, что согласна их принять. Согласие это мотивировалось указанием на интересы единства пролетарского движения и на тяжелое положение Германии. Ибо тем временем стали известны те тяжелые условия, с которыми державы Антанты связывали свое согласие на перемирие, и которые означали не что иное, как полную капитуляцию. Эти условия, между прочим, повлияли на Центральный Комитет Независимой Социалдемократии и в том отношении, что он даже и не подумал о том, чтобы, воспользовавшись случаем, самому взять в свои руки всю правительственную власть.

Чтобы окончательно закрепить соглашение между обоими партиями, необходимо было еще согласие рабочего и солдатского совета столицы.

С этой стороны также не было задержки. Рабочие на фабриках и солдаты в казармах в дообеденное время произвели выборы своих советов, согласно установленным

для этого правилам, а в 5 часов пополудни эти советы собрались на пленарное заседание в большом цирке Буша.

Это была мощная манифестация, прошедшая очень бурно. Еще до обеда приверженцы Спартака распространили прокламацию, которая при данных обстоятельствах могла послужить зажигательной искрой, но в то же время свидетельствовала о поразительном непонимании истинного настроения огромного большинства социалистически мыслящих рабочих Берлина. Она заявляет прежде всего, что они, социалисты направления Спартака, «раньше всех и во все время войны отстаивали идею немедленной революционной борьбы против войны», и затем предлагает рабочим и солдатским советам следующие лозунги при выборах временного правительства:

> «Ни один голос не должен быть подан за правительственного социалиста. Они четыре года подряд предавали революцию и будут это делать и впредь.
>
> Ни один голос не должен быть подан за социалиста, который согласен вступить в правительство вместе с буржуа или правительственными социалистами. Товарищи! буржуа и правительственные социалисты хотят вашего участия в правительстве для того, чтобы вы им помогли прикрыть свои грехи. Вы не должны унизиться до этого. Пускай они окончательно уйдут или же сами несут последствия своей преступной военной политики.»

Таким образом, они предлагали не голосовать не только ни за одного члена социалдемократической партии, но и ни за одного члена независимой социалдемократии, которая была готова пойти на соглашение с первой. Борьба в социалистическом лагере об'являлась на вечные времена.

Как мало это соответствовало мыслям, одушевлявшим собравшихся уполномоченных от рабочих и солдат, обнаружилось сейчас же после открытия заседания. Три

тысячи человек, — на половину делегаты от рабочих, на половину представители от солдат, — после краткой речи Эмиля Барта, открывшего собрание, избрали в президиум самого Барта, металлиста Рихарда Мюллера, принадлежащего к независимой социалдемократии, и лейтенанта Вальца, а в секретари — члена социалдемократической партии Брута Молькенбура. После этого Фриц Эберт от социалдемократической партии, Гуго Гаазе от Независимой Социалдемократии и Карл Либкнехт от «Союза Спартак» произнесли краткие речи о значении революции. Собрание приветствовало всех их восторженными восклицаниями, и все их речи без исключения встречены были с большим одобрением. Но как ни бурны были выражения одобрения по адресу ораторов, говоривших о смысле и задачах революции, они все-же потускнели по сравнению с тем, бесконечно бурным восторгом, который вызвало сообщение Эберта, что между обоими социалдемократическими партиями достигнуто соглашение об образовании совместного правительства на основе вступления в кабинет трех членов с каждой стороны. Это было стихийным ответом подавляющего большинства собрания на попытки приверженцев Спартака помешать такому соглашению.

Между тем, последние предложили для выборов в Исполнительную Комиссию (Aktionsausschuß) рабочего и солдатского совета список, в котором не было ни одного члена социалдемократической партии, и который состоял только из приверженцев их собственного направления и левого крыла независимой социалдемократии. Когда перешли к обсуждению выборов, то оглашение этого списка вызвало самые резкие возражения и знаки крайнего неодобрения. Представители солдат особенно единодушно настаивали на паритетном характере ко-

миссии. Этому требованию отвечал список кандидатов, предложенный сторонниками социалдемократической партии и оглашенный ее членом Бюшелем; и в этом же духе прошли и самые выборы. В комитет, получивший затем название «Исполнительного комитета» (Vollzugsrat), были избраны: от социалдемократической партии Франц Бюшель, Густав Геллер, Гиоб, Эрнст Юлих, Майнц и Оскар Руш; от независимой социалдемократии — Эмиль Барт, Пауль Эккерт, Георг Ледебур, Рихард Мюллер, Пауль Нейендорф и Пауль Вегман. Представители «Союза Спартак» — Карл Либкнехт и Роза Люксембург, отклонили свои кандидатуры в комитет, после того как состоялось решение о его паритетном составе.

При выборах членов Комитета от солдат также старались избегнуть всякой односторонности; конечно, условием ставилось, чтобы избранный признавал революцию и стоял за нее; в общем-же были приняты в соображение все разнообразные градации и направления. Среди 12 избранных имелись офицеры, унтер-офицеры и нижние чины, независимые и социалисты большинства. Их имена суть: Бальц, Вартуш, фон-Беерфельде, Бергман, Эхтман, Гергардт, Газе, Гертель, Кёлер, Ламперт, Брут Мολькенбур, Вимпель.

После окончания выборов в Комитет речь зашла о назначении временного правительства республики. И тогда представители Спартака и близкого к ним крыла независимых сделали последнюю попытку воспрепятствовать одобрению кандидатур вождей социалистов большинства. Георг Ледебур, Карл Либкнехт и др. в самом резком тоне обрушились на них, вызвав этим бурю протестов. Речи и возражения грозили затянуться до бесконечности, но вдруг один из солдат поднялся и при общем одо-

брении своих товарищей воскликнул: «Если вы, наконец, не придете к соглашению на счет правительства, тогда мы, солдаты, сами его назначим!» Это положило конец прениям, и когда приступили к голосованию, то снова обнаружилось, что «непримиримые» имели на своей стороне лишь ничтожное меньшинство рабочих. Предложение председателя Барта утвердить образованный уже из обоих партий кабинет было встречено бурными одобрениями против очень немногих голосов. Под конец было также принято предложение о том, чтобы обратиться к рабочим и социалистам всех стран с воззванием, которое известило бы их об учреждении германской республики и выразило бы пожелание об об'единении рабочих всех стран в великий социалистический и демократический союз мира народов.

По окончании этого чрезвычайно импозантного собрания, утвержденный кабинет из шести членов имел непродолжительное совещание, приняв название Совета Народных Уполномоченных. Совет избрал в свои председатели на равных правах Фрица Эберта и Гуго Гаазе и постановил главнейшие портфели распределить следующим образом:

Внутренние и военные дела: Фриц Эберт;
Иностранные дела и колонии: Гуго Гаазе;
Финансы: Филипп Шейдеман;
Демобилизация и народное здравие:
Вильгельм Диттман;
Пресса и информация: Отто Ландсберг;
Социальная политика: Эмиль Барт.

Это не означало, однако, что названные лица являются министрами соответствующих ведомств; речь шла лишь о возложении на них обязанности непосредственных сношений с данными ведомствами, принятия

поступающих дел и т. п. Самое-же руководство государственными делами оставлялось за особыми статс-секретарями, при выборе которых было оказано должное внимание и буржуазным партиям, признавшим республику, и приняты в соображение деловые качества и служебная опытность намечаемых кандидатов. Руководящим принципом служило, однако, чтобы статс-секретарь, или его товарищ были испытанными борцами за социализм. В тех случаях, когда речь шла не о назначении на деловую чиновничью должность, а о «комиссарстве», то для таких лиц был принят титул «прикомандированного» (Beigeordneter). На основании предложений со стороны партий и переговоров с намеченными лицами, в ближайшие дни должности были распределены следующим образом:

1. Должности, занятые социалистическими статс-секретарями: Имперский экономический департамент: статс-секретарь — д-р Август Мюллер, товарищ статс-секретаря — Роберт Шмидт, прикомандированный — д-р Август Эрдман; общеимперское военно-продовольственное ведомство — Эмануель Вурм. Ведомство труда — статс-секретарь Густав Бауер, товарищ статс-секретаря — Иоганн Гизберт, прикомандированный — Герман Иеккель.

2. Должности, занятые социалистическими товарищами статс-секретаря или прикомандированными: ведомство иностранных дел — статс-секретарь д-р Зольф, товарищ статс-секретаря — д-р Эдуард Давид, прикомандированный — Карл Каутский; морское ведомство: прикомандированые — Густав Носке и Эвальд Фохтгер; ведомство демобилизации — статс-секретарь д-р Кёт. прикомандированые — Отто Бюхнер и Освальд Шуман; военное

министерство — статс-секретарь Шейх, товарищ статс-секретаря Пауль Гёре, прикомандированный — Деймиг; ведомство юстиции — статс-секретарь д-р Краузе, прикомандированный — д-р Оскар Кон; почтовое ведомство — Рюдлин; казначейство — статс-секретарь д-р Шиффер, прикомандированный — Эдуард Бернштейн.

Статс-секретарем ведомства внутренних дел несколько позже был назначен демократ д-р Гуго Прейс.

Из названных здесь лиц Густав Бауер, Эдуард Давид, Пауль Гёре, Август Мюллер, Густав Носке, Роберт Шмидт и Освальд Шуман принадлежали к социалдемократической партии, Эдуард Бернштейн, Оскар Кон, Г. Деймиг, Август Эрдман, Герман Иеккель, Карл Каутский, Эвальд Фохтгер и Эмануель Вурм — к независимой социалдемократии.

Исполнительный Комитет рабочих и солдатских советов избрал в свои председатели не принадлежащего ни к какой партии капитана фон-Беерфельде, — который, однако, уже через несколько дней оставил свой пост и был заменен членом социалдемократической партии Брутом Молькенбуром, — а также рабочего металлиста Рихарда Мюллера, принадлежащего к независимой социалдемократии.

12 ноября Совет народных уполномоченных обратился к немецкому народу со следующим воззванием:

«К германскому народу!

Вышедшее из революции правительство, политическое направление которого — чисто социалистическое, ставит себе задачей осуществить социалистическую программу. Сейчас же оно вводит в законную силу следующие постановления:

1. Осадное положение снимается.
2. Право союзов и собраний не подлежит никакому ограничению; в этом отношении не допускается

исключения также для чиновников и рабочих государственных предприятий.

3. Цензуры не производится. Театральная цензура отменяется.
4. Из'яснение мнений в письменной или устной форме — свободно.
5. Свобода в отправлении религиозных нужд обеспечивается. Никто не может быть принужден к выполнению религиозных отправлений.
6. По всем политическим преступлениям об'является амнистия. Возбужденные по таким делам судебные преследования прекращаются.
7. Закон об «отечественной вспомогательной службе» отменяется, за исключением постановлений, касающихся улажения споров.
8. «Устав о челяди» отменяется, равно как и — исключительные законы против сельских рабочих.
9. Отмененные в начале войны постановления об охране рабочих сим вновь вводятся в действие.

Дальнейшие социально-политические постановления будут опубликованы в ближайший срок; самое позднее — 1 января 1919 года вступит в силу закон о максимальном восьмичасовом рабочем дне. Правительство будет всячески стараться предоставить всем желающим работу. Постановление о помощи безработным уже изготовлено. Оно возлагает необходимые для этого расходы на германское государство, союзные государства и общины. В области страхования на случай болезни обязательность страхования будет расширена за теперешние пределы 2500 марок. С жилищной нуждой борьба будет вестись при помощи предоставления нуждающимся жилищ. Для обеспечения регулярности народного продовольствия будут приняты все необходимые меры. Правительство будет поддерживать упорядоченное производство, охранять собственность от посягательств частных лиц, а равно охранять личную свободу и безопасность. Всякие выборы в публичные учреждения впредь должны производиться на основе равного, тайного, прямого, всеобщего избирательного права, с применением пропорциональной системы выборов и при

участии всех лиц мужского и женского пола, достигших 20-летнего возраста.

Это избирательное право распространяется и на

Учредительное Собрание,

относительно которого еще последуют более подробные постановления.

Берлин, 12 ноября 1918 года.

Эберт, Гаазе, Шейдеман, Ландсберг, Диттман, Барт.»

Таким образом, республика была возвещена с самого начала, как демократическая республика с социалистической политикой. На ряду с постановлениями, которые относятся к рабочему классу, гарантируя ему важные права, мы встречаем в воззвании также заявление об охране собственности от посягательств частных лиц и о поддержании упорядоченного хода производства; таким образом, у буржуазии не было повода для паники. Это было с благодарностью отмечено в то время даже печатью партий земельных и городских собственников.

О немедленном восстановлении вполне упорядоченного хода вещей, конечно, нельзя было тогда и говорить. Умы находились в чрезвычайном возбуждении, пробудились самые всеоб'емлющие надежды, выдвигались самые смелые проекты, настойчиво требовавшие к себе внимания; хорошие намерения и пылкая фантазия порой выливались в самое несуразное прожектерство. Даже, в общем, разумно мыслящие люди утратили меру целесообразного и осуществимого. В кругу рабочих, как и в широких кругах интеллигенции, все были согласны в том, что необходимы глубокие изменения, но сильно расходились в вопросе о способах и характере этих изменений. Однако, над этим волнующимся морем неясных и смутных идей, возвышался, указывая направление, политический опыт Народных уполномоченных, которые, за исключением еще очень молодого Эмиля

Барта, были парламентски вышколенными политиками, и в лице Гуго Гаазе и Отто Ландсберга имели популярных и остроумных юристов, а в лице Вильгельма Диттмана и Фрица Эберта — испытанных в многолетнем пролетарском служении практиков повседневной борьбы рабочего класса. С своей стороны, эти люди опирались на такой политически и экономически сильно организованный рабочий класс, какого раньше не знала ни одна политическая революция, — на класс с вполне определенными традициями и с сильно развитым чувством дисциплины во всех фазисах борьбы. До революции ему служила противовесом армия. Теперь же, когда солдаты примкнули к народу и стали на сторону республики, ее спокойное развитие казалось вполне обеспеченным.

Из всех частей Германии приходили вести, что победоносные-же восстания привели частью к добровольному, частью к вынужденному отречению прежних правительств и к провозглашению республики. Какую форму примет прежняя Германская Империя при таких обстоятельствах, — форму единой или союзной республики, — этого еще нельзя было знать; но не было больше сомнения в том, что роль монархов в Германии сыграна. Все это произошло иначе, чем в «Битве у березовой роши» Фрейлиграта. Но за то оправдались заключительные слова поэта в его могучей поэме: «Мертвые живым.»

„Die Adler fliehen, die Löwen fliehen, die Klauen und die Zähne,
Und seine Zukunft bildet selbst das Volk, das souveräne.“
(«Улетают орлы, убегают львы, исчезают клыки и когти,
Свою судьбу творит отныне народ сам суверенный.»)

VII.

В союзных государствах.

Пруссия. То, что произошло в Берлине в смысле преобразования обще-имперского правительства, естественно отразилось непосредственным образом и на правительстве Пруссии. В силу соглашения, состоявшегося между руководящими органами обоих социалистических партий и Исполнительным комитетом рабочего и солдатского Совета, 10-го ноября и в Пруссии было назначено революционное народное правительство, составленное из социалистов большинства: Пауля Гирша, Отто Брауна и Евгения Эрнста, с одной стороны, и независимых социалистов: Генриха Штребеля и Адольфа Гофмана — с другой. Пост шестого члена в правительстве сперва занял социалист большинства Конрад Гёниш, которого затем сменил независимый социалист Курт Розенфельд. Четыре министерских поста немедленно были замещены таким образом, что во главе каждого из них стали один социалист большинства и один независимый социалист, а именно: Пауль Гирш (больш.) и Эмиль Эйхгорн (нез.) — по министерству внутренних дел; Адольф Гофман (н.) и Конрад Гёниш (б.) — по министерству просвещения; Отто Браун (б.) и Адольф Гофер (н.) — по министерству земледелия; Альберт Зюдекум (б.) и несколько позже — Гуго Симон (н.) — по министерству финансов. Министерство юстиции было поручено члену партии Центра — Петру Шпану, министерство торговли — прогрессисту Фишбеку. Когда Эмиль Эйхгорн принял на себя управление Берлинским Полицей-президиумом, то его место занял независимый социалист Рудольф Брейтшейд, а на место Петра Шпана, покинувшего в конце ноября министерство юстиции, упра-

вление последним было поручено на равных правах Вольфгангу Гейне (б.) и Курту Розенфельду (н.). В министерстве торговли на ряду с министром Фишбеком был поставлен в качестве комиссара социалист большинства Отто Гуэ. Пост военного министра был оставлен за ранее назначенным Шейхом, с социалистом большинства Паулем Гёре в качестве товарища статс-секретаря. Министерство общественных работ принял на себя прогрессистский депутат Гоф с Л. Бруннером (б.) и Паулем Гофманом (н.) в качестве «прикомандированных.»

Назначение в министры просвещения и исповеданий Адольфа Гофмана, который известен, как руководитель свободно-религиозного движения в Берлине, и речи которого нередко пестрят разными грамматическими ошибками, свойственными простонародному берлинскому диалекту, вызвало резкие протесты со стороны духовенства и учителей академического ранга. Чтобы смягчить это впечатление, туда еще был назначен академически-образованный независимый М. Бэге. Само министерство было переименовано в министерство науки, искусства и народного образования, а распоряжением этого министерства от 27-го ноября последовало упразднение в Пруссии местного надзора духовенства за школами и сосредоточение его в руках окружных школьных инспекторов. Что касается других реформ, то вскоре между Гёнишем и Гофманом возникли разногласия относительно способов их проведения. О трудностях управления другими ведомствами будет речь впереди.

Бавария. Это, второе по величине союзное государство Германии шло в революции впереди империи и Пруссии. Здесь до 1918 года социалдемократия боль-

шинства почти безраздельно господствовала над умами рабочих. Только в Мюнхене высокоодаренному Курту Эйснеру, еле пробивавшемуся там в качестве вольного социалистического литератора, удалось собрать около себя, как противника военной политики большинства, некоторый круг единомышленников — социалистов. Этот круг, правда, был не очень многочислен, но чрезвычайно деятелен и не прекратил своей пропаганды и тогда, когда Эйснер, весной 1918 года, был заключен в следственную тюрьму, по обвинению в призыве к государственной измене, за речь, произнесенную им во время одной из демонстраций в пользу мира, которые происходили тогда во всей Германии. Проникнутый убеждением, — которое он горячо отстаивал в тесном кругу своих друзей, — о том, что социалистические вожди должны принести большие личные жертвы, чтобы своим примером воспламенить и воодушевить народ к энергическому сопротивлению против военной политики правительства и империалистических партий, Эйснер в той своей речи не считался ни с прокуратурой, ни с военной цензурой, так что можно было с уверенностью ожидать самого тяжелого приговора. Освобожденный в октябрьские дни 1918 года, он с прежним жаром принялся за работу и стал признанным вождем рабочих масс, среди которых приверженцы крайней радикальной группы Спартака развивали очень живую агитацию. Когда вести о Киле дошли до Мюнхена, то они застали там созревшее революционное настроение. Эйснер, совмещавший в себе почти неземной идеализм с сильно развитым практическим чутьем, проявил, несмотря на глубокие разногласия между ним и вождями социалистического большинства, все же достаточно рассудительности, чтобы по возможности устранить из движения партийные споры.

На грандиозной демонстрации, произошедшей 7-го ноября 1918 года на Терезиенвизе в Мюнхене, на ряду с ним главным оратором выступал влиятельнейший вождь социалистов большинства Эдуард Ауэр. Их речи были встречены с величайшим энтузиазмом; настроение было глубоко революционное, и предложенная Эйснером резолюция была принята с восторгом. Эта резолюция начиналась так:

> «Немецкий народ чувствует себя об'единенным со всеми народами Европы в пламенном желании обеспечить будущность мира посредством всеобщего союза права и свободы, и он с доверием ждет осуществления всеобщего мира, возвещенного президентом С.-Американских штатов.»

В связи с этим выдвигаются следующие требования: Немедленное отречение императора и отказ кронпринца от престолонаследия. Присяга армии на верность конституции; устранение из конституций всех постановлений, мешающих полной демократизации Германии. Немедленное введение всех мер, гарантирующих порядок, безопасность и спокойствие при возвращении на родину войск; широкое социальное обеспечение, мероприятия в пользу нуждающихся граждан; страхование безработных, восьмичасовой рабочий день.

Далее говорится:

> «Только скорейшим выполнением этих требований можно предотвратить политические и социальные опасности разложения, вызванного безумной войной, и обеспечить дальнейшее развитие народного государства и народного правительства, столь благотворных для немецкого народа и для мировой культуры.
>
> Все участники торжественно обещают содействовать словом и делом проведению этих требований, направленных на общее благо, по всей совести и крайнему разумению, а если понадобится, то и ценою личных жертв, в духе политической, социальной ответственности и дисциплины. Благоразумие,

энергия и спокойное сознание собственной силы — единственное, гарантирующее успех, средство в борьбе идущего вперед рабочего класса.

Это решение должно быть партийным комитетом немедленно сообщено баварскому правительству.»

По окончании собрания демонстранты грандиозным шествием прошлись по городу, бурно выражая свои чувства.

Оружейные магазины берутся штурмом и расхищаются, придворная стража разоружается, перед дворцом раздаются крики:

«Долой Императора! Да здравствует республика!» Солдаты выходят из казарм и присоединяются к демонстрантам, заключенные в военной тюрьме выпускаются на свободу. Под конец занимается здание ландтага, и в зале депутатов избирается совет рабочих, солдат и крестьян с Куртом Эйснером в качестве первого председателя. Совет заседает до поздней ночи и постановляет об'явить Баварию республикой. Воззвание, оповещающее об этом, содержит, между прочим, и следующие положения:

«Бавария является отныне свободным государствам. Безотлагательно учреждается народное правительство, опирающееся на доверие масс. В кратчайший срок должно быть созвано учредительное национальное собрание, в выборах в которое участвуют все совершеннолетние мужчины и женщины. Бавария хочет готовить Германию для Союза народов. Демократическая и социальная республика Бавария обладает достаточной моральной силой, чтобы добиться для Германии мира, который предохранит ее от тягчайших испытаний.

Рабочий, солдатский и крестьянский совет гарантирует строжайший порядок. Нарушения последнего будут беспощадно подавляться. Безопасность личности и собственности гарантируется. Солдаты в казармах будут самоуправляться при помощи солдатских советов и поддерживать дисциплину.

Офицеры, не противящиеся требованиям нового времени, могут беспрепятственно продолжать свою службу.

Мы расчитываем на творческую помощь всего населения. Каждый работник на пользу новой свободы принимается с радостью. Все чиновники остаются на своих местах. Коренные социальные и политические реформы будут немедленно проведены в жизнь. Крестьяне ручаются за снабжение городов продовольствием. Исконняя рознь между деревней и городом исчезнет. Обмен жизненных припасов будет организован на рациональных началах.»

После призыва к рабочим и гражданам Мюнхена — отнестись с доверием ко всему великому и грандиозному, что совершается в эти чреватые последствиями дни, содействовать тому, чтобы неизбежный переворот произошел «быстро, легко и верно», и свято блюсти человеческую жизнь — воззвание заканчивается словами:

«Братская война между социалистами в Баварии закончена. На существующей теперь революционной основе рабочие массы снова вернутся к единству. Да здравствует баварская республика! Да здравствует мир! Да здравствует творческая работа всех трудящихся!»

Составленное в том же духе воззвание к сельскому населению Баварии и подписанное, кроме Эйснера, также руководителем демократического крестьянского Союза, Людвигом Ганггофером, содержит в себе следующие примечательные места:

«Рабочий, крестьянский и солдатский совет считает своей первой и главнейшей задачей доставить народу горячо желанный мир и с целью подготовления мирных переговоров вступил в сношения с государствами Антанты.

Но опасность еще не миновала. Хотя рабочий, солдатский и крестьянский совет и отклоняет проведение национальной защиты, однако он всеми мерами будет поддерживать охрану границ, чтобы оградить и сохранить жизнь и собственность баварского населения.»

«Крестьяне! Запасы продовольствия в городах, благодаря неправильным мероприятиям прежней военной и гражданской

администрации, очень скудны. Мы предлагаем вам, путем усиленной доставки в города продовольственных продуктов поддержать новое правительство, ибо только при этом условии оно будет в состоянии влиять на массы и предотвращать голодные бунты с их неизбежными, гибельными и для сельского населения последствиями.

Чиновники, бургомистры и военные! Мы призываем вас заботиться о спокойствии, порядке и безопасности в стране и по прежнему выполнять свои служебные обязанности. Будем не разрушать, а созидать.»

8-го ноября, на втором заседании рабочего и солдатского совета, Эйснер представил список нового правительства. Речь, которую он при этом произнес, настолько характерна для этого человека, пользовавшегося в те дни величайшим влиянием на возбужденные народные массы, что будет уместным привести из нее наиболее существенные места.

После изложения соображений, говорящих против всякой дальнейшей отсрочки намеченных действий, Эйснер говорит:

«Бавария — свободное государство. Баварский народ пользуется самым свободным правом самоопределения. Учредительное национальное собрание в более спокойное время установит окончательную конституцию Баварии. В настоящее время в парламенте господствуют элементарные импульсы самих широких народных масс. В этом нашем заседании нам придется урегулировать новый порядок вещей. Мы предложим вам утвердить и облечь вашим доверием правительство, которое, будучи ответственным перед вами в каждый момент, будет править делами Баварии. Согласно предложениям и соглашениям, которые состоялись в последнее время, правительство это образовано не односторонне. Вы знаете, что почти с самого начала войны в среде социалистических рабочих масс велась резкая борьба мнений. Эта борьба — по крайней мере для Баварии — отошла в область прошлого. Массы освободили Баварию, и то течение, которое боролось против людей вроде меня, также приемлет это освобож-

дение, как неизменяемый революционный факт; таким образом, мы слились не на основе компромисса, а внутренне.

Я надеюсь, что наш пример окажет свое действие и за пределами Баварии.

В заключение я хочу вам назвать имена лиц, которые составят временное правительство. За одним исключением мы оставили старое деление министерств, хотя против этого можно бы многое возразить. Мы создали только одно новое министерство, идея которого уже давно носилась в воздухе, а именно: министерство социальных дел. Основание, в силу которого мы сохранили старое, не совсем удачное, деление министерств, заключается в том, что мы не хотели затруднить приспособление к новым условиям для чиновников, на сочувственную помощь и содействие которых мы расчитываем, и положение которых при господстве демократии будет несомненно иным, чем до сих пор.

Имена министров, которых мы вам предлагаем, следующие:

Министерство иностранных дел и вместе с тем председательство в кабинете принимает на себя, символизируя этим революционное происхождение этого правительства, тот, кто сейчас обращается к вам. В товарищи председателя и министры народного просвещения предполагается пригласить Г. Гофмана.

Министерство военных дел — взамен военного министерства, которого у нас не будет — возьмет на себя Россгойптер; демократическому правительству приличествует руководство военными делами поручить штатскому лицу.

Министерство внутренних дел, — в настоящее время одно из важнейших ведомств, — примет на себя, если вы согласитесь, Ауэр. Я слышу возгласы несогласия и крики «нет!»; но если мы решились итти сообща, то эта кандидатура также есть символ. Поэтому, я рекомендую вам избрать Ауэра.

Министерство путей сообщения имеется в виду возложить на человека, который некогда в этом же доме попал в одну из смехотворнейших политических комедий, — на Генриха фон-Фрауендорфера.

На пост министра юстиции назначается испытанный социал-политик, г. Тимм; в этом нет никакого противоречия, так как юстицию надо рассматривать как форму социальной политики.

Самую неблагодарную из всех задач, а именно управление министерством финансов предполагается — отчасти, быть может, из антипатии к профессорам — поручить профессору Яффе.

Наконец — и это опять должно быть боевой фанфарой, напоминающей о революционном происхождении — новое министерство социальных дел возьмет на себя один из участников восстания, простой рабочий без чинов и титулов, г. Унтерлейтнер.

Должность, имеющая в это кипучее время особенно важное значение, — высшая полицейская власть в столице новой республики, — будет вручена члену рабочего и солдатского совета, г-ну Штейнеру, который уже со вчерашнего дня развивает благотворную деятельность в качестве комиссара полицей-президиума. Он принадлежит к числу наиболее одаренных и энергичных участников нашего революционного восстания.

Вы видите: нас нельзя укрекнуть в односторонности. Мы не отдавали предпочтения определенным направлениями и не исключали буржуазных специалистов. Мне хочется верить, что это министерство станет обществом, в котором найдут себе место все достойные, без различия образования и происхождения, в котором смогут участвовать все те, — кто по своему характеру, по своим знаниям, энергии и образу мыслей, в состоянии выполнять плодотворную работу. Я прошу всех проявить доверие к нам, приносящим эту жертву в наше бурное время, в момент, когда мы не можем обещать вам райских благ, когда положение вещей кажется отчаянным. И я говорю: окажите нам и нашему временному министерству доверие, которого мы заслуживаем уже ради самого дела, после того, как из'явили готовность занять, с вашего согласия, эти посты. Нас ждут впереди мрачные времена, может быть, самые тяжелые из всех, какие нам приходилось переживать на протяжении столетий. Но я глубоко убежден, что из этого хаоса крови и разрушения все-таки восстанет новый мир, — более светлый, более богатый и более свободный, чем старый, и что тот политический переворот, который мы здесь пережили и совершили, и для защиты которого у нас имеется солдатский совет, что этот политический переворот служит предвестником тех социальных преобразований, которые после наступления

мира станут священнейшим и неотложнейшим делом международного труда.

Я приветствую первый парламент баварской республики и прошу вносить предложения относительно состава президиума.»

Выслушав эту речь, рабочий и солдатский совет конституируется как революционный парламент с президиумом, образованным из социалистов большинства, независимых социалистов и демократов. Председателем избирается социалист большинства Франц Шмит, товарищем председателя — независимый социалист Фриц Шредер и вторым товарищем председателя демократ и пацифист д-р Людвиг Квидде. Предложенные министры, за исключением Эргарда Ауэра, избираются единогласно, последний же, против которого голосуют спартаковцы, избирается подавляющим большинством. 10-го ноября кронпринц Руппрехт шлет из Брюсселя протест против революционных преобразований и требует решения всех вопросов в учредительном собрании страны; но король Людвиг III, который 8-го ноября вместе со своей женой бежал из Мюнхена в автомобиле, прислал правительству из замка Аниф, находящегося в баварском удельном поместьи Зальцбург, следующее заявление об отречении:

«В течение всей моей жизни я работал с народом и для народа. Забота о благе моей любимой Баварии всегда была моим высшим стремлением.

Так как я, вследствие событий последних дней, не могу более править государством, то предоставляю всем чиновникам, офицером и солдатам свободу работать впредь при тех условиях, которые теперь создались, и освобождаю их от данной мне присяги на верность. Аниф, 13-го ноября 1918 года.

Людвиг.»

Совет министров в тот же день ответил на это послание указом, в котором констатировалось отречение короля от престола, и королю с его семьей разрешалось

неограниченное пребывание в Баварии, под условием, что он «ничего не будет предпринимать против существующего народного государства Баварии.» Протесты президиума баварской палаты депутатов и председателя буржуазных партий против игнорирования палаты оставляются без всякого внимания. Хозяйственная жизнь по прежнему протекает спокойно, после того, как правительства оповестило население, что оно не имеет ввиду никаких конфискаций вкладов в банки и сберегательные кассы. Распоряжение министра военных дел от 11-го ноября, предлагающее гарнизону по-прежнему исполнять свою службу, 12-го ноября дополняется следующим предписанием Мюнхенского солдатского совета:

«Солдаты! Согласно решению Солдатского Совета в Мюнхене сообща с министром военных дел Россгойптером, все офицеры и чиновники должны снова вступить в отправление свои служебных обязанностей.

Солдаты! В ближайшие дни начинается демобилизация. Офицеры возвращаются к вам с добрыми намерениями и по приказу министра Россгойптера, для того, чтобы обслуживать сотни тысяч наших товарищей на фронте и дать им возможность вернуться по домам! Офицеры возвращаются к вам не как ваши начальники, но как солдаты, которые желают работать на благо нашего народа. Вы не обязаны отдавать офицерам честь ни на службе, ни вне службы. Какие бы распоряжения ни издавались офицерами, они могут делаться только с согласия вами избранного казарменного совета. Будьте уверены, что ваш солдатский совет будет строжайшим образом следить за тем, чтобы офицеры не превышали своих полномочий. Солдатский Совет Мюнхена просит офицеров ни на минуту не забывать о новом духе свободного народного государства Баварии, снять эполеты и, примирившись с совершившимся фактом, работать столь же плодотворно, как с момента победы революции день и ночь работали солдаты для поддержания порядка. Солдаты! В самое ближайшее время вы узнаете, каким образом ваш солдатский совет за-

крепил ваши неот'емлемые права. Имейте к нему доверие! Никто уже не может более отнять у нас свободное народное правление!»

За восстанием в Мюнхене последовали такие-же восстания в Нюрнберге, Аугсбурге и других городах Баварии, как-бы оправдывая оптимизм, которым было проникнуто это воззвание. Первое разочарование принесли с собой вести об условиях перемирия, предписанных Германии. Это разочарование нашло свое выражение в воззвании министерства нового народного государства к правительствам и народам Америки, Франции, Англии и Италии, а также к пролетариям всех стран. Воззвание, подписанное Эйснером, рисует сначала тот энтузиазм, с которым народ провозгласил республику, а затем продолжает:

«В этот момент на молодую республику Баварию обрушиваются опубликованные союзными державами условия перемирия. Этим разбиты все надежды, которые мы могли питать, благодаря успеху революции. Если эти условия не будут изменены, то новая республика в короткое время превратится в пустыню . . .»

Этого не должно быть. Демократические народы не могут желать, чтобы революционное творчество немецкой демократии погибло от беспощадности победителей. Теперь «пробил час, когда акт дальновидного великодушия может привести к примирению народов.» Союз народов никогда не сможет осуществиться, если он начнется с истребления самого молодого члена демократической культуры. — «Мы заклинаем вас, правительства и народа, начать ликвидацию мировой войны, одинаково роковой для всех, актом возвышенного самоограничения и общими усилиями победителей и побежденных.»

Это воззвание не встретило отклика у тех, к кому оно было обращено. Необходимо однако, заметить, что

впоследствии Эйснер судил об условиях перемирия несколько иначе, чем на основании первых телеграмм немецких делегатов, и очень резко критиковал сообщения последних.

Саксония. В последних числах октября между первым министром и партиями, отстаивавшими мир, происходили переговоры о преобразовании министерства путем привлечения в него представителей этих партий. В результате этих переговоров, 1-го ноября, в числе вошли в министерство два социалиста большинства, — депутат Фрессдорф и Гелдт. Вскоре после этого, 8-го ноября, Саксонию захватила революционная волна. В Лейпциге, в этом центре независимой социалдемократии Саксонии, в этом день происходят массовые демонстрации рабочих и солдат, которые заставляют главное командование капитулировать, занимают почту и разоружают полицию. В казармах солдаты избирают солдатский совет; от имени рабочих с ним ведет переговоры образованный из среды местного комитета независимой социалдемократии рабочий совет, лидерами которого выступают депутат рейхстага Фриц Гейер и литератор Липинский. Об'единенный комитет обоих советов образует подлинную исполнительную власть. Весть об этом успешном восстании еще в тот-же вечер вызвала массовые собрания и шествия в других местах Саксонии. В столице Саксонии, в Дрездене, где сильно представлена старая социалдемократическая партия, в ночь с 8-го на 9-го ноября учреждается временный рабочий и солдатский совет, в большинстве своем образованный из приверженцев этой партии. Он принимает на себя управление дрезденским гарнизоном, после чего король с семьей в ту-же ночь оставляет Дрезден и поселяется в одном из своих отдаленных замков. 9-го но-

ября независимые социалдемократы с своей стороны учреждают рабочий и солдатский совет с радикальной программой и подчиняют своей власти главное командование (комендантуру) и другие казенные учреждения. Однако, поздно вечером, после продолжительных переговоров происходит об'единение обоих социалдемократических корпораций. После этого учреждается об'единенный революционный рабочий и солдатский совет, который в ночь с 9-го на 10-го ноября провозглашает в Саксонии республику и принимает следующее обращение к народу:

«К саксонскому народу! Король отрешен от престола. Веттинская династия перестала существовать.

Верхняя палата распущена. Нижняя палата также более не существует.

Министерства, временно продолжающие вести государственные дела в согласии с об'единенным революционным рабочим и солдатским советом, немедленно должны об'явить новые выборы на основе всеобщего, равного, тайного и прямого избирательного права без различия пола. Да здравствует социальная республика Саксония!»

10-го ноября в цирке Саррасани происходит большое собрание доверенных представителей дрезденских рабочих, созванное об'единенным революционным рабочии и солдатском советом. Оно с радостным волнением встречает рассказ Флейснера (нез. соц.) о происшедших событиях, а также ряд речей представителей обоих лагерей. После собрания солдаты и рабочие направляются к дворцу и водружают там красное знамя. Министру внутренних дел д-ру Коху, которому было об'явлено об увольнении в отставку бывших министров, было предложено, в интересах правильного снабжения продовольствием и пр., продолжать покуда лично управлять своим министерством. На это он ответил, что не

может оставаться на своем посту, так как министерство в целом связано одной общей политической программой, но обещает предложить всем своим чиновникам попрежнему вести свои дела под руководством нового исполнительного комитета. Составленное им в этом духе и опубликованное 12-го ноября воззвание к чиновникам в вступительной своей части указывает на то, что располагающий всей полнотой государственной власти об'единенный революционный рабочий и солдатский совет, независимо от всех намеченных политических преобразований, решил поддерживать общественную безопасность и правильное снабжение страны предметами продовольствия и сырьем. Воззвание подчеркивает далее, что в данном случае речь идет о важнейших требования момента, и потому он, «в согласии с министерством народного здравия обращается ко всем чиновникам и служащим» министерства внутренних дел, «с настоятельной просьбой оставаться на своих постах и исполнять свой долг.» Более чем когда-либо, — говорится в этом воззвании, — следует «в эти тяжелые дни помнить слова: Отечества выше всего.»

На следующий день, 13-го ноября, тот-же министр присылает рабочему и солдатскому совету письменное сообщение о том, что король отказался от престола и освободил всех офицеров и чиновников от присяги на верность, а 14-го ноября все министерство опубликовывает воззвание, повторяющее это заявление. В связи с высказанным желанием короля, чтобы чиновники и при изменившейся форме правления всеми силами продолжали служить отечеству, министры заявляют о своей готовности, в интересах общественного порядка, оставаться на вверенных им постах до тех пор и поскольку у них для этого будет возможность.

Тем временем уполномоченные рабочих и солдатских советов Дрездена, Лейпцига и Хемница сообща вырабатывают следующее воззвание, которое опубликовывается того-же 14-го ноября:

«К саксонскому народу!»

«Капиталистическая система потерпела крушение. Буржуазное монархическое правительство свергнуто. Революционный пролетариат взял власть в свои руки. Его целью является социалистическая республика. Осуществление социализма означает: превращение капиталистического производства в общественное; отчуждение права собственности на землю, на горные промыслы и завода, сырье, машины, средства сообщения и т. д., преобразование товарного производства в социалистическое, переход производства в руки пролетариата. Задача социалистического правительства — укреплять и углублять революцию до полного преодоления господствующего буржуазного класса. Осуществление республики означает: абсолютное владычество воли рабочего класса, упразднение рабства во всех его формах, всеобщее народное вооружение для защиты завоеваний революции, отмена всех форм непроизводительных доходов, отделение церкви от государства, упразднение всех буржуазных судов. Республиканское правительство Саксонии имеет специальную задачу — провести ликвидацию саксонского государства и осуществить на деле единую социалистическую немецкую республику.

Уполномоченные рабочих и солдатских советов Дрездена, Лейпцига и Хемница:

Шварц, Нейринг, Флейснер, Рюле, Гейер, Липинский, Зеегер, Геккерт, Фелиш.»

Большинство подписавших принадлежало частью к независимой социалдемократии, частью — к коммунистическому течению, и характер этих партий сказывается и в самом стиле воззвания. В тот-же самый день, 14-го ноября, представители рабочих и солдатских советов трех названных городов опубликовали также протест против распоряжения германского правительства о сохранении власти офицеров над солдатами. В этом про-

тесте, как и в приведенном воззвании чувствуется уже предвестник разложения только-что налаженного единения социалистов. В Дрездене и Хемнице, где приверженцы социалдемократии большинства имели за собой огромное большинство рабочих, они согласились с независимыми на паритетном составе рабочего и солдатского совета; но в Лейпциге, где у власти были независимые, последние не только отклонили паритетность, но и совсем не считались с социалистами большинства. Таким образом, располагая большинством в революционном совете трех городов они добились того, что все постановления этого совета по большей частью носили на себе специфический отпечаток.

Это преобладание левых сказалось и на распределении министров нового свободного государства. 15-го ноября министрам, ожидавшим решения о своей дальнейшей участи, было заявлено, что для их дальнейшей деятельности «нет более соответственной обстановки», и что все министерские должности будут замещены лицами из рядов революционных партий. Это произошло таким образом, что был назначен Совет народных уполномоченных, состоящий из шести лиц и представлявший собою в тоже время все министерство или кабинет. Если при этом и нельзя было обойтись совсем без паритетности, то наиболее влиятельные в политическом отношении министерства все-же были распределены между членами независимой социалдемократии. Министерства внутренних и иностранных дел были предоставлены Липинскому, министерство финансов — Фрицу Гейеру, военное министерство — Флейснеру. Из среды социалистов большинства министерство просвещения и исповеданий принял на себя Бук, министерство юстиции — Георг Градпауер, министерство труда — Шварц. Постано-

влением от 16-го ноября министерство установило временные правила о задачах и полномочиях местных рабочих и солдатских советов, согласно которым последние привлекались к участию во всех заседаниях окружных комитетов и контролировали исполнение местной администрацией распоряжений центрального правительства. В воззвании от 18-го ноября министерство изложило свою правительственную программу. В противоположность к вышеприведенному воззванию об'единенного революционного рабочего и солдатского совета, это пространное обращение министерства отличается большей трезвостью. Констатируя совершившейся переворот, воззвание следующим образом характеризует задачи нового правительства:

«Проведение страны через великие трудности современного положения, упрочение демократических завоеваний и осуществление экономических преобразований на основе социалистических принципов. Рабочему классу нужны не только политические права, но и освобождение от экономического гнета, что осуществимо в полном об'еме лишь при социализме.

. . . Правительство желает действовать в согласии с новым общегерманским правительством. Поскольку распоряжения последнего не встретят нашего сочувствия, мы будем отстаивать свои взгляды. Распоряжения, изданные германским правительством, и имеющие силу закону, мы будем для Саксонии дополнять раз'яенсниями, которым также будет присвоена сила закона.»

После изложения рабочей программы, которая ни в одном из своих положений не обнаруживает стремления к чрезмерной поспешности действий, воззвание заканчивается следующими словами:

«Для перехода от войны к мирному состоянию и воссозданию хозяйственной жизни необходимо напряжение всех сил. Организациям рабочего класса прежде всего следует употребить все усилия для преодоления чрезвычайных трудностей, стоящих на пути. Только таким образом можно устранить призрак

голода и заложить основу для лучшего будущего. Наше положение в данный момент тяжело, и потому пусть каждый выполнить свой долг. Раз самое опасное переходное время будет нами пережито, тогда немецкий народ, опираясь на свои неиссякаемые силы, в процессе демократически-социалистического развития достигнет небывалой высоты и расцвета. Вперед же!»

Совершенно очевидно, что это воззвание является компромисом, в котором обойдены те пункты, по которым, как, например, по вопросу об образовании нового народного представительства, существовали серьезные разногласия между обоими партиями, представленными в правительстве. Но уже одно это ставило под сомнение вопрос о возможености сколько-нибудь длительного сотрудничества обоих этих партий.

Вюртемберг. 6-го ноября бывшее до того у власти министерство Вейцзеккера получило отставку и было 7-го ноября заменено новым радикально настроенным министерством под председательством члена демократической народной партии Лишинга и при участии социал-демократа д-р Гуго Линдемана. На следующий день комитет, в составе социалистов большинства и об'единенных профессиональных союзов Вюртемберга, опубликовал заявление, которое намечает следующую, значительно более широкую программу неотложных задач:

«Установление республиканской государственной конституции. — Всеобщее, равное, тайное, прямое избирательное право в Германии, союзных государствах и общинах, на основе пропорциональных выборов для всех граждан старше 20-и лет. Упразднение (верхней) палаты и всех привилегий, основанных на праве владения и рождения. — Новые выборы в парламенты. — Скорейшее заключение мира, разоружение и распущение постоянной армии. — Немедленная отмена осадного положения и цензуры. — Освобождение штатских и военнослужащих, арестованных по обвинению в политических и дисциплинарных проступках. — Отмена обязательной „вспомо-

гательной службы". — Проведение всех требуемых профессиональными союзами мер для переходного хозяйства, а равно и социалистической программы партии и профессиональных союзов. — Погашение военного долга при помощи широкого обложения военных прибылей и всеобщего обложения имущесть.»

Как бы в ответ на эту декларацию, 9-го ноября появляется воззвание нового министерства, извещающее о том, что король в согласии с министерством об'явил созыв учредительного собрания, задача которого дать стране конституцию, отвечающую потребностям нового времени. — Король заявляет, что его личность «никогда не послужит препятствием для преобразований, требуемых большинством народа». Но это заявление и связанное с ним «убедительное увещание и просьба — в эти тяжелые для отечества дни сохранять благоразумие в целях поддержания спокойствия и порядка» — не могли уже сдержать революционного порыва масс. Обе социалдемократические фракции устраивают рано утром на площади перед дворцом многолюдные демонстрации, и в то время, как внутри дворца министры приводятся к присяге королю, народные ораторы перед дворцом уже говорят о республике. После этого собравшиеся образуют шествие по городу, и едва оно началось, как солдаты врываются в королевский дворец, об'являют короля смещенным и заставляют снять королевский штандарт. Образуется рабочий и солдатский совет, и между обоими социалдемократическим фракциями достигается соглашение, на основе которого учреждается правительство из следующих лиц: четырех социалистов большинства — В. Блоса (иностранные дела), Б. Геймана (исповедания и просвещение), Г. Линдемана (труд) и Г. Маттуты (юстиция); двух независимых социалистов — А. Криспина (внутренние дела) и Тальгеймера (финансы), и, наконец, примыкающего к спартакистткому течению

социалиста Шрейнера (военные дела). Председательские функции делят между собой В. Блос и Артур Криспин.

Воззвание, опубликованное этим правительством, начинается так:

«К вюртембергскому народу! Сегодня свершился великий, но, к счастью, бескровный переворот. Провозглашена республика.

Начинается новая эпоха демократии и свободы. старые силы уходят, и народ, совершивший революцию, берет в свои руки политическую власть.

Его непосредственным представительством является «рабочий комитет», образованный из представителей свободных профессиональных союзов, социалдемократических партий и рабочего и солдатского совета. Для проведения мер, необходимых для поддержания общественной безопасности, генерал фон-Эббинггауз со своим штабом офицеров предоставили себя в распоряжение этого комитета. Названные организации привлекут для дальнейшего ведения административных дел подходящих специалистов, независимо от их политических и религиозных убеждений.

Правительство является временным и считает своей первой задачей — подготовить созыв учредительного национального собрания на основе возвещенного в нашей программе избирательного права.»

После того, как рабочий и солдатский совет, на заседании 10-го ноября, утвердил означенный состав правительства, в нем уже на следующий день производится новое замещение некоторых постов. Правительство извещает об этом следующим образом:

«Временное правительство сдержало данное им в манифесте от 9-го ноября обещание о привлечении подходящих специалистов для дальнейшего ведения административных дел, независимо от политических и религиозных убеждений привлеченных лиц. Заново вступили в правительство г. Бауман для управления продовольственным делом, г. Кине — для заведывания юстицией, г. Лишинг — для управления финансами.»

Далее говорится:

«Пути сообщения остаются подчиненными министерству иностранных дел. Высшим техническим руководителем железных дорог остается начальник главной дирекции почт и телеграфов.

Этот порядок вещей установлен с согласия рабочего и солдатского совета.»

Таким образом, примыкающий к «Союзу Спартак» независимый социалист Тальгеймер и социалист большинства Маттута вышли из состава правительства, которое перестало быть чисто социалистическим. Из вновь назначенных министров Бауман принадлежал к национал-либеральной партии, Кине — к партии Центра, а Лишинг — к прогрессивной народной партии. В тот-же день, 11-го ноября, Исполнительный Комитет временных рабочих советов издает воззвание об избрании постоянных советов на основе тут-же оглашенных постановлений. Выборы большей частью дают большинство старой социал-демократической партии. Буржуазные партии опубликовывают заявления о том, что они с известными оговорками подчиняются новому положению вещей и выражают свою готовность к положительному сотрудничеству. 16-го ноября король через своего управляющего делами сообщает временному правительству, что он желает освободить все население от присяги на верность себе и от долга послушания. Это, однако, считается недостаточным, и король 30-го ноября заявляет о своем отказе от престола, оставляя за собой титул Герцога Вюртембергского. Его прощальное приветствие, обращенное к вюртембергскому народу, гласит:

«К вюртембергскому народу! Как я уже заявил, моя личность никогда не будет препятствием к свободному развитию страны и к ее благополучию.

Руководимый этой мыслью, я с нынешнего дня слагаю с себя корону.

Всем, кто в течение 27 лет верой и правдой служили мне, и прежде всего всем нашим геройским войскам, в течение четырех лет тягчайшей борьбы с великим самоотвержением отбрасывавшим врага от наших границ, я выражаю свою благодарность от всего сердца. Только с последним моим вздохом угаснет моя любовь к дорогой родине и ее народу.

Я говорю здесь в то же время и от имени моей супруги, которая лишь с сердечным сокрушением слагает с себя ту работу на благо бедных и больных, которую она вела раньше. Да благословит, сохранит и защитит Господь наш возлюбленный Вюртемберг на вечные времена! Таков мой прощальный привет!

Белергаузен, 30-го ноября 1918 года.

Вильгельм.»

Одновременно с этим временное правительство опубликовывает в Вюртембергском «Правительственном Вестнике» следующее заявление, подписанное также независимым социалдемократом Криспином:

«Временное правительство принимает к сведению отказ короля от престола. Унаследование престола на основе § 7 Вюртембергской конституции исключается, в силу условий, созданных переворотом 9-го ноября.

Временное правительство от имени народа благодарит короля за то, что он во всех своих действиях руководился любовью к родине и к народу, и своим добровольным отказом содействовал проложению пути для свободного развития. Вюртембергский народ не забудет, что король и его супруга всегда проявляли благородство и отзывчивость в деле помощи ближним.»

Таким образом, и в Вюртемберге упразднение монархической формы правления получило признание со стороны законного носителя этой системы.

Как в Саксонии и Вюртемберге, так и в прочих немецких союзных государствах происходит переворот и образование временного, основанного на рабочих и солдатских советах республиканского правительства.

Властелины, из которых некоторые пользуются личными симпатиями даже в социалистических кругах, сначала пытаются, путем уступок новому духу времени, спасти свою корону, но вскоре без всяких попыток к сопротивлению вообще отказываются от престола. Точно также и в Ганзейских городах комитеты рабочих и солдатских советов берут в свои руки бразды правления. Социалдемократические партии действуют при этом сообща. Но такое действие соединенными силами совершается только под давлением обстоятельств, а иногда даже, как в Берлине, по принуждению масс. Противоположность методов борьбы отнюдь не устранена и самым усердным образом поддерживается лихорадочной деятельностью, которую с этого момента начинают обнаруживать приверженцы группы Спартак.

VIII.

Междоусобная война в среде социалистов.

Каждому социалисту в Германии было ясно, что благоприятное развитие революции зависит от дружной совместной работы социалистических фракций, к которым перешла политическая власть. Но как трудно было осуществить это сотрудничество в той степени и на тот срок, которые подсказывались практическими потребностями! Мы вправе утверждать, что у огромного большинства вождей обоих фракций не было недостатка в доброй воле в этом направлении. Но одной доброй воли в таких случаях еще мало, если не удается достигнуть сверх того еще и принципального схождения относительно тактики и программы ближайших действий, по крайней мере, хоть

в важнейших вопросах. А в этом отношении, как вскоре обнаружилось, как раз многого и не хватало, и это привело, в первую очередь, к тому, что деятельность Совета Народных Уполномоченных протекала с невероятной медлительностью, не давая удовлетворения ни одному из участников его. Каждый раз, когда возникало групповое расхождение во взглядах, голоса делились поровну: три против трех, и приходилось прибегать к затяжным переговорам, для того, чтобы добиться хоть какого-нибудь решения. А зачастую это так и не удавалось, и ряд стоящих на очереди вопросов откладывался решением на неопределенное время.

Война и различное отношение к ней наложили такой глубокий отпечаток на всю психику различных групп, что подчас могло казаться, что перед нами стоят представители двух совершенно противоположных мировоззрений. Социалисты большинства в ряде вопросов специфически-национального характера, и в частности по вопросу об армии, довольно сильно приблизились к точке зрения буржуазных партий; независимые же в этой области заняли более непримиримую позицию, чем до войны. Первые были склонны делать более значительные уступки буржуазным интересам, чем раньше, зато вторые тем более были готовы совершенно не считаться с этими интересами, что масса их приверженцев, в значительной степени пропитанная спартакистскими элементами, нетерпеливо требовала от них радикальных мер.

Тем не менее, в виду того, что обе стороны были сильно проникнуты сознанием лежащей на них ответственности, с течением времени произошло бы, вероятно, значительное сближение точек зрения, еслиб агитация, идущая извне, не привела в один прекрасный день к тому, что противоречия еще более обострились. Роко-

выми для молодой республики оказались, с одной стороны, ложная тактика министерства иностранных дел и германской комиссии по перемирию по отношению к ситуации, создавшейся в результате суровых требований Антанты; с другой стороны — несогласия и споры по вопросу о задачах и компетенции рабочих и солдатских советов, приведшие, благодаря ожесточенной травле большевиствующих элементов, к тяжелым столкновениям.

При распределении правительственных постов в республике министерство иностранных дел было оставлено в руках д-ра Зольфа, который при Вильгельме II выделился, как дельный и не чуждый современным воззрениям министр колоний, и о котором было известно, что он является противником военной политики кайзера. Точно также на посту товарища министра (помощника статс-секретаря) иностранных дел был оставлен известный деятель центра Матиас Эрцбергер, которому, сверх того, было доверено представлять германское правительство в комиссии по заключению перемирия в Спа. Оба эти лица наделали в вопросе о перемирии целый ряд серьезных ошибок. Их, быть может, нельзя очень сильно осуждать за то, что они в первый момент, под влиянием всей тяжести суровых требований Антанты, несколько потеряли самообладание, как нельзя ничего возразить и против того, что они, аппелируя к общественному мнению культурного человечества, заявили протест против некоторых из этих требований, показавшихся им особенно чудовищными и слишко резко противоречащими заявлениям руководящих политиков Антанты и в особенности президента Вильсона. Но они зачастую переходили меру в этом направлении и об'являли неслыханными и убийственными и такие требования, которые, хотя и были очень тяжелыми — как, напр., требование

о выдаче 5000 локомотивов взамен равного количества вывезенных в свое время из Бельгии и Франции, — но не были лишены некоторых оснований и в случае предоставления небольшой отсрочки могли бы быть выполнены без серьезного ущерба для нас. Помимо того, они были настолько бестактны, что то и дело аппелировали к Вильсону против его же союзников, лишь раздражая последних и ослабляя позицию Вильсона в «Совете Победителей». Не говоря уже о том, что они сами чрезвычайно ослабляли впечатление от своих протестов тем, что каждый день прибавляли к ним новые. Все это, вместе взятое, создало крайне неблагоприятную для нашей республики атмосферу. Националисты злорадно подчеркивали, как глупо было поверить заявлениям политиков Антанты, что они борются только против германского империализма, а не против немецкого народа. А в социалистическом лагере независимые требовали смены лиц, между тем, как вожди социалистов большинства не решались на это, указывая на никем неоспариваемое большое знание дела у Эрцбергера и на достигнутые им небольшие уступки.

Это расхождение сделалось предметом публичного обсуждения на обще-имперской конференции новых правительств всех германских союзных государств, состоявшейся 25-го ноября 1918 г. в имперской канцелярии в Берлине. Конференция эта открылась подходящей к случаю речью Эберта, а затем Зольф и Эрцбергер сделали доклад о ходе переговоров о перемирии и о перспективах мира. Они оба единодушно заявили, что со стороны Антанты можно ожидать самого худшего. если в Германии в ближайшее время при посредстве выборов не образуется признанное всем народом правительство, способное заключить предварительный мир.

После них слово взял Курт Эйснер, представитель Баварии, и выступил, в чрезвычайно резком тоне, с обвинением против обоих. Он заявил, что их деятельность можно назвать только контр-революционной, и что она сильно повредила Германии. Теперь все видят, что переговоры с Антантой нельзя поручать людям, имевшим хоть какое-либо касательство к старому режиму. Другими словами, Зольф и Эрцбергер непременно должны уйти. На социалистов большинства речь Эйснера произвела очень неприятное впечатление. Целых три оратора (Эберт, Ландсберг и Гейне) выступили с их стороны против него, причем они особенно старались взять под свою защиту Эрцбергера. За Зольфа же они заступались уже значительно меньше. Последний после этого подал в отставку и был, по предложению Гуго Гаазе, замещен графом Брокдорф-Ранцау, который был до того послом в Копенгагене, и доклады которого во время войны отличались ясным пониманием ситуации и критическим отношением к военной политике своего правительства.

В дальнейшем конференция занялась обсуждением предложений некоторых из своих радикальных участников (Гейтнер: а из Готы и Мергеса из Брауншвейга), приступить к осуществлению социализма, не считаясь с вопросом о мире, и впредь до полного проведения его сохранить власть рабочих и солдатских советов, отказавшись от созыва учредительного собрания. Но защитники этого предложения остались в меньшинстве нескольких единичных голосов. Против инициаторов этого предложения, кроме представителей социалистов большинства, выступили и наиболее видные вожди независимых: Гаазе, Эйснер, Криспин. Огромным большинством были приняты следующие, предложенные Эбертом, тезисы:

1. Сохранение единства Германии является самой настоятельной необходимостью. Все племена Германии дружно поддерживают республику. Они берут на себя обязательство решительно отстаивать единство государства и бороться против сепаратистских стремлений.
2. Необходимость созыва Национального Собрания признается всеми, и все одобряют намерение правительства немедленно предпринять все нужные для этого подготовительные шаги.
3. До открытия Национального Собрания представителями народной воли являются советы рабочих и солдат.
4. Правительству поручается действовать в духе скорейшего заключения прелиминарного договора.

Затем конференция, заслушав произведшие сильное впечатление доклады: Вурма, статс-секретаря по продовольствию, д-ра Кёт (Koeth) — по демобилизации, Августа Мюллера — по ведомству труда и Евгения Шиффера — по имперскому казначейству, — единогласно приняла следующую резолюцию:

«Чтобы поддержать хозяйственную жизнь Германии, обеспечить непрерывное снабжение страны продовольствием и сырьем из-за границы и сохранить кредитоспособность германской народной республики внутри страны и заграницей, абсолютно необходимо, чтобы все банки, сберегательные кассы и прочие кредитные учреждения продолжали работать на прежних основаниях и в прежней форме. В виду этого имперское правительство в полном согласии с представителями отдельных союзных государств заявляет, что недопустимо ни малейшее вторжение в деловую деятельность кредитных учреждений».

Нельзя без чувства горечи читать теперь доклад Шиффера о финансовом положении республики. То состояние финансов, которое он тогда характеризовал, как крайне неблагоприятное, сейчас являлось бы для нас прямо каким-то недосягаемым идеалом. Между тем, уже и тогда ясны были опасности, угрожающие бюджету республики, и потому Шиффер еще с большей кате-

горичностью, чем предыдущие ораторы, требовал скорейшего созыва Учредительного Собрания. Он развил свою налоговую программу, которая в смысле радикального обложения доходов и имуществ уже в значительной степени предвосхищала все позднейшее Эрцбергеровское налоговое законодательство, а потому встретила одобрение и на крайней левой конференции. Но он прибавил, что выполнение этой программы натолкнется на тысячу трудностей, если не создать для нее легальной базы. Без последней совершенно невозможно будет, в частности, сколько-нибудь успешно бороться против утечки капиталов заграницу и «налого-боязни».

Призывом к Учредительному Собранию прозвучала и заключительная речь Эберта, который указал на необходимость труда и самодисциплины для успешного развития республики.

Но обе социалистические фракции еще довольно значительно расходились в вопросе о сроке созыва Учредительного Собрания. Социалисты большинства были за назначение выборов в возможно более скорый срок. Напротив того, влиятельное крыло берлинских независимых, наиболее решительным лидером которых был Ледебур, стояли за то, чтобы выборы были по возможности отложены. О спартаковцах и говорить не приходится: в качестве понятливых учеников русского большевизма они были вообще противниками всякого законодательного или административного органа, построенного на всеобщих выборах.

Союз «Спартак» являлся в тот момент еще составной частью Независимой Социалдемократии. Он был образован во время войны крайними оппозиционными элементами старой социалдемократической партии, которые идейно концентрировались вокруг нелегального, нерегу-

лярно выходившего журнальчика, статьи которого, написанные по большей частью Либкнехтом, носили подпись: «Спартак». Отсюда и название Союза. Внутри общей оппозиции, руководимой Гуго Гаазе, Дитманом, Ледебуром и др., Союз этот первый стал пропагандировать идею организационного раскола старой партии, и при его содействии последний и был совершен весной 1917 г. на состоявшейся в Готе конференции всех противников военной политики, когда 76 голосами против 44 было принято решение, чтоб оппозиция с'организовалась в особую партию, под названием Независимой Социал-демократической партии.

Гуго Гаазе, который вначале был против раскола, но затем подчинился решению большинства, перед закрытием Готской конференции обратился к делегатам, членам Спартаковского союза, с призывом не рассматривать новообразованную партию лишь «как легальное прикрытие для преследования своих особых целей» (неоффициальные заявления Гекерта и др.), а работать в ней в качестве лояльных сотоварищей. Но его призыв не оказал сколько-нибудь заметного воздействия. Спартаковцы старались обрабатывать членов новой партии в духе своей особой агитации, направленной на организацию революционных восстаний; а там, где им это не удавалось, они попрежнему вели свою отдельную работу. В особенности, когда в России к власти пришли большевики, и когда — после Брест-Литовского мира — в Берлине было образовано русское посольство во главе с А. Иоффе. Последний под самыми различными видами и предлогами оказывал спартаковцам материальную поддержку, которую они употребляли на подготовку вооруженного восстания, а впоследствии и на закупку оружия. К тому, что мы по этому вопросу уже сообщили в главе 4-ой

(стр. 26—30), прибавим еще следующую выдержку из радио-телеграммы Иоффе, вернувшегося уже к тому времени в Москву („Freiheit", 18-го декабря 1918 г.).

«В ответ на заявления г. г. Народных Уполномоченных Эмиля Барта и Гуго Гаазе должен прежде всего заметить, что я был бы совсем плохой конспиратор и напрасно проработал бы 15 лет в нелегальной организации Р. С.-Д. Р. П., еслиб я в своей строго-нелегальной революционной деятельности в Берлине действовал так, как это угодно изображать указанным господам. Само собою разумеется, что я деньги, назначенные на закупку оружия, не мог передавать непосредственно Барту, ибо последний был новичек в рабочем движении и не внушал мне большого доверия. Мне, поэтому, приходилось в качестве посредствующего звена выбирать таких товарищей, которые заслуживали большего доверия, и имена которых пользовались лучшей славой в среде рабочих. Но г-ну Народному Уполномоченному Барту было очень хорошо известно, что те сотни тысяч марок, которые он, по его собственному признанию, получил из рук немецких товарищей, в конечном счете шли от меня. И он сам потвердил мне это за две недели до начала революции во время нашего свидания, о котором он сам же упоминает, заявив мне, что он, дескать, отлично понимает, откуда эти деньги берутся».

А спартаковцы, со своей стороны, вместе с материальной поддержкой воспринимали и политическую доктрину большевиков. На своей конференции в Готе (7-го октября 1918 г.) спартаковцы приняли решение об образовании во всей Германии рабочих и солдатских советов. Решение это встретило полное одобрение и сочувствие со стороны Карла Либкнехта, который 21-го октября 1918 г. по ходатайству Шейдемана был выпущен на свободу и принял руководство Союзом «Спартак». Мы уже видели, как он в ночь на 9-ое ноября 1918 г. пытался связать Независимую партию большевистской программой «диктатуры советов», как он, далее, 10-го ноября в номере захваченного им: „Berliner Lokal-Anzeiger" призывал рабочих

Берлина сделать эту программу своей, и как он, наконец, вечером того же дня выступил в этом духе на большом собрании рабочих и солдатских советов Берлина. Но, как читатели помнят, предложение его и его сторонников, — избрать Исполнительный Комитет в таком составе, который давал бы возможность в его среде образовать большинство в пользу планов Либкнехта, было отклонено, и вместо этого было решено Комитет образовать на паритетных началах из независимых и социалистов большинства, после чего Либкнехт отказался, за себя и за отсутствующую Розу Люксембург, войти в Комитет.

Но этот отказ отнюдь не обозначал, что эти оба лица и руковидимый ими Союз подчиняются воле большинства и намереваются впредь до изменения положения держаться пассивно. Напротив: они со всей своей энергией подняли агитацию, направленную к тому, чтобы взорвать образованное на упомянутом собрании паритетное социалистическое правительство молодой республики и выгнать из него «шейдемановцев» т. е. социалистов большинства. Еслиб этот план и удался в Берлине, то в остальной Германии, в виду большого влияния социалдемократической партии, это означало бы неминуемо состояние анархии со всеми ее ужасными последствиями. Но для Либкнехта и его приверженцев это не имело значения. Большая беззаботность относительно последствий своих политических поступков всегда была его отличительной чертой. Она была психологической причиной той великой трагической вины, которую он взял на себя в эти дни. Политик и в особенности вождь массового движения своими действиями берет на себя такую ответственность, что одной наличности добрых намерений недостаточно для того, чтобы быть свободным

от вины, не взирая на дурные последствия от этих шагов. От вождя можно и должно требовать, чтобы он, прежде чем дать сигнал к действию, серьезно и основательно обдумал все последствия тех шагов, к которым он или его партия намереваются призвать. В сущности, можно было бы даже установить категорический императив: вождь должен *знать*; а именно, знать, каковы будут наиболее вероятные последствия его распоряжения. Если он этого не знает, то это значит, что он не годится в вожди, и тогда его вина заключается уже в том, что он взял на себя такую роль, — роль вождя, которая ему не по плечу. Радикальный этик Магнус *Швантье*[1]) по своим стремлениям очень близко стоящий к Либкнехту, метко замечает, что такого человека нельзя оправдать даже в том случае, когда он, стремясь совершить добро и принося в этом стремлении крупные личные жертвы, на самом деле причиняет вред, ибо применял неправильные средства или не предвидел всех последствий. «Ибо — правильно говорит Швантье — возможно, что он потому лишь ошибся в выборе средств и не предвидел последствий своих поступков, что *не достаточно старался* найти правильные пути для осуществления своей доброй цели, или что к его добрым намерениям были примешаны эгоистические побуждения, которые затемнили беспристрастность его мышления» (стр. 4, 5).

Но эгоистические побуждения не связаны необходимо с материальными выгодами. Они имеются на лицо и в тех случаях, когда люди, не считаясь с последствиями для других, имеют привычку без разбору следовать лишь своим личным ощущениям и наклонностям.

---

[1]) *Magnus Schwantje*: „Sollen wir jede sogenannte ehrliche Überzeugung achten?“ (Berlin 1920, Verlag Neues Vaterland).

Союз «Спартак» состоял по большей части из совсем молодых людей без опыта и способности политически мыслить, к которым после революции пристали всевозможные экзальтированные и недовольные элементы. Союз имел на ряде берлинских фабрик своих уполномоченных или «доверенных»[1]), и эти уполномоченные на общих заседаниях со всеми прочими секциями Союза принимали решения от имени «Революционных Старост». Но никому не было известно, каковы полномочия этих «старост», и каков их состав. И не мало рабочих было таким образом введено в заблуждение.

Вот к этой-то столь пестрой толпе своих приверженцев и обращались (в издаваемой ими газете „Rote Fahne") Либкнехт и другие вожди Союза с крайне резкими призывами выступить на борьбу против только-что созданного правительства. Во главе их Либкнехт маршировал по улицам, мимо правительственных зданий, оглашая воздух призывами свергнуть социалдемократических членов правительства, и им же он и его друзья под конец стали раздавать оружие. К чему это должно было, к чему это могло привести? Разве это могло кончиться чем-либо иным, кроме кровавой свалки в среде социалистов, к величайшему вреду для республики? Этот вопрос Курт Эйснер поставил Либкнехту 24-го ноября 1918 г., когда приехал в Берлин на конференцию правительств отдельных государств. В двух-часовой беседе он пытался тогда убедить Либкнехта, что тот совершит величайший грех по отношению к великому делу, за которое они все борются, если будет продолжать свою агитацию в том же духе, что и раньше. Но

[1]) Этот институт «доверенных лиц» (Vertrauensmänner) партии на фабриках является традиционным для всего германского рабочего движения со времени «исключительного закона.» Перев.

Эйснеру столь же мало, как и другим вождям независимых, удалось заставить Либкнехта отказаться от своей тактики.

И в один прекрасный день неминуемые последствия ее наступили.

Уже в ночь на 21-го ноября 1918 г. несколько горячих голов, возвращаясь с собрания, на котором говорил Либкнехт, пытались напасть на полицей-президиум. Они убили одного полицейского, но их аттаку удалось на этот раз отбить без дальнейшего кровопролития.

Зато кровь пролилась 6-го декабря. В этот день под вечер член солдатского Совета фельдфебель Фишер, путанная голова, подраззадоренный бульварным журналистом из американских немцев Мартенсом и двумя молодыми аристократами из министерства иностранных дел, взял несколько вооруженных людей, ворвался на заседание Исполнительного Комитета рабочих советов, нажившего себе врагов с разных сторон, и об'явил всех присутствующих арестованными. В это самое время другой фельдфебель — Шпиро во главе группы солдат направился к имперской канцелярии, вызвал Эберта и от имени собравшейся тем временем разношерстной толпы потребовал от него, чтоб он об'явил себя президентом республики. Считаясь с возбужденным состоянием толпы, Эберт постарался выиграть время, заявив, что они-де должны обсудить этот вопрос в Совете Народных Уполномоченных, а тем временем распорядился освободить Исполнительный Комитет. Так закончился этот столь же нелепый, сколь и невинный «путч».

Он был, — может быть, не совсем случайно — предпринят как раз в тот самый момент, когда на северных и северо-восточных окраинах Берлина происходили орга-

низованные Спартаковцами собрания дезертиров, инвалидов, отпускных солдат и безработных.

Когда на этих собраниях, с соответствующими комментариями со стороны ораторов, было сообщено о «захвате» Исполнительного Комитета, то собравшиеся, состоявшие вообще из легко-возбудимых элементов, склонных к необдуманным действиям, пришли в необычайную ярость. Было решено немедленно организовать контр-демонстрацию. Полицейпрезидент Эйхгорн, независимый, дал сейчас же разрешение на уличное шествие, и толпы стали выходить на улицу. Но прежде чем колонны успели еще сформироваться, один из членов Берлинского Солдатского Совета сообщил по-телефону Кребсу, члену солдатского совета комендантуры, что участники дезертирских митингов собираются по окончании собраний устроить демонстрацию, для того, чтобы «силой оружия добиться осуществления своих требований».

Кребс доложил об этом в служебном порядке своему начальству, во главе которого стоял Вельс. Комендантура, только что перед тем получившая известие о попытке арестовать Исполнительный Комитет, решила, что речь идет об одновременной попытке путча справа и слева, и, ничего не зная о разрешении, данном Эйхгорном, отдала приказ оцепить улицы, ведущие от собраний к правительственным зданиям. Главное собрание спартаковцев происходило в залах «Германия» на Шоссештрассе, и поэтому оцепление этой части было поручено гвардейскому стрелковому полку (берлинцы называют этих солдат за цвет их формы «майскими жуками»), расквартированному на той-же улице.

Колонна демонстрантов, двигавшаяся из зал «Германия» по Инвалиден-штрассе, пересекающей Шоссештрассе, по направлению к западу Берлина, рассеялась

почти без всякого сопротивления. Не так обстояло дело со второй колонной, двигавшейся из зал «София» (на Софиен-штрассе) в направлении от Ораниенбургских ворот к Инвалиден-штрассе через южный конец Шоссештрассе. Когда «майские жуки» преградили демонстрантам дорогу и предложили им разойтись, толпа отказалась это сделать, и началась свалка, перешедшая в перестрелку, во время которой было убито не менее 16 и тяжело ранено около 12 человек, не считая легко раненых. Кто отдал приказ стрелять, или какая сторона первая перешла в нападение, — это так и не удалось установить. Солдаты, имевшие строжайший приказ стрелять лишь в случае самой крайней опасности для себя, утверждали, что демонстранты стали стрелять первыми. Так как среди солдат были раненые, то это и не совсем исключено. Тем более, что Эйхгорн действительно распорядился выдать демонстрантам оружие. Но возможно, конечно, что во время перебранки с демонстрантами кто-либо из солдат сделал первый выстрел.

Это печальное происшествие вызвало всеобщее возбуждение. О нем, в частности, глубоко сожалели все те, кому было дорого укрепление и дальнейшее развитие демократической республики. В этом духе писали все органы буржуазно-демократических партий и социалдемократов большинства. Буржуазные газеты прибавляли к этому, что до всей этой перестрелки и не дошло бы, еслиб правительство опиралось на хорошо организованную силу и дало бы всем ясно понять, что оно не потерпит никаких бесчинств.

Само собою понятно, что спартаковцы со своей стороны всю вину за столкновение взваливали на социалдемократических членов правительства. «Роте Фане» писала 7-го декабря 1918 г.

«Рабочие! Солдаты! Товарищи!

Четырнадцать новых трупов лежит на мостовых Берлина. Трупы безоружных мирных солдат, предательски умерщвленных трусливыми убийцами.

Притяните к ответу виновных в этом кровавом преступлении! Изгоните из правительства истинных виновников, родоначальников бессовестной травли, развратителей несознательной солдатской массы — Вельса, Эберта, Шейдемана и их присных.

Их имена стали теперь боевым кличем контр-революции, лозунгом анархии и братоубийства, знаменем измены революции!

Больше энергии, сплоченности и твердости! Пришел час действовать! Надо покарать преступников, железной рукой подавить заговор Вельса — Эберта — Шейдемана, спасти революцию! Долой Вельса, Эберта, Шейдемана и их сотоварищей! Вся власть советам раб. и солд. деп.! К делу! На улицу! К борьбе!

Долой залитых кровью организаторов путча! Да здравствует революция».

Зато «Форвертс» всю ответственность за происшедшее возлагал на бессовестную агитацию спартаковцев и вызванное ею невероятное озлобление девяти десятых берлинского гарнизона. Неправда — говорит «Форвертс» —, что правительство стреляло в народ: на Шоссе-штрассе «в народ стрелял народ». Ибо солдаты, уверявшие, что они действительно находились в состоянии необходимой обороны, «в конце-концов тоже являются народом».

Газета «Фрейхейт» — орган независимых — писала сначала больше в духе «Роте Фане», заявляя, что ответственными за кровопролитие являются в первую голову военные власти, выведшие солдат на улицу, и требуя «немедленного и ни перед чем не останавливающегося расследования и примерного наказания виновных, всех виновных». С другой стороны, она часть вины взваливала на «травлю», которую «Форвертс» и буржуазная

пресса якобы вели против Либкнехта и его приверженцев. Утверждать это — значило сильно искажать действительное положение дел, ибо поскольку «травля» была, она являлась лишь ответным эхом на систематически проводимую «Роте Фане» кампанию возобуждения рабочих к насильственному свержению правительства. Но «Фрейхейт» занимала промежуточное положение, надеясь путем приспособления своего языка к вкусам самой крайней левой сохранить влияние на наиболее буйные элементы.

На самом же деле она этим лишь содействовала успеху последних, получая от них в ответ одни лишь насмешки.

На сей раз дело этим не ограничилось. В вечернем выпуске «Фрейхейт» от 9-го декабря 1918 г. помещена заметка, в которой с удовлетворением констатируется, что спекуляция буржуазной прессы на конфликт между Советом Народных Уполномоченных и Исполнительным Комитетом по случаю событий 6-го декабря оказалась ложной: на совместном заседании 7-го числа «все очередные вопросы были выяснены». В заметке особенно подчеркивается, далее, что

> «Эберт и Шейдеман ничего не знали о предполагавшемся путче и были им застигнуты врасплох. Можно думать, что на этом заседании найдена общая почва для успешной совместной работы революционных властей, правительства и Исполнительного Комитета».

Заметка эта, естественно, возбудила сильное неудовольствие «Роте Фане», и последняя 10-го декабря реагировала на нее следующей тирадой:

> «Независимая газета радуется и торжествует, что надежды буржуазии на конфликт между Кабинетом и Исполнительным Комитетом, — читай: между шейдемановцами и независимыми, потерпели жестокое разочарование. „Фрейхейт" ликует, что

шейдемановцы и независимые снова примирились друг с другом!

14 трупов на Шоссе-штрассе, пятничный путч, — все это было лишь мимолетным облачком на ясном небе гармонии между сторонниками Гаазе и организаторами контр-революционного переворота и кровавой бани, И они снова заключили друг друга в об'ятия, и „Фрейхейт" с сияющим видом возвещает об обретении „общей почвы" для „успешной совместной работы" — шейдемановцев и независимых!

И это пишет та самая „Фрейхейт", на страницах которой появилось письмо члена Солдатского Совета Германна Гребера, документально доказавшее, что Эберт был осведомлен о готовившемся путче от начала до конца, и что он утаил соответствующий протокол от своего Гаазе.

Это пишет та самая „Фрейхейт", которая напечатала заявление Вельса по поводу оцепления Шоссе-штрассе, в котором Вельс сам признается, что он дал сигнал к кровавой бане.

Это пишет та самая „Фрейхейт", которая разоблачила широко-разветвленный контр-революционный заговор Вельса-Мартенса.

И она пишет это в тот самый момент, когда контр-революционные офицера во главе восстановленных против революции фронтовиков вступают в Берлин, чтобы установить там „порядок".

После всего этого мы можем очень ясно и коротко сформулировать ту „общую почву", которая найдена для „успешной совместной работы" независимых и шейдемановцев.

Это:

ловкое затушевывание действительного источника контр-революционных заговоров;

сознательный обман масс относительно истинных виновников кровавой бани в декабре;

систематическое поощрение политической коррупции и дальнейшей травли против спартаковцев;

все это с тем, чтоб в конце концов совершенно удушить революцию.

Такова эта „общая почва". Она покоится на кровавом фундаменте: Гаазе и Эберт подают друг другу руки через 14 трупов на Шоссе-штрассе.

Мы повторяем: то, что **до** 6-го декабря было беспринципностью, является **после** 6-го декабря бесчестностью»

Из предыдущего читатели уже знают, насколько основательно обвинение Вельса в устройстве кровавой бани. Столь же мало можно ссылаться на статью Гребера для доказательства того, что Эберт знал заранее о готовящемся путче. Гребер рассказывает, что 6-го декабря некий Эхтман обратился к отделению морского ландвера, в котором Гребер служил, с призывом принять участие в готовящейся вооруженной акции с целью арестовать Исполнительный Комитет, устранить правительство Гаазе и провозгласить Эберта президентом. В ответ на это солдаты отделения отправили его, Гребера, и еще одного товарища в Имперскую канцелярию, чтобы известить Совет Народных Уполномоченных об этом плане. Но когда они явились туда, шло как-раз заседание Совета, и они не могли быть приняты.

«Тогда мы — рассказывает далее Гребер — изложили все, что знали частным секретарям Мозеру и Брехту, которые все это записали. А затем Мозер сказал, что сейчас пойдет к Эберту. Нам пришлось ждать еще около часу, покуда пришел ответ, повидимому от Эберта, что речь идет о мирной демонстрации с целью дружно поддержать правительство Эберт-Гаазе, и что было бы желательно, чтобы и мы, летчики, приняли в ней участие».

Гребер рассказывает далее, что он после этого старался по телефону еще раз установить, будет ли та демонстрация, о которой говорил Эхтман, вооруженной или невооруженной, и когда получил ответ, из которого заключил, что вооруженной, то сейчас же сообщил об этом упомянутому секретарю Мозеру. И тот ему под честным

словом обещал, что и гвардейские саперы придут невооруженными! На следующий день он, Гребер, говорил обо всех этих вещах с Гаазе; тот запросил Эберта, а последний ответил, что ему ничего этого не было известно.

Таким образа, из рассказа Гребера следует лишь, что он полагал, что переданный ему через Мозера ответ исходит от Эберта. Он не знает наверное, кто именно ему дал этот ответ, и не знает даже, говорил ли вообще Мозер с Эбертом, занятым на заседании кабинета, и ознакомил ли его с содержанием протокола, снятого с Гребера. И вот это-то показание Гребера, столь осторожно избегающее всякого опредленного обвинения против Эберта, «Роте Фане» ухитряется превратить в «документальное доказательство, что Эберт был осведомлен о готовящемся путче от начала до конца», и что он «скрыл» от своего коллеги Гаазе протокол Гребера. Мало того, эта газета в том же самом номере пишет еще и так: «Эберт, этот насильник, с рук которого еще не смыта кровь, пролитая им в кровавой бане на Шоссе-штрассе»...

В заголовке «Роте Фане» значилось: «под редакцией Карла Либкнехта и Розы Люксембург». Эти два лица были достаточно образованы для того, чтобы понимать значение своих слов, а Либкнехт был, сверх того, еще и опытный юрист, и навернее прекрасно отдавал себе отчет в том, что такого рода перетолкование рассказа Гребера является софистикой худшего сорта и считается в науке права нечестным. Тут тем менее могла итти речь о добросовестном заблуждении со стороны данных лиц, что нельзя придумать решительно никакого сколько-нибудь разумного основания, которое могло бы заставить Эберта поддержать или поощрить «путч Шпиро и его товарищей». Еслиб этот путч на первых порах и удался, — то этим вне Берлина ровно ничего не было бы достиг-

нуто, а Эберт оказался бы в самом неудобном положении. Между тем, из самого же рассказа Гребера ясно видно, что Мозер приглашал его принять участие в демонстрации в пользу правительства Эберт-Гаазе!

Версия «Роте Фане» является, таким образом, лишь сплетением лжи, продиктованным желанием как можно сильнее восстановить часть берлинское рабочих против социалдемократических членов правительства.

К сожалению, эти приемы политической борьбы не остались без действия. Благодаря непрерывному повторению этого обвинения, все большая часть берлинских рабочих укреплялась в убеждении, что попытка свержения радикальных членов правительства была предпринята с ведома Эберта, и что Вельс, — если не с заранее обдуманным намерением, то уже во всяком случае бессовестно — приказал стрелять в невооруженных демонстрантов. Все большее число недовольных перебегало в партию «Либкнехта», на собраниях которой раздавались самие дикие обвинения по адресу «предателей шейдемановцев».

Как раз в те дни автор этих строк случайно встретился в вагоне трамвая с русской социалисткой, примкнувшей к группе Либкнехта, и стал ее горько упрекать за их поведение, которое, насколько говорит весь политический опыт, может привести только к самым ужасным результатам. Моя собеседница старалась отразить мои упреки указанием на быстрый рост приверженцев Либкнехта, на что я ей возразил, что успех той или иной агитации в моменты такого всеобщего брожения еще отнюдь не свидетельствует о правильности ее. Не договорившись ни до чего, мы уже распрощались было, как вдруг моя собеседница вернулась ко мне и тихо, взволнованным голосом сказала мне: «Вы понятия не имеете,

какие только предложения нам ни делаются, мы часто сами вне себя!»

Для меня в этом признании не было ничего неожиданного. Каждая крайняя агитация привлекает к себе целый ряд людей, потерявших почему-либо душевное равновесие и увлекающихся, смотря по обстоятельствам, самыми фантастическими или самыми брутальными планами. Основоположники социалдемократии всегда гордились тем, что они снабдили движение такого рода духовным оружием, которое должно было его раз навсегда защитить от влияния подобного рода «отчаянных голов». Но каждый раз, когда какая-либо общественная группа вырывается из предначертанного ей пути развития, в ней начинает усиливаться влияние подобного рода элементов.

Таким образом, если и не все проекты всевозможных фанатиков, клонившиеся к «обезврежению» социалистов большинства, встречали одобрение со стороны Либкнехта и его друзей, то вся агитация последних тем не менее была направлена на то, чтобы из всех недовольных ходом революции создать фанатическую армию, которая была бы в состоянии, в момент всеобщего смятения, путем применения насилия захватить в свои руки политическую власть. Но движение, поставленное на такого рода рельсы, не может уже остановиться, раз наступает момент действия.

Правда, в Берлине до этого дело не дошло. Но насколько мы были близки к этому, доказывает следующее.

14-го декабря 1918 г. в Берлине произошли выборы делегатов на с'езд рабочих и солдатских советов всей Германии, назначенный Исполнительным Комитетом на

16-ое декабря. Само собою разумеется, что противники существующей социалдемократической коалиции и ее политики пустили в ход все, чтобы добиться избрания оппозиционных кандидатов, прибегая при этом не столько к ссылке на факты, сколько к заподазриванию своих противников в самых ужасных намерениях. Прекрасным примерам этой тактики может служить комментарий, которым «Роте Фане» сопроводило опубликование временного «порядка дня» с'езда.

Этот порядок дня гласил:

1. Отчеты:
   a) Исполнительного Комитета:
      Докладчик: Рихард Мюллер.
   b) Совета Народных Уполномоченных:
      (докладчиком был В. Диттман).
2. Учредительное Собрание или Советский строй?
   Докладчик — Коген: содокладчик — Деймиг.
3. Социализация хозяйственной жизни.
   Докладчик — Гильфердинг.
   С содокладом должна была выступить Роза Люксембург, но она отказалась, ссылаясь на то, что так как перед этим будет решен утвердительно вопрос об Учредительном Собрании, то ее содоклад потеряет свой смысл.
4. Влияние заключения мира на внутреннее положение республики. Докладчик Ледебур.
5. Выборы Исполнительного Комитета.

К этому «Роте Фане» от 10-го декабря прибавляет:

«Характерными для этого порядка дня являются две вещи: 1. Формулировка центральной проблемы германской революции в виде альтернативы: Учредительное Собрание или советский строй. Этим. по крайней мере, ясно говорится, что созыв Учредительного Собрания означает уничтожение рабочих и солдатских советов и их политический роли; 2. тот факт, что переизбранию предполагается подвергнуть лишь один Исполнительный Комитет. Политический же кабинет, т. е. господа Эберт—Гаазе, получившие свою власть из того же источника,

что и Исполнительный Комитет, т. е. из рук Берлинского Совета, и не помышляют о том, чтобы подвергнуться утверждению или переизбранию с'ездом Советов всей Германии! Эберт—Гаазе считают себя стоящими н а д всеимперским парламентом рабочих и солдат Германии! У Центрального с'езда всех советов Германии шейдемановцы отнимают его верховные решающие права, прежде чем он успел еще собраться. И эти люди еще твердят о „демократии“!

Неужели советы всей Германии допустят такого рода покушение на свою политическую власть?»

На самом же деле этот проект «порядка дня» был составлен не правительством, а Берлинским Исполнительным Комитетом, в котором Независимые имели большинство. Поэтому-то и из всех докладчиков лишь один (Коген) принадлежал к социалдемократической партии: все остальные были независимцы. Вопрос об избрании Центрального Исполнительного Комитета непременно должен был быть поставлен в порядок дня, так как Берлинский Исполнительный Комитет лишь временно выполнял центральные функции, а настоящего Центра еще вообще не было.

Наконец, — противопоставление Учредительного Собрания советскому строю обозначало лишь вопрос: быть ли вообще учредительному собранию, или же отдать всю власть в Германии одним только советам. Никакого другого смысла слова о «советском строе», конечно, не могли иметь. Таким образом, в каждом из перечисленных пунктов комментарии «Роте Фане» были построены на заподазриваниях, диаметрально противоположных истине. Люди, умеющие видеть, распознавали это сразу, но было достаточно людей, которые без сопротивления поддавались этой диалектике.

Несмотря на все это, социалдемократы на выборах получили большинство. Выборы происходили по про-

порциональной системе, и соотношение голосов по рабочим советам было следующее:

список социалдемократов . . .	349	депутатов
,, независимых	281	,,
,, свободных профессий[1])	79	,,

Еще благоприятнее для с.-д. прошли выборы по солдатской курии. По их списку прошло 204 депутатов, по списку независимых только 121.

Но это все еще было мало по сравнению с тем, что выборы дали в провинции. Как выяснилось на с'езде, соотношение сил во всей Германии между старой партией и независимыми было как 8 слишком — к 1.

За день до открытия с'езда в Берлине (в залах Фарус) состоялось общее собрание членов берлинской организации Независимой партии. В порядке дня стоял вопрос об отношении к программе с'езда, и в частности вопрос об отношении к Национальному (Учредительному) Собранию. Мы уже имели случай указать, насколько сильны были разногласия по этому вопросу в среде Независимых. В парламентской фракции никак не могли договориться до чего-нибудь и поэтому, по предложению автора данной книги, решили предоставить этот вопрос решению с'езда советов. Об этом-то решении фракции и доложил на собрании Гуго Гаазе, выступивший докладчиком о политическом положении. Он заявил, что лично примыкает к тем, которые хотели бы отложить выборы до марта 1919 г., но боится, что с'езд присоединится к предложению назначить выборы на 19-ое января, — срок, который он считает слишком ранним. Тем не менее, если это случится, то этому придется подчиниться, ибо Учредительное Собрание является неизбежной необходимостью, и партия должна принять все меры, чтобы быть

[1]) Союзы интеллигенции. Перев.

в нем представленной как можно сильнее. А для этого сделано еще крайне мало, как показали лучше всего только-что произошедшие выборы делегатов на с'езд советов, давшие для партии результаты, превосходящие самые худшие опасения. Партия не может итти вместе со спартаковцами, и она должна энергично воспротивиться тому, что последние образуют внутри ее особую организацию, имеющую целью бороться с партией извнутри. Он протестовал против этого еще в 1917 г. на готской конференции и может и теперь только повторить, что было бы лучше, еслиб независимые и спартаковцы раскололись.

В качестве содокладчика выступила Роза Люксембург, подвергшая резкой критике политику Гаазе, которая, по ее мнению, привела к берлинскому поражению. Она заявила, что считает неслыханным, что независимые не выступили из правительства сейчас же после 6-го декабря, и предложила резолюцию, которая требует немедленного выхода независимых из правительства, немедленной передачи всей политической власти советам рабочих и солдат и об'явления Исполнительного Комитета Советов высшим органом власти, и клеймит созыв Учредительного Собрания как акт контр-революции.

Ряд ораторов выступил затем за и против этой резолюции, и при голосовании она была отвергнута 485 голосами против 195. Тем же большинством была принята резолюцию, заявляющая, что организация выборов в Учредительное Собрание является важнейшей политической задачей для Независимой партии, которая считает себя носительницей революции и ее движущей силой и готова выполнить все связанные с этим обязанности.

Еще одна добавочная резолюция, принятая почти единогласно, высказывается против совместного выступления на выборах вместе с социалистами большинства.

Стычка между Гаазе и Люксембург была лишь прелюдией к еще более острому столкновению между независимыми и спартаковцами, имевшему место на открывшемся на следующий день с'езде советов.

Для того, чтобы читатели могли лучше понять происходившую на этом с'езде борьбу, необходимо сделать несколько предварительных замечаний.

Между Советом Народных Уполномоченных и Берлинским Исполнительным Комитетом постепенно создались большие трения. Исполнительный Комитет, на который, в силу соглашения, состоявшегося в первые дни революции, были временно до с'езда возложены функции Центрального Исполнительного Комитета, истолковал свои права весьма расширительно в смысле политического контроля над Советом Народных Уполномоченных. Благодаря привлечению представителей других частей Германии, число его членов увеличилось с 26 до 45, и в его составе стали все больше и больше преобладать сторонники крайней левой. Он полагал себя обязанным производить своего рода цензуру отдельных мероприятий Совета Уполномоченных и считал себя вправе издавать — через головы Народных Уполномоченных — распоряжения, которые, по мнению последних, затрагивали область их деятельности. Такого рода поведение Исполнительного Комитета неминуемо должно было бы привести к столкновениям даже и в том случае, еслиб по всем основным политическим вопросам между обоими органами царило полнейшее единомыслие. Тем более, конечно, когда этого единомыслия не было.

Одним из спорных пунктов являлся также вопрос о надзоре за хозяйственной деятельностью местных рабочих и солдатских Советов. В этом отношении советы проявляли себя самым различным образом. В целом

ряде пунктов они оказали стране неоценимые услуги, установив хорошо организованный контроль над общественным имуществом (склады военных материалов и т. п.). Но в других местах они превратились в дорого-стоющие клубы, в которых очень много говорилось, но очень мало разумного делалось, и которые своим вмешательством в дела местного управления, в котором они толком ничего не понимали, наделали лишь очень много вреда. Следствием этого была масса жалоб на бесцельное растрачивание советами общественных сумм и разорительное вторжение их в деятельность местного самоуправления и т. п. Не было, конечно, недостатка в злостных преувеличениях, которые немедленно подхватывались и обобщались анти-республиканской прессой, но тем не менее не все выдвинутые против советов обвинения были основаны на вымыслах, и поэтому правительство, а в особенности финансовое ведомство, было вынуждено занять несколько более критическую позицию по отношению к финансовому хозяйничанью советов и не могло удовлетворять без всяких разговоров все поступающие от местных советов денежные требования. Это часто создавало в отдельных советах оппозиционное настроение против правительства и настроение сочувствия по отношению к Исполнительному Комитету, который обычно выступал в качестве ходатая за советы.

Неприятные трения возникли также между правительством и расквартированными в Берлине частями и представителями морских войск. Помимо матросов и морской пехоты, которые прибыли в Берлин в дни ноябрьского переворота, сюда в середине ноября, по требованию Берлинского коменданта Отто Вельса, было выписано еще 600 человек матросов из Куксгафена, которые и были размещены в старом королевском дворце и расположен-

ном против него здании дворцовых конюшен. Они приняли название Народной Морской Дивизии, и должны были представлять собою своего рода резервный республиканский отряд, ибо предполагалось, на основании Кильского опыта, что на них особенно можно положиться. На деле, однако, оказалось не так. Так как во дворце хранились большие ценности, то расквартированные в нем люди вынуждены были подвергаться различного рода ограничительным мерам, что их очень раздражало и делало чрезвычайно доступными агитации оппозиционных элементов. Тем более, что это все были новички в области политики, обладавшие самыми смутными и путанными представлениями об истинном значении проповедуемых им революционных лозунгов. Недостаточная ясность политических воззрений господствовала и на конференции представителей всех солдатских советов флота, состоявшейся несколько позже в Вильгельмсгафене. Она закончилась избранием 53-членного Центрального Комитета, который принял название: «Высший Морской Совет» и получил поручение следить за всем, что происходит в флоте, и взять в свои руки управление флотом и его реформу.

Совет этот переехал в Берлин, занял помещение Морского ведомства, выделил из себя ряд комиссий, соответственно отделам ведомства, и стал диктаторски вмешиваться в дела управления, вызывая этим сильное возбуждение в среде опытных служащих и немалое замешательство в самом ходе дел.

Когда Густав Носке, бывший тогда еще губернатором Киля, в начале декабря 1918 г., прибыл на короткое время в Берлин и захотел присутствовать, в качестве «прикомандированного» к морскому министерству, на заседании этого «Высшего Морского Совета», то пред-

седатель последнего прежде всего поставил на голосование вопрос, допустить ли вообще Носке к участию в заседании. Это было решено в утвердительном смысле. Затем приступили к обсуждению вопроса о полномочиях Совета, и было предложено, чтобы Совет об'явил себя «парламентом флота», который самостоятельно решает все дела флота, по собственному усмотрению принимает те или иные решения, предоставляя правительству самому справляться с ними, как знает. Когда Носке возразил, что Совет не имеет права самочинно вторгаться в исполнительную власть правительства, то ему один из членов Совета ответил, что Совет действует на основании своего собственного революционного права, в качестве верховной инстанции флота. Носке, повествующий об этом в своей книге: „Von Kiel bis Kapp“ («от Киля до Каппа»), прибавляет, что он остался в меньшинстве и покинул после этого заседание.

Не подлежит сомнению, что в этом вопросе он был прав: провести демократизацию управления таким путем нельзя было. Помимо этого, — как Носке рассказывает в другом месте своей книги (стр. 49) —, в Совете Народных Уполномоченных ему до того еще было заявлено, что они о деятельности «Совета 53» ничего не знают, ни в коем случае не одобряют его образования и дают ему право поступать в соответствии с этим.

Другой вопрос, конечно, взял ли Носке в своих переговорах с «Советом 53» тот тон, который надлежало взять в виду общего положения. Он сам пишет, что часть членов Совета состояла из разумных людей; по отношению же к другим надо было вооружиться большой снисходительностью в виду их политической неопытности. Поэтому, главная задача заключалась не в том, чтобы ссылаться на политические права, а в том,

чтобы выдвигать на первый план доводы политической целесообразности, что всегда дает возможность — при отклонении чрезмерных претензий — сохранять примирительный тон. Этого-то Носке, повидимому, не сумел сделать, и благодаря этому, его выступление в Совете лишь подлило масла в огонь анти-правительственной агитации, которая уже велась среди моряков. Если этой агитации и не удалось сорвать с'езд советов, о котором, на основании результатов выборов в провинции, можно было заранее предполагать, что на нем оппозиция окажется в меньшинстве, — то ей все же удалось добиться того, что она вывела против него на улицу гораздо большее число демонстрантов, чем можно было предполагать и чем соответствовало истинному числу принципиальных сторонников оппозиции.

IX.

Первый с'езд рабочих и солдатских советов Германии.

Свыше 500 представителей рабочих и солдатских советов собрались 16-го декабря 1918 г. в предоставленном им помещении прусской палаты депутатов в Берлине, на сессию «первого парламента немецкой революции», как прозвали этот с'езд. Однако, действительными были признаны только 442 мандата. Первое заседание было открыто в назначенный день в 10 часов утра приветственными речами Рихарда Мюллера — от имени берлинского Исполнительного Комитета, и Фрица Эберта — от имени Совета Народных Уполномоченных. С'езд избрал бюро, составленное на паритетных началах из социа-

листа большинства Лейнерта (Ганновер), независимого социалиста Зеегера (Лейпциг) и представителя от солдат Гомолки, — но отклонил — при двукратном голосовании — подавляющим большинством предложение одного из делегатов: пригласить, в качестве гостей с совещательным голосом, Карла Либкнехта и Розу Люксембург. Такое отношение большинства, повидимому, было обусловлено тем обстоятельством, что редактируемое Либкнехтом и Розой Люксембург «Роте Фане» утром этого дня напечатало жирным шрифтом воззвание к берлинским рабочим, в котором призывало их к забастовке — демонстрации, и притом в таких выражениях, которые способны были ввести в заблуждение:

Воззвание это гласило:

«Сегодня, в понедельник, состоится большая массовая демонстрация! Рабочие Берлина! Товарищи! Выходите из мастерских! Необходимо достойным образом приветствовать центральный совет рабочих и солдатских советов Германии. Необходимо дать выражение решительной революционной воле берлинского пролетариата.

Выходите-же на улицу!»

Незнакомый с обстоятельствами дела рабочий мог бы на основании этого воззвания подумать, что речь действительно идет о манифестации в честь с'езда; но людям, знакомым с положением, было сразу ясно, что за этим скрывалось нечто совершенно иное. Ибо ни одна из больших политических организаций, ни один из профессиональных союзов не принимал никакого участия в устройстве этой демонстрации. Она была предпринята за спиной признанных руководителей этих организаций, — явным образом для того, чтобы вывести на улицу возможно большее число рабочих ради цели, которая была им чужда. До известной степени это тогда и удалось. Частью путем усиленной агитации, частью же благодаря

мерам принуждения, спартаковцы добились того, что в ряде больших и средних предприятий утром 16-го декабря были прекращены работы; многотысячная толпа собралась на «Аллее победы» в Тиргартене, где она сформировалась для шествия по городу; по дороге к рейхстагу толпа сильно возросла, так что в конечном итоге она, м. б., насчитывала, если и не 280.000 человек, как писало «Роте Фане», то тысяч 50—60. С балкона палаты депутатов Пауль Леви и Карл Либкнехт держали речи к толпе, на этот раз уже открыто об'являя войну «шейдемановцам и учредительному собранию».

«Перед палатой депутатов, когда Либкнехт с высокого балкона говорил речь к толпе», — писало на следующий день «Роте Фане», — «массы восторженно приветствовали каждое его слово. Клики в честь социальной революции, за власть рабочих, потрясали воздух; гремели возгласы: „долой шейдемановцев". Таков был голос рабочих Берлина».

Последнее утверждение, как вскоре обнаружилось, являлось сильным преувеличением. Из разных фабрик стали поступать заявления от рабочих, что они не имели в виду демонстрировать против учредительного собрания. Депутация, посланная руководителями демонстрации на с'езд, пред'явила ему, как заявил председатель депутации, «от имени революционных рабочих Берлина, собравшихся сегодня на демонстрацию в числе не менее 250.000 (оживленные возгласы: «Ого»), нижеследующие требования:

1. Германия об'является свободной социалистической республикой.
2. Вся власть — рабочим и солдатским советам.
3. Назначаемый центральным советом исполнительный комитет является высшим органом законодательной и исполнительной власти, причем назначение и устранение На-

родных Уполномоченных также производится исполнительным комитетом.
4. Совет Народных Уполномоченных Эберт—Гаазе устраняется.
5. Энергичное проведение центральным советом всех необходимых для охраны революции мероприятий, в первую очередь, разоружение контр-революции и образование красной гвардии.
6. Обращение центрального совета к пролетариям всех стран, с призывом к образованию рабочих и солдатских советов и к мировой революции.»

Оглашение 4-го и 5-го пунктов было встречено бурными протестами большинства с'езда, которые повторились и в конце. Когда шум утих, председатель Лейнерт заявил депутации, что они могут сообщить собравшимся снаружи рабочим, что с'езд принял оглашенные требования к сведению и вынесет о них решение в ходе своих работ. Этим инцидент в зале был исчерпан. Снаружи же часть демонстрантов, после того как было сделано сообщение о прочтении требований, направилась в Фридрихсгайн к могилам жертв мартовской революции 1848 г.

Как ни преувеличено было ликование «Роте Фане» по поводу размеров демонстрации, тем не менее спартаковцы имели основание хвалиться своим успехом. Какими бы средствами он ни был достигнут, и как бы ни оценивать его значение для всего движения, все же на лицо был неоспоримый факт, что на призыв «Союза Спартак» массы рабочих откликнулись в таком размере, какого нельзя было ожидать. Это могло, конечно, только ободряюще подействовать на сторонников «Союза». Большинство людей во время народных движений подчиняется закону тяготения, влекущему их в ту сторону, на которой скопляются наибольшие массы. Для многих тысяч рабочих, основывающих свои суждения на чувстве, авторитет спартаковского «Союза» вырос.

А последний далеко еще не считал свое дело проигранным.

18-го декабря посланная «Союзом» депутация из пятидесяти слишком человек снова явилась в палату депутатов и потребовала у с'езда, чтобы ее приняли и выслушали, угрожая, что в противном случае 250.000 рабочих прекратят работы. С'езд большинством свыше 400 против неполного даже десятка голосов, постановил их не принимать, так как он собрался для обсуждения дел всей Германии, а не одного лишь Берлина, и не намерен зря расточать свое время. Тем не менее, делегаты прорвались сознаменами и плакатами в зал заседаний. Когда председатель Лейнерт, после краткого препирательства с ворвавшимися, предложил им, ссылаясь на принятое с'ездом решение, в интересах общего рабочего дела покинуть зал заседаний, их оратор Галлер, не взяв слова у председателя, начал произносить речь, которую члены с'езда стали заглушать бурными криками протеста. На это Галлер и некоторые его спутники отвечали еще более громкими криками. Чтобы положить конец тяжелой сцене, Лейнерт предложил с'езду еще раз сделать исключение и предоставить оратору слово для краткого изложения пожеланий депутации. Галлер начал с заявления, что здесь осуществляется революционное право: в течение французской революции трибуны тоже неоднократно вмешивались в дебаты конвента. И он снова огласил, в качестве требований «250.000 рабочих» уже врученные 16-го числа пункты. Он прибавил в дополнение, что это, естественно, означает: «долой учредительное собрание» и «вся власть советам», и хотел еще продолжать говорить, но был в это время прерван председателем, указавшим, что с'езд примет требования к сведению и настаивает, чтобы его работы более не нарушались. Обменявшись

репликами с делегатами Бартом и Ледебуром, и с возгласами: «и здесь господствует реакция», «здесь не представлены интересы рабочих», — делегация удалилась. И хотя среди собравшихся вне зала спартаковцев раздавались и еще более резкие возгласы по адресу с'езда, а Карл Либкнехт, по словам некоторых, даже воскликнул: «пора положить конец всему этому непотребству со с'ездом», — тем не менее спартаковцы отказались от новой апелляции к массам. Теперь, когда истинная цель движения была бы заранее ясна для всех, все говорило за вероятность большой неудачи подобного выступления.

В другой раз работы с'езда были нарушены демонстрацией, исходящей из рядов солдат. Во время послеобеденного заседания 17-го декабря в зал заседаний вошло около 30 солдат с эмблемами представляемых ими, согласно их заявлению, полков; они выстроились позади ораторской трибуны, по обе стороны председательского места, после чего их оратор взошел на трибуну и огласил, в качестве «единогласного решения собрания солдатских советов и военных организаций Берлина» нижеследующую резолюцию:

> «Мы попрежнему считаем себя в полном распоряжении настоящаго правительства, как правительства, в программе которого, в качестве конечной цели, значится установление социалистической республики. Товарищи из флота являются первыми носителями и защитниками революции, их присутствие поэтому совершенно необходимо. Солдатские советы обращаются с просьбой к с'езду немедленно принять следующее спешное предложение:
>
> 1. Высшей командной властью для всех частей армии является высший солдатский совет, составленный из делегатов, избранных всеми немецкими солдатскими советами; то же во флоте.
> 2. Ношение отличительных знаков всех служебных степеней воспрещается. Все офицеры должны быть разоружены.

Запрещение носить погоны и отмена служебных отличий вступает в силу для возвращающихся на родину частей после того, как они разоружатся в казармах.

3. За надежность войсковых частей и за сохранение дисциплины ответствены солдатские советы.

Депутация просит признать за этим предложением спешность и немедленно вынести решение по поводу его. Председательствующий — Зеегер (независимец) об'являет это недопустимым; к нему присоединяется также делегат от фронтовых солдат Дорренбах, — который далее в своей речи передает солдатам горячий привет от пославших его товарищей и заверяет их, что он и его товарищи всеми силами будут отстаивать их общие интересы. Он просит депутацию отказаться от своего требования, так как предлагаемая ими резолюция содержит пункты, которые должны быть зрело обдуманы. Против этих ораторов возражали независимцы Гекерт и Ледебур; замечание последнего, что речь идет главным образом о том, чтобы защитить матросов против травли, поднятой народным уполномоченным Ландсбергом, вызывает бурные протесты в рядах социалистов большинства. Шум длится несколько минут, и страшное возбуждение долго не может улечься. По предложению председателя фракции Северинга социалисты большинства в значительном числе покидают зал, чтобы устроить фракционное заседание; вслед им несутся возгласы порицания со стороны радикалов и громкие проклятия совершенно потерявших всякое самообладание солдат в зале и на трибунах. Шум продолжается несколько минут. Председатель фракции независимых Гуго Гаазе пытается внести успокоение путем примирительного предложения. Он понимает возбуждение обеих сторон и обещает солдатам, что их предложение будет рассмотрено в самый короткий срок.

Однако, когда он прибавляет, что без предварительного обсуждения этого вопроса решить нельзя, немедленно раздаются громкие крики протеста со стороны солдат. Даже внесенное Гаазе предложение, — чтобы настоящий проект, в виду невозможности сейчас продолжать заседание, был поставлен первым пунктом на порядок дня завтрашнего заседания, — солдаты об'явили недопустимой проволочкой.

Против этого предложения выступил и Георг Ледебур в очень возбужденном тоне. Однако, председатель Зеегер ставит его, несмотря на громкие протесты солдат, на голосование, и предложение принимается всеми против незначительного меньшинства. На крайних левых скамьях снова подымается сильный шум, но председатель быстро закрывает заседание. Солдаты расходятся, потрясая кулаками и угрожающе размахивая принесенными с собой длинными палками. Зал лишь медленно пустеет.

За ночь страсти улеглись, и на заседании 18-го декабря солдатская депутация была уже значительно уступчивее.

Обнаружилось, что некоторые ее члены на деле не были делегированы полками, за представителей которых они себя выдавали; против их выступления высказались также многие фронтовые делегаты, которые выяснили, что часть солдатских требований в провинции уже осуществлена, остальная часть по одним уже техническим причинам не может быть проведена в жизнь в один день. В результате солдаты из'явили готовность вести переговоры, и комиссия, избранная для обсуждения их предложения, пришла, как после полудня сообщил ее докладчик Гуго Гаазе, к единогласным решениям, которые затем единогласно же были одобрены с'ездом. Важнейшие пункты этой резолюции следующие:

«1. Высшая командная власть над войском и флотом принадлежит Совету Народных Уполномоченных под контролем Исполнительного Комитета.

2. Чтобы символизировать крушение милитаризма, — отменяются все отличительные знаки различных военных чинов и воспрещается ношение оружия вне службы.

3. За надежность войсковых частей и сохранение дисциплины несут ответственность солдатские советы. Вне службы нет начальников.

4. Солдаты сами избирают своих командиров. Бывшие офицеры, пользующиеся доверием большинства своей войсковой части, могут быть переизбраны.

5. Отмена постоянного войска и введение народной милиции должны быть ускорены.»

Таким образом, формально этот вопрос был разрешен. Следует еще упомянуть, что во время дебатов взял слово, в качестве особоуполномоченного по флоту, Густав Носке; он выступил против утверждения, будто бы он согласен с планами «комиссии 53-х», имепующей себя «Высшим морским советом». Комиссия тратит большую часть своего времени на обсуждение политических вопросов, и благодаря этому практическая работа морского ведомства находится в загоне. Важные вопросы разрешаются чрезвычайно медленно. Дела, связанные с переговорами о перемирии на море, в течение нескольких дней оставались без движения, так как один из членов комиссии, без подписи которою нельзя было обойтись, впродолжение трех дней не являлся на службу. Заявление Носке поддержал делегат от Кильского Солдатского Совета — Пфафф. Он и его товарищи тоже считают состав в 53 человека слишком громоздким для комиссии; они вообще еще ни разу не получали от нее директив, а все предпринимали по собственной инициативе. Они привлекли к сотрудничеству офицеров в качестве специалистов, с совещательным голосом, и

поставили их на должное место. Городской комендант Киля ничего не предпринимает без согласия солдатского совета, и товарищи вполне доверяют Носке, зная, что он не даст адмиралам водить себя за нос. В ответ на речь Носке на заседании 19-го декабря выступил один из членов «комиссии 53-х», и заявил, что вопрос относительно сокращения состава «комиссии 53-х» подлежит компетенции флота, а не данного с'езда. Своеобразная точка зрения, которая, в своих логических выводах, приводит к утверждению суверенности каждого отдельного органа! Однако, она была очень характерна для господствовавшего тогда смешения понятий и ясно показывала, до чего дело может дойти в случае конфликта. Самые прения о порядке дня с'езда всецело протекали под знаком борьбы, которую вели крайне левые социалдемократы, находящиеся под влиянием союза «Спартак» против социалдемократической правительственной коалиции; то была, иначе говоря, борьба радикального большинства берлинского Исполнительного Комитета против кабинета республики. Исполнительный комитет против Совета Народных Уполномоченных, — таков был смысл разыгравшейся на с'езде б рьбы, напоминавшей ожесточенные столкновения, неоднократно возникавшие в свое время между городской коммуной Парижа и парламентом. Борьба эта была начата отчетом председателя Исполнительного Комитета Рихарда Мюллера о его деятельности. Мюллер, в течение многих лет состоявшей вождем оппозиции (против правления) в берлинской группе германского союза металлистов, во время революции стал проявлять большей фанатизм. На одном заседании Исполнительного Комитета он воскликнул, что путь к учредительному собранию ведет через его труп, за что противники окрестили его иронической

кличкой — «Труп» („Leichenmüller"). Весь его доклад, начинавшийся с заявления, что он не в состоянии дать об'ективный отчет, был страстным обвинительным актом против Совета уполномоченных. Он обвинял Совет в том, что последний при всяком удобном случае оказывал сопротивление стремлению Исполнительного Комитета обеспечить и осуществить на деле завоевания революции. Он жаловался, далее, на Совет, что тот ничего не предпринял, чтобы заменить реакционные элементы в общеимперских и государственных ведомствах приверженцами нового режима. Таково же положение и в военном командовании и в военном управлении. Возвращающихся с фронта солдат привели к присяге на верность не социалистической республике, а лишь просто республике; они присягнули не Исполнительному Комитету, который представляет народный суверенитет, воплощенный в рабочих и солдатских советах, а — Совету Народных Уполномоченных. Далее, Мюллер горько жаловался на жестокие нападки, которым Исполнительный Комитет подвергается на собраниях и в прессе, несмотря на то, что он, пополнившись представителями всех государств, входящих в состав союзной республики, и состоя ныне из 45 членов вместо 26, является высшим органом в Империи, ведущим борьбу с восстаниями, направленными против завоеваний революции. Упомянутые нападки исходили большей частью от военных членов Исп. Ком., избранных солдатскими советами, но устраненных от участия в работе вследствие того, что они, в особенности полковник Колин—Росс, обнаружили самоуправство и провинились во всевозможных махинациях. Распространяются нелепые слухи о якобы произведенной Исполнительным Комитетом денежной растрате, придумана басня о какой-то сумме в 800 мил-

лионов марок, тогда как все расходы Комитета за 6 недель не превысили 500.000 марок, включая сюда и расходы на поездки, необходимые для того, чтобы воспрепятствовать распродаже за бесценок многомиллионного военного имущества. Плодом этих клеветнических нападок было восстание 6-го декабря, по поводу которого Исполнительный Комитет имел ожесточенные столкновения с Советом Народных Уполномоченных из-за поведения последнего в этих событиях; ведь главный путч был организован правыми; путч слева был не так опасен. Зачинщики правого путча были открыты и арестованы Исполнительным комитетом, но их всех сейчас же отпустили, причем — главного виновника, некоего полковника Лоренца, даже непосредственно по требованию Военного Министра. Исполнительный Комитет неоднократно выдвигал требование, чтобы д-р Зольф и Эдуард Давид, пытавшиеся доказать, что Германия не виновна в мировой войне, были устранены из ведомства иностранных дел; но комитет каждый раз наталкивался на сопротивление со стороны Совета Народных Уполномоченных, так что скомпрометированные чиновники получили возможность сжечь большую часть обличающего их материала. Таким образом, Исполнительному Комитету приходилось бороться не только с естественными врагами, но и с неестественными противниками, и ныне он, передавая в руки с'езда судьбу революции, желает с'езду, чтобы ему удалось утвердить и расширить завоевания революции.

Речь Мюллера была прервана делегатами спартаковских демонстрантов, о которых мы рассказали выше, и Мюллер мог продолжать и закончить свою речь лишь после их ухода. Затем слово было дано члену Исполнительного Комитета Майнцу для представления кас-

сового отчета. Согласно этому отчету, в Исполнительный Комитет в общем поступило круглым счетом около 650.000 марок, из них 450.000 франков в швейцарских кредитных билетах, которые были обменены на 620.000 марок. Все расходы по оплате труда, издержкам на агитацию и пропаганду составили около 614.000 марок. Майнц подтвердил заявление Мюллера, что последний ничего не требовал и не брал для себя лично, и заметил далее, что Исполнительный Комитет принял энергичные меры против чрезмерного расширения своего аппарата, возникшего главным образом по вине солдатских членов комитета. Кроме того, Исп. Ком. распорядился очистить здание палаты депутатов к 14-ому декабря.

От имени Совета Народных Уполномоченных первым говорил В. Диттман, представитель независимых социал-демократов в Совете. Он доказывал, что многие утверждении Мюллера либо неправильны, либо необоснованы. Прошение министра Зольфа об отставке было принято, и рассмотрение актов министерства иностранных дел было поручено не Эд. Давиду, а Карлу Каутскому и Максу Кварку; Каутский не открыл никаких следов, на основании которых можно было бы вывести заключение об уничтожении актов; напротив, он заявил, что нашел гораздо больше материала, чем ожидал. Полковник Лоренц был освобожден лишь после того, как учрежденная самим же Исполнительным Комитетом следственная комиссия, в составе трех юристов, единогласно признала, что он подлежит освобождению. Переходя к полемике по существу вопроса, Диттман указал, что Совет Народных Уполномоченных действовал все время под давлением неумолимой необходимости — последствий войны и созданного ею положения. Гер-

мания нуждается в немедленном перемирии и затем в скорейшем заключении окончательного мира. Такова первая предпосылка восстановления хозяйственной жизни, расшатанной войной и целиком направленной на обслуживание войны. Перевод хозяйства на мирные рельсы представляет собою в высшей степени трудную и неблагодарную задачу; в народных массах царит голод: никогда еще народ и его правительство не находились в столь отчаянном положении. Поэтому, социализация может быть начата только с осторожностью; однако, она будет предпринята всюду, где промышленность и отдельные предприятия достаточно созрели для этого. Учреждена комиссия, составленная из известных экономистов, которой поручено исследовать вопрос и представить соответственные предложения. Далее, оратор развил налоговую программу правительства, указал на социально-политические мероприятия, на установление восьмичасового рабочаго дня, организацию призрения неимущих и т. д. Он добавил к этому, что для социализма откроется полная свобода развития лишь по миновании переходного времени. Созданные рабочими богатства большей частью погибли; рабочие были всегда обделенными и являются таковыми еще и сейчас; они должны будут создать новые ценности прежде, чем смогут достигнуть благосостояния. Никакое правительство не сможет этого изменить. Рабочие должны сделать все, для того, чтобы не остановилось производство. Каждая забастовка обращает свое острие против самих же рабочих. Большие затруднения создает демобилизация, но, пока она не закончена, высшее военное командование должно оставаться на своем посту, и должна быть сохранена дисциплина, которую не следует, однако, смешивать с слепым повиновением. Так нужно понимать ту телеграмму пра-

вительства высшему командованию армии, которую так осуждал Мюллер. Несомненно, что в офицерской среде еще господствует дух реакции, и что значительное число их настроено контр-революционно. Но преобладающее большинство солдат не хочет контр-революции. Правительство, поэтому, хотя и находится на стороже на случай каких-либо попыток к восстанию, но оно их не очень боится. Осадное положение отменено, провозглашена полная свобода печати; сколько бы противники справа и слева ни нападали на правительство, оно не допустит какого бы то ни было ограничения свободы печати. Правительство ввело самое свободное в мире избирательное право, чтобы обеспечить надолго влияние пролетариата на судьбы республики. Уже 12-го ноября правительство единогласно постановило созвать Учредительное Собрание для выработки конституции, и если теперь многие рабочие опасаются его созыва, так как к нему призывают реакционеры, то Учредительное Собрание по многим причинам все же должно быть созвано. Важные основания говорят против слишком раннего созыва Учредительного Собрания, не менее важные — против слишком большой отсрочки его. Правительство серьезно взвесило все доводы и остановилось в конечном итоге на 10-ом февраля 1919 года, как на дне выборов; этот срок подлежит ныне окончательному утверждению с'езда. Теперь пролетариату необходимо об'единиться в сомкнутые ряды в борьбе против буржуазных партий и не тратить сил на междоусобную распрю.

Выдержанная сплошь в примирительном тоне речь Диттмана имела шумный успех, в особенности, у социалистов большинства, в то время, как часть партийных сотоварищей оратора воздержалась от участия в овациях.

В прениях по поводу отчетов большинство ораторов высказалось против Берлинского Исполнительного Комитета. Он нашел горячих защитников только в лице делегатов Брасса (Ремшейд), Вегмана (Берлин), Гекера (Хемниц) и Георга Ледебура (Берлин), из которых последний своими нападками на Совет Народных Уполномоченных затмил критику Мюллера. Он вызвал неописуемый шум, назвав члена Совета Уполномоченных Эберта в связи с ответом, данным им 6-го декабря солдатской демонстрации, позорным пятном на правительстве. Возражая против замечания Диттмана, что революции не «делают», Ледебур указал, что он и часть его друзей уже с 1916 г. подготовляли революцию; он сообщил, что 2-го ноября 1918 г. на заседании революционного комитета все участники, за исключением Гаазе и еще одного товарища, были того мнения, что 4-го ноября следует выступить. Вечером того же дня на новом заседании на сторону Гаазе стал еще Диттман, в то время, как Карл Либкнехт ратовал за тактику «путчизма», против которой в свою очередь выступал он — Ледебур. Так, выступление было отложено на несколько дней, благодаря задержкам со стороны некоторых «расхолаживальщиков», и была дана возможность Эберту—Шейдеману взять дело в свои руки. До начала революции Шейдеман и его друзья пользовались плодами осадного положения, а теперь они пользуются плодами революции.

От имени Совета Народных Уполномоченных взяли еще слово Отто Ландсберг, Эмиль Барт и Фриц Эберт. Первый защищал Совет против ряда об'винений со стороны Мюллера и обосновывал опротестование денежных требований Исполнительного Комитета. Барт озадачил своих коллег по Совету Народных Уполномоченных направленной против них филиппикой. Он бросил им

упрек, что они в вопросах демилитаризации Германии действовали черезчур робко, в вопросах же т. наз. «необходимой защиты границ» на востоке и западе предоставили милитаристам слишкам много свободы, позволив им действовать по собственному усмотрению. Он требовал немедленного принятия энергичных мер и немедленной отмены всех «пограничных охран», поскольку они не вызваются интересами демобилизации. Все офицеры должны немедленно по прибытии в гарнизон получить отставку, престарелые и больные — с пенсией, более молодые — с выдачей средств для подготовки к какой-либо гражданской профессии. Эберт возразил, что если Барт счел нужным выдвинуть обвинения против своих коллег по кабинету, то его долгом было предварительно снестись с ними по этому поводу. Все, сообщенное Бартом, относится частью к таким делам, о которых кабинет принял в свое время единогласные решения, частью же к вопросам, о которых решений еще не принято. Правительство вынуждено было озаботиться скорейшим очищением окупированных облостей, и охраной больших транспортов с'естных припасов; это сделало неизбежным ряд военных мероприятий охранительного порядка. По вопросу о мерах для охраны западной границы, принятия которых неднократно требовали товарищи рабочие и солдаты, Эберт пояснил, что поступили пока еще только первые предложения главного командования армии; правительство затребовало более подробных сведений и ждет ответа. Решения еще вообще никакого не принято. Можно ли при таких обстоятельствах оправдать поведение Барта? Оно в высшей степени вредит совместной работе, и он, Эберт, должен сохранить за более тесным кругом своих друзей право решить, смогут ли они вообще еще продолжать общую

работу с независимцами, если не будет дано гарантий против повторения подобных происшествий.

Эберт говорил с сдержанной горечью; именно поэтому его заключительное замечание вызвало особенно сильное возбуждение. Ораторы со всех сторон стали записываться к слову, что побудило председателя Лейнерта обратиться к делегатам с предложением сгруппироваться по фракциям, чтобы можно было упорядочить список ораторов. В наличности были в этот момент, на ряду с двумя социалдемократическими партиями, еще фракция солдат и фракция демократов. Тут наступил описанный выше перерыв заседания вследствие появления солдатской депутации, благодаря чему заседание было отложено на следующий день. В этот день, 18-го декабря, были в первую очередь обсуждены предложения солдат, принята новая депутация спартаковцев и заслушаны заключительные слова Мюллера и Диттмана. Мюллер защищал Берлинский Исполнительный Комитет от тех нападок на него, которые были сформулированы во время прений, и повторил все свои обвинения против Совета Народных Уполномоченных. Диттман опроверг их и отметил, возражая Ледебуру, что его упреки против Эберта уже были опровергнуты на совместном Заседании Исполнительного Комитета и Совета Народных Уполномоченных, на котором из 35 членов Исполнительного Комитета только 5 голосовали за предложение Ледебура об устранении Эберта от занимаемой им должности; Диттман заявил далее, в связи с упреками Барта, что правительство зорко наблюдает за военными, и снова горячо призывал социалистов сплотиться, не взирая на партийные разногласия.

При голосовании было принято предложение крайнего левого социалиста Брасса (из Ремшейда) о немед-

ленном проведении в жизнь всех мер, необходимых для разоружения контр-революции, но остальные предложения радикалов, в том числе и предложение Барта были отклонены. Следует еще упомянуть, что одна из этих резолюций была внесене зе подписью Левинэ (Эссен), т. е., того самого большевика, который позднее играл большую роль в коммунистическом восстании в Мюнхене. В резолюции своей Левинэ заявляет, что деятельность Народных Уполномоченных направлена к систематическому подрыванию власти Советов и потому способствует усилению контр-революции. После того, как были отклонены предложения радикалов, подавляющим большинством голосов были принята следующая резолюция социалистов большинства, внесенная Людеманом и др.

«Общегерманская конференция рабочих и солдатских советов, представляющая всю совокупность политической власти в Германии, передает законодательную и исполнительную власть — впредь до решения этого вопроса Учредительным Собранием, — Совету Народных Уполномоченных. С'езд избирает Центральный Комитет рабочих и солдатских советов, которому вручается контроль над общегерманским и прусским кабинетами. Ему же предоставляется право назначения и смещения как общегерманских Народных Уполномоченных так и, впредь до окончательного разрешения государственных отношений — и прусских. Для контроля над ведением дел в обще-имперских ведомствах Совет Народных Уполномоченных прикомандировывает к государственным секретарям своих комиссаров. К каждому министерству прикомандировываются по два таких лица, по одному от каждой из обоих социалдемократических партий. Перед назначением министров и комиссаров для отдельных ведомств запрашивается мнение Центрального Комитета».

Хотя эта резолюция предоставляла Центральному Комитету рабочих и солдатских советов широкое право контроля над Народными Уполномоченными, тем не менее радикальные независимцы и коммунисты все же

усмотрели в ней сильное сокращение полномочий и власти советов; они поэтому предприняли ряд попыток вернуть советам отнятые у них, по их мнению, права, внося с одной стороны, предложения о более точном истолковании смысла этой резолюции, а с другой стороны, и новые предложения по существу. Точкой опоры в этом отношении для них послужил второй пункт порядка дня: Учредительное собрание или советская система?

Обсуждение этого вопроса было начато с докладов социалиста большинства — Макса Когена (Рейсс) и его оппонента Эрнста Деймига. Первый доклад был необыкновенно тщательно разработан и произвел глубокое впечатление. Он начинался с широкой обрисовки всех тех трудностей в области внутренней и международной политики, с которыми приходится бороться Германской Республике, и с которыми последняя не сумеет справиться, если в самый кратчайший срок не будет положен конец усиливающейся дезорганизации. Но это возможно только путем созыва учредительного собрания. В настоящий момент «политика стала предпосылкой экономии»; упорядочить производство в Германии может только учредительное собрание, которое даст стране конституцию и укрепит государственное единство. Рабочие и солдатские советы все время выражали волю лишь одной части народа, но не всего народа в совокупности. Кто для обоснования теории диктатуры ссылается на Карла Маркса, тот извращает дух его учения. Социализм не может быть декретирован сверху властью, он предполагает органический процесс развития и перерождения снизу. В России начали с конца. Опасения, что учредительное собрание не даст социалистического большинства, если предварительно не будет проведена социализация, лишены всяких оснований; чем раньше

произойдут выборы в учредительное собрание, тем благоприятнее они будут для социализма. Социалдемократия нуждается в поддержке также и буржуазных и интеллигентских кругов, с которыми нельзя не считаться и влияние которых не следует недооценивать. Стачка со стороны этих элементов привела бы республику к гибели, и повлекла бы за собою вступление в Германию войск Антанты; на революцию же в странах Антанты пока что совершенно невозможно рассчитывать. Рабочие и солдатские советы лучше своей славы; если они и израсходовали немного больше денег, чем нужно было, что за то они спасли ценностей на миллиарды. Советы не могут выполнить задач учредительного собрания, однако они могут продолжать существовать рядом с ним и производить полезную работу. При шумном одобрении и бурных рукоплесканиях всего зала оратор просит собрание принять его резолюцию, предлагающую назначить выборы в учредительное собрание на 19-ое января 1919 г. Призывом — в ходе избирательной компании неустанно агитировать за социализм, Коген закончил свою речь, покрытую долго не смолкающими апплодисментами.

В связи с созданным этот речью настроением положение содокладчика — Деймига было не из легких. Он начал свой доклад с сожаления, что работы собрания приняли филистерское направления. Затем он заявил, что с'езд своим восторгом по поводу предложения ускорить созыв учредительного собрания произнес смертный приговор советской системе, которая, однако, наперекор всему, будет продолжать жить, так как она является исторически данной организационной формой современной революции. Хотя советская система еще продолжает наталкиваться на предубеждение в среде самих революционных рабочих, тем не менее будущее принадлежит

ей. Подобно тому, как парламентская система была исторической необходимостью при буржуазной демократии, так советская система является исторически данной формой социалистического общества. «Когда вы так горячо апплодировали Когену, требовавшему созыва учредительного собрания и назначения выборов на ближайший срок, вы выносили свой собственный смертный приговор», воскликнул оратор, обращаясь к собранию, и он перешел к изображению тех отрицательных последствий, которы будет иметь созыв учредительного собрания. Его контр-предложение состояло в том, чтобы при всех обстоятельствах была сохранена советская система, как первооснова социалистической республики, «и притом так, чтобы за советами была признана высшая законодательная и исполнительная власть». Далее, он требовал выработки общеобязательной избирательной системы для выборов в рабоче-солдатские советы отдельных государств и в общегерманские советы и назначения выборов на учредительный с'езд рабочих и солдатских советов Германии, который должен будет выработать новую германскую конституцию. До тех пор Центральный Комитет, в составе 53 делегатов от рабочих и солдатских советов всех частей Германии, должен являться высшей контрольной инстанцией по отношению к Совету Народных Уполномоченных и имерским ведомствам.

После того, как в прениях ряд ораторов высказался за и против созыва учредительного собрания, Липинский попросил слова к порядку дня и от имени независимых потребовал точного раз'яснения того, что следует понимать в принятой с'ездом резолюции Людемана, — относящейся, собственно, к данному пункту порядка дня, — под «парламентским контролем Центрального Комитета

над Советом Народных Уполномоченных». От имени Совета Народных Уполномоченных Гуго Гаазе дает следующее раз'яснение:

> «Под парламентским контролем Совет Народных Уполномоченных понимает такой порядок, при котором все законопроекты предварительно представляются Центральному Комитету, и все важные законодательные мероприятия обсуждаются совместно с ним. Совет считает совершенно исключенным, чтобы при таком порядке мог возникнуть разлад между ним и Центральным Комитетом. В настоящий революционный период необходимо, чтобы законодательная работа могла совершаться без замедления; поэтому, если бы по поводу какого-либо вопроса не было достигнуто соглашения, то во избежание задержки в законодательной работе Совет Народных Уполномоченных должен иметь право решить данный вопрос самостоятельно, раз он в общем пользуется доверием Исполнительного Комитета, который ведь во всякое время может его отозвать.»

Гейер (независимец) требует перерыва в виду того, что это раз'яснение не удовлетворяет его и его друзей; они должны получить возможность высказаться внутри своей фракции по поводу изменившегося положения. Однако, предложение это отклоняется, после чего Брасс приглашает своих единомышленников покинуть зал заседаний, чтобы решить, могут ли они далее принимать участие в работах с'езда. В то время, как спартаковцы и большая часть независимцев покидают зал, Гуго Гаазе еще раз берет слово по существу вопроса.

Он сообщает, что, хотя в Совете Народных Уполномоченных господствует единогласие относительно необходимости созыва учредительного собрания, однако по вопросу об его целях царит еще различие во взглядах. Постановка вопроса об учредительном собрании в виде альтернативы: учредительная власть или советская система — является неправильной, так как советы со-

хранят свое значение и после созыва учредительного собрания. Основания, которые были выдвинуты в защиту немедленного созыва учредительного собрания, уже опровергнуты фактами, наглядно обнаружившими их ошибочность; наоборот, в высшей степени убедительные соображения говорят против слишком раннего срока созыва. В оккупированных областях выборы невозможны, большая часть солдат еще не может принять участия в выборах, другая, не менее значительная, еще не знает вовсе, о чем идет речь при выборах. «Нельзя допустить, чтобы судьба молодой республики попала в руки неразобравшихся в событиях избирателей». Необходимо еще предварительно произвести большую просветительную работу, — прежде всего среди женщин, которые ныне впервые участвуют в выборах. В своей речи, сопровождавшейся многократными возгласами одобрения, Гаазе, между прочим, заявил резкий протест против поведения поляков, которые, не дожидаясь разрешения вопроса о границах между Германией и Польшей, произвели выборы в областях, продолжающих еще входить в состав Германии.

Из делегатов, говоривших после Гаазе, за скорейшее проведение выборов высказались представители солдатских советов. В том же духе выступил и Народный Уполномоченный Шейдеман. Он заявил себя противником длительного существования рабочих и солдатских советов; «это привело бы, сказал он, к разрушению торговли и промышленности, которое можно предсказать с абсолютной уверенностию, к крушению единства Германии и к неизмеримым бедствиям для нашего народа». Если весь народ привлекается к несению ответственности, то он должен быть также и весь привлечен к участию в принимаемых решениях. При том отчаянном положении,

в каком сейчас находится Германия, отдельный класс совершенно не в состоянии нести один всю ответственность. К тому же, те граждане, которые хотят, чтобы выборы были отложены, даже в Берлине составляют меньшинство; они производят только больше шума, чем остальные. «Нам надоели ежедневные прогулки с пулеметами, мы не хотим гражданской войны, мы хотим обеспечить нашему народу труд, мир и хлеб, а тем самым и завоевания революции». Последние слова, намекавшие на шествия, которыми спартаковцы под предводительством Карла Либкнехта ежедневно развлекали жителей столицы, были снова встречены шумным одобрением большинства. После того, как докладчики в заключительных словах ответили своим оппонентам, произведено было голосование, при котором предложение Гейера и др. о назначении выборов на 16 марта 1919 г. было отклонено огромным большинством голосов против 50-ти, а тот пункт предложенного Народными Уполномоченными избирательного закона, которым выборы назначались на 16-го февраля 1919 г., был отвергнут, — против несколько более значительного меньшинства голосов; напротив, предложение Когена: произвести выборы уже 19-го января 1919 г., было принято круглым счетом 400-ми голосами против приблизительно 50-ти. Предложение Деймига, по требованию независимцев, было подвергнуто поименному голосованию. Голосование дало 98 голосов за и 344 против.

Эберт заявляет, что для Совета Народных Уполномоченных неприемлемо предложение Гейера, формулирующее в следующих выражениях тот тезис из резолюции Людемана, который подвергся интерпретации со стороны Гаазе: «Центральному Комитету принадлежит безусловное право одобрять и отвергать законы до их опублико-

вания.» Председатель Совета Народных Уполномоченных заявил по этому поводу следующее:

> «Мы стоим перед трудностями, каких не знала еще ни одна цивилизованная страна. Если стремиться к их преодолению, то правительству необходимо должна быть предоставлена некоторая свобода действий. Стране необходима единая руководящая воля, а для этого, прежде всего, необходима работоспособная центральная инстанция. Предоставленное Центральному Комитету право отзывать членов правительства, исключает всякий произвол со стороны последнего и дает Комитету абсолютную уверенность, что все носители правительственной власти пользуются доверием стоящих над ними Уполномоченных. Этим Вы можете удовлетвориться... Нам не хватает промышленного сырья и продовольствия.
>
> Только быстрота действия может нас спасти при возникновении серьезных затруднений.
>
> Если нам для издания каждого закона придется предварительно заручаться согласием Центрального Комитета, то это невозможно уже по одному тому, что все, что когда-то решалось путем простого распоряжения Союзного Совета или соответствующего имперского ведомства, теперь должно регулироваться в законодательном порядке. Нам приходится подчас, например, в ответ на телефонные запросы «комиссии по перемирию» тут же принимать сложнейшие решения. Наши друзья из независимой партии заявляют, как и я, что, если с'езд одобрит предложение Гейера, нам придется сложить с себя всякую ответственность.
>
> Мы сделаем все возможное, чтобы наладить совместную работу с Центральным Комитетом, но исполнительная и законодательная власть должны оставаться в руках Народных Уполномоченных».

Накануне с'езд уже вынес соответственное решение, и если он теперь его отменит, то Народные Уполномоченные не смогут более нести лежащей на них ответственности. Это не угроза, а внушенное опытом убеждение, разделяемое также авторитетными лицами в рядах независимой социалдемократии.

Несмотря на это заявление, сделанное с большой серьезностью, радикальные независимцы: адвокат Обух и Народный Уполномоченный Барт еще раз резко выступили в защиту предложения Гейера. Речь Обуха кончалась словами: «Под аргументацией, ссылающейся на трудности законодательствования и управления, скрывается нечто другое. Пролетарии, будьте на страже! Стойко отстаивайте свои права!». Барт заявил, что предложение Гейера необходимо принять, для того, чтобы снова вернуть себе доверие масс. В ответ на это Людеман от имени социалдемократической фракции предложил принять раз'яснение Гаазе, а Народный Уполномоченный Ландсберг еще раз раз'яснил, что предложение Гейера принять нельзя, если желать, чтобы Совет Народных Уполномоченных сохранил свою работоспособность.

По требованию независимых, вызывающему большой шум, с'езд постановляет голосовать предложение Гейера и Людемана поименно. Голосование, результаты которого стали известны на следующий день, дало 290 голосов за предложение Людемана и 115 голосов за предложение Гейера. Таким образом, осталась в силе та интерпретация соотношения между Центральным Комитетом и Советом Народных Уполномоченных, которую дал Гаазе.

Между тем, фракция независимых, по проискам Ледебура и вопреки настоятельным советам Гаазе, постановила не принимать участия в выборах Центрального Комитета рабочих и солдатских советов, и независимец Брасс сообщил об этом решении с'езду. Благодаря этому, в Центральный Комитет («Центральный Совет»), составленный из 27 членов, избираются только лица, перечисленные в списке социалистической партии, а именно:

«Роберт Лейнерт (Ганновер), Георг Мейер (Восточн. фронт), Герман Вегер (Восточн. фронт), Гуго Струве (Западн. фронт), Эмиль Бушман (Западн. фронт), Макс Коген (Рейсс), Макс Пфафф (флот), Мюллер (Берлин), Генрих Цвеста (Нюрнберг), Генрих Шефер (Кельн), Герман Каман (Дрезден), Фриц Герберт (Штетин), Вальтер Лампель (Гамбург), Альберт Штубер (Эсслинген), Рихард Катер (Карлсруэ), Вильгельм Кноблаух (Дармштад), Густав Геллер (Берлин), Карл Прокеш (Мюнден), Карл Вёргибель (Кельн), Карл Бетге (Фрейбург), Фриц Фогт (Бреславль), Генрих Кюрбис (Гамбург), Отто Сидов (Бранденбург), Альберт Гжесинский (Кассель), Макс Кёниг (Дортмунд) Фриц Фосс (Западн. фронт), Роберт Коль (Восточн. фронт).

Благодаря тому, что независимцы воздержались от участия в выборах, положение членов их партии в Совете Народных Уполномоченных стало крайне тяжелым. В виду этого Гаазе и др. стали склоняться к тому, чтобы выйти в отставку. Если они этого не сделали, то только потому, что считали необходимым принести эту жертву делу республики. Это молчаливо признал и вновь избранный Центральный Совет, не возбудив вопроса об их мандатах. От имени независимых Гейер предложил еще постановить, чтобы выборы в ландтаги отдельных государств (принимая во внимание, что с'езд высказался против всяких сепаратистских стремлений и назначил выборы в Учредительное собрание на 19-ое января) вообще более не производились. Однако, против этого было высказано то соображение, что в некоторых государствах такие выборы уже состоялись, и что принятие подобнаго решения имело бы последствием лишь раздробление избирательной борьбы, и дало бы в руки буржуазных партий избирательный пароль, обладающий большой притягательной силой для широких народных масс. Предложение Гейера отклоняется против небольшого количества голосов.

Доклад Рудольфа Гильфердинга по вопросу о «социализации хозяйственной жизни», являвшемуся следующим пунктом порядка дня, представлял собою с действительным знанием предмета сделанное изложение пути, по которому должна пойти рационально поставленная социализация. Она должна начаться уже с тех производств, которые уже и без того носят монопольный характер, а именно, с производства угля и массовых продуктов тяжелой индустрии, а затем уже шаг за шагом итти дальше. Таким путем можно будет получить сильное влияние и на банковый капитал, в то время, как немедленная социализация банков, при господствующем расстройстве немецкой хозяйственной жизни, нуждающейся еще в восстановлении, — не может принести пользы. Лишь отдельные отрасли банковского дела можно было бы сейчас же социализировать. Но если социализировать лишь некоторые отдельные группы предприятий, то нельзя обойтись без вознаграждения предпринимателей, что может быть проведено в форме предоставления им известной государственной ренты. В деревне социализация может быть проведена только в применении к крупному землевладению, остальное же сельское хозяйство можно прибрать к рукам при посредстве хлебной монополии. Во всяком случае, для социализации необходимо время; политическая революция совершается относительно легко, напротив, замена одной хозяйственной формы другой предполагает длительный процесс; революция здесь не может творить чудес. А немецкий пролетариат как раз в состоянии немного подождать, ибо он добился восьмичасового рабочего дня, и переживает эпоху под'ема заработной платы. Впрочем, рабочие должны подходить к вопросу о социализации не с точки зрения заработ-

ной платы, а как к пути для осуществления социального идеала, которое требует систематической совместной работы всех социалистов. Духом этого идеала социалисты должны наполнить все человечество.

Доклад встретил оживленное одобрение, в частности, со стороны фракции социалистов большинства. Их ораторы в последовавшей дискуссии высказывались по преимуществу в духе Гильфердинга. Делегаты Мёлих (Дортмунд), Бертен (Дюссельдорф), Шрек (Билефельд) и другие, энергично подчеркивали, что в вопросе о социализации речь идет о деле, требующем органических мероприятий, и что, следовательно, в ближайшее время для него нужно готовить почву, путем введения рабочего контроля над предприятиями и аналогичных мер. В противоположность этому, Эмиль Барт и другие радикальные делегаты требовали немедленной социализации, мотивируя ее необходимость уже тем одним, что иначе невозможно будет удержать рабочих в мастерских.

В своем кратком заключительном слове Гильфердинг еще раз предостерегал от заблуждения, будто социализация немедленно приведет к улучшению материального положения рабочих. Возможно, что социализация в известных случаях потребует даже жертв со стороны рабочих, так как государству придется перенять и такие предприятия, которые находятся в упадочном состоянии, и которые не сразу смогут давать своим рабочим высокий заработок. — После заключительного слова Гильфердинга принимается значительным большинством резолюция Людемана-Северинга: правительству поручается немедленно приступить к социализации созревших для этого отраслей индустрии, в частности, горной промышленности. Принимается также внесенное независимыми предложение, об установлении в горной промышленности

минимума заработной платы и восьмичасового рабочего дня, с зачетом времени для в'езда и выезда из шахт. Затем принимается и предложение солдатской фракции об издании в ближайшее время закона о колониях для инвалидов и о содействии движению в пользу учреждения таких колоний путем издания распоряжения в чрезвычайном порядке.

Совершенно иную судьбу, напротив, имело предложение солдатской фракции, требовавшее об'единения обоих социалдемократических фракций, и в особенности образования общего социалдемократического боевого фронта на время избирательной кампании. Предложение это вызвало бурные сцены, которые затмили все происшедшие до того на с'езде инциденты.

Когда это предложение было внесено, независимец Зеегер прежде всего предложил вообще не ставить этой резолюции на голосование, так как этот вопрос не подлежит компетенции с'езда. Социалист большинства Северинг заявил, что он вполне согласен с этим мнением. Но против этого выступил социалист большинства Зихтар (Франкфурт), а член солдатской фракции Гейтман (Кенигсберг) стал защищать свое предложение по существу. Согласно отчету «Форвертса» от 21-го декабря 1918 г. дело затем приняло следующий оборот:

> «Гейтман (солдатская фракция) в живой речи выступает в пользу предложения». «Солдаты являются противниками братоубийственной борьбы, даже когда они отрицательно относятся к политике Шейдемана во время войны. Теперь, когда война окончена, нет больше никаких оснований для раскола по вопросу о военной политике. В этом убеждены миллионы солдат. Разногласия теперь уже не так велики. Нужда и бедствия масс должны быть устранены как можно скорее. В борьбе против капитализма мы не можем себе позволить роскоши борьбы внутри рабочего класса. В этот

исторический момент обе партии должны снова об'единиться (оживленное одобрение, — шумные возгласы порицания по адресу социалистов большинства на скамьях крайних левых и на трибунах)».

К оратору от солдат, отметившему, между прочим, что Гаазе от Либкнехта отделяет большая пропасть, чем Гаазе от Эберта, присоединяется социалист большинства Каман (Дрезден); в совершенно ином духе выступает Георг Ледебур. Он заявляет, что предложение солдатской фракции продиктовано самыми лучшими намерениями, но что их цели нельзя достичь таким путем.

«В совместной работе с рабочими массами мы должны склонить их на сторону той решительной революционной борьбы за социальный переворот, которую мы ведем; однако мы не согласны на слияние с ними или на соединение списков, как это рекомендовал и Диттман (Диттман: нет, я этого не говорил, я подчеркивал только необходимость единодушия пролетариата в борьбе. — Возглас со скамей радикалов: с Шейдеманом?). Вступление в один кабинет с Эбертом, Шейдеманом и Ландсбергом, главными виновниками того, что капитализм смог пережить войну, было самой тяжкой ошибкой со стороны наших друзей по независимой социалдемократической партии. (Бурное одобрение со стороны радикалов, оживленные протесты большинства). Сюрприз, преподнесенный Людеманном и насилие со стороны несознательных людей (оратор указывает на солдат; снова бурные возгласы одобрения и крики протеста), которые еще продолжают страдать военным психозом, доказывают, что время единения наступит только тогда, когда эти несознательные люди постигнут смысл революции. (Бурные протесты большинства, шумное одобрение у радикалов, возгласы слева и с мест для публики: Вон предателей народа!).

Следующий оратор — Народный Уполномоченный Шейдеман. Едва он появляется на трибуне, как в зале поднимается страшный шум. Радикальные делегаты беспрерывно выкрикивают ругательства по адресу Шейдемана: негодяй, подлец, подстрекатель и т. д.; их поддерживает публика на галлерее; одни кричат, другие свистят на ключах, некоторые

даже — и принесенные с собой уличные свистки; социалисты большинства отвечают на это возмущенными криками протеста, бурными приветствиями Шейдеману, и продолжительными рукоплесканиями. Ему только с трудом удается добиться внимания, так как всякий раз, как он произносит несколько слов, снова поднимается шум. Шейдеман признает, что предложение солдатской фракции продиктовано добрыми намерениями, однако он полагает, что на этом с'езде нельзя вступать в партийно-политические споры; здесь немыслимо об'ективное обсуждение вопроса. Все старания в этом направлении достигли прямо противоположного результата».

Возгласы радикалов в зале и на трибунах: «раньше всего должен уйти Шейдеман! Долой Шейдемана».

Шейдеман: Через полчаса я все равно ухожу обедать (взрыв смеха и новый шум). Предложение об обединении вызвало данные сцены и последнюю речь Ледебура. В итоге, если мы чего-нибудь здесь достигли, то лишь обострения взаимного нерасположения. Снова обнаруживается, что некоторые товарищи предпочитают, вносить раскол в рабочий класс, вместо того, чтобы бороться с капитализмом».

Шум достигает теперь, вследствие стычек в зале между социалистами большинства и независимцами, своего апогея, так что Шейдеман, прождав некоторое время, заявляет, что, несмотря на свои хорошие голосовые средства, он отказывается от борьбы с крикунами. Он покидает трубуну, со словами:

«Ответ, который вы не хотите выслушать от меня, вам дадут 19-го января немецкие рабочие».

Новая буря, после которой солдатский делегат Лампель от имени своей фракции берет обратно внесенную ею резолюцию, и заявляет, что просит своих друзей с западного и южного фронтов рассказать своим избирателям на фронтах о том, что они видели и слышали в Берлине, для того, чтобы товарищи могли дать сознательный ответ на все это. Делегатка Лау в прочувствованных словах призывает использовать время, остав-

шееся до выборов, для неутомимой агитации за социализм, и кончает свою речь призывом к единству. Однако, предложение революционной фракции, внесенное Лауфенбергом и его единомышленниками, о возобновлении дискуссии по поводу об'единения, отклоняется с'ездом. Предложение фракции независимых о немедленном возобновлении дипломатических сношений с Советской Россией, передается значительным большинством голосов в Совет Народных Уполномоченных. Оглашаются еще два протеста противоположной тенденции, после чего с'езд закрывается председателем Лейнертом, обратившимся к собранию с следующей краткой речью:

«Мы стремимся не к разрушению Германии, а к возвышению ее и немецкаго народа к счастью и радости высшей культуры, мы хотим, чтобы она обрела любовь к труду, к труду — не для капиталистов, а для себя самой. Да здравствует революционная социалистическая Германия, да здравствует единая социалистическая Германская республика».

Все делегаты, за исключением части радикалов, дружно провозглашают троекратное «ура».

Еще в тот же день конституируется избранный с'ездом «Центральный Совет» рабочих и солдатских советов[1]), который выбирает в свой президиум Лейнерта (Ганновер), Когена (Рейсс) и Германа Мюллера (Берлин), в секретари Вегера (Восточный фронт), а в кассиры Шефера (Кёльн).

При совместном с Советом Народных Уполномоченных обсуждении вопроса о проведении в жизнь резолюций с'езда, обнаруживается единодушие по всем существенным пунктам. Состав Совета Уполномоченных остается тот же.

[1]) т. е. Центральный Исполнительный Комитет, в переводе на русскую терминологию. Перев.

Но это касалось только лиц. Соотношение сил обоих групп, из которых Совет был составлен, значительно изменилось. В то время, как три члена из рядов социалдемократии большинства опирались теперь на весь Центральный Исп. Комитет, три члена Совета, делегированные независимой социалдемократией, были лишены в нем поддержки, благодаря тому, что Ледебур и его единомышленники добились воздержания от участия в выборах в Центральный Исп. Комитет; таким образом, они должны были теперь быть готовы к тому, чтобы при первом серьезном разногласии оказаться в меньшинстве. Правда, в обоих группах господствовало искреннее стремление — в пределах возможного не нарушать совместной работы в Совете Уполномоченных. Члены Совета, принадлежавшие к социалдемократии большинства, понимали, как важно для дела республики, чтобы их управление не воспринималось массами, как гегемония одной лишь фракции, а лояльное поведение Гаазе и Диттмана на с'езде позволяло надеяться, что коллегиальную связь между членами Совета, быть может, удастся сохранить до момента открытия Учредительного Собрания. Упомянутые же выше Независимые Уполномоченные, равно как и Эмиль Барт, считали своей обязанностью оставаться в Совете Народных Уполномоченных, пока им представлялась возможность с успехом защищать там свои воззрения.

«Отказ от участия в выборах», — писал орган независимцев «Фрейхейт», характеризуя в статье о с'езде позицию своей партии, — лишило нас важного средства... воздействия на будущую политику и, кроме того, поставил Народных Уполномоченных, принадлежащих к партии независимых, в тяжелое положение. В будущем им будет несравненно труднее, чем до сих пор, проводить свое влияние и направлять политику правительства в социалистическом духе. Однако, было бы нецелесообразным

совершенно отказаться от воздействия на политику внутри самаго правительства и прекратить совместную работу в Совете Народных Уполномоченных, наподобие того, как левое крыло с'езда отвергло участие в Центральном Исполнительном Комитете. Опыт прошлого показал, что, хотя наши товарищи в Совете Народных Уполномоченных и вынуждены были преодолевать разного рода препятствия и не всегда были в состоянии проводить свои желания, но что их влияние все же не проходило бесследно. Уход независимых из Совета только содействовал бы дальнейшему ослаблению революционной энергии правительства и открыл бы настежь двери буржуазному влиянию».

«Форвертс» же еще накануне вечером писал по адресу независимых: «Они утверждают, что они нужны для того, чтобы толкать правительство вперед. Мы сомневаемся в этом, но охотно соглашаемся на то, чтобы нас увлекали вперед, если это происходит изнутри; такого рода работа, если ее вообще считать нужной, только в такой форме и может иметь значение».

В номере от 21-го декабря тот же орган писал о последнем дне с'езда в следующих выражениях:

«Этот день снова показал, сколь малы уже сейчас различия, которые разделяют социалдемократов разных толков. Умный доклад Гильфердинга о социализации мог бы быть сделан также и правым социалистом. Там, где в прениях выступали наружу разногласия, все же обнаруживалось, что по существу основа была общей».

Все это звучало весьма обнадеживающе, однако, в действительности совместной работе в Совете Народных Уполномоченных не суждено было продлиться и полных десяти дней.

X.

Матросское восстание в Берлине.

Естественно, что решения с'езда рабочих и солдатских советов были встречены с большим неудовольствием в рядах тех берлинских социалистов, которые относились недоверчиво к правительству Эберта—Гаазе или стояли в решительной оппозиции к нему. Особенно чувствительно были задеты радикальные элементы берлинского Исполнительного Комитета, в виду того, что последний был лишен своих полномочий по руководству революционными рабочими и солдатами Германии, а положение умеренных социалистов в правительстве сильно укрепилось. Нужно однако признать, что Исполнительный Комитет лояльно подчинился постановлению с'езда, изменяющему его функции. В оповещении, подписанном Максом Когеном и Германом Мюллером — от имени вновь избранного Центрального Совета, и Рихардом Мюллером и Брутом Молькенбуром — от имени берлинского Исполнит. Комитета, сообщается о состоявшейся 21-го декабря смене должностных лиц, и об'является, что все выданные Исполнительным Комитетом мандаты и удостоверения теряют 28-го декабря свою силу, и что отныне все мандаты для Империи и Пруссии будут выдаваться Центральным Советом, а для Берлина — Исполнительным Комитетом берлинского Совета.

Однако, брожение продолжалось и всячески раздувалось Союзом «Спартак» и его агентами. 21-го декабря, во время торжественных похорон рабочих, павших при столкновении 6-го декабря, Карл Либкнехт трижды обращался с речами к толпе, обвиняя в самых резких выражениях членов правительства в том, что они одни

виновны в произошедшей стрельбе и несут ответственность за жертвы. В номере от 22-го декабря «Форвертс», протестуя против этого обвинения, пишет:

«Мы стремимся к свободному республиканско-демократическому порядку. Либкнехт же, не останавливаясь перед ложью, подстрекает к гражданской войне, — а затем оплакивает павших в этой войне, которые по существу являются лишь жертвами его собственной бессовестной агитации.

Либкнехта образумить невозможно, но мы возлагаем надежды на разум, рассудительность и чувство справедливости берлинских рабочих».

Этими качествами берлинские рабочие безусловно обладали в высокой степени. Однако, целый ряд факторов соединился для того, чтобы подорвать доверие к доброй воле и предусмотрительности тех членов правительства, против которых с особым ожесточением агитировал Спартаковский союз. К тому же не были приняты и все необходимые меры, чтобы раз'яснить рабочим значение лозунгов, брошенных в их среду. В середине декабря 1918 г. Спартаковский союз опубликовал манифест, в котором излагает свою программу и свои цели. Манифест этот, пытающийся в смысле языка подражать Коммунистическому Манифесту, представляет собою смесь идей последнего с чисто бланкистскими лозунгами и фразами, заимствованными из воззваний и декретов большевиков. Так, например, очертив вкратце коммунистический общественный порядок, как конечную цель, спартаковский манифест заявляет:

В качестве переходной ступени к этому общественному порядку необходимо вооруженное господство рабочего класса. При господстве рабочего класса вся законодательная и исполнительная власть сосредоточена в советах рабочих и солдатских депутатов и их исполнительных комитетах. Верховная власть принадлежит общегерманскому с'езду советов рабочих и солдатских депутатов и его исполнительному комитету.

Правом избирать в советы рабочих и солдатских депутатов может пользоваться только беднейшее трудовое население. Кто не работает, не должен и управлять.

При господстве рабочего класса отменяется собственность капиталистов на средства производства и передвижения. Все банки, — эти центральные нервы капиталистической хозяйственной системы, — промышленные и транспортные предприятия поступают во владение рабочего класса.

При господстве рабочего класса при распределении с'естных припасов в первую очередь должно обеспечиваться трудящееся население.

Чтобы осуществить в полной мере свободу печати для рабочих, вся бумага и все типографские принадлежности конфискуются и передаются в распоряжение рабочего класса.

В качестве военной опоры своего господства, трудящиеся организуют коммунистическую гвардию, состоящую из рабочих и солдат».

Далее, в одной из глав, носящей название: «Задачи момента», излагается следующее:

«Господство рабочего класса может быть установлено лишь путем вооруженной рабочей революции. Коммунисты являются ее передовыми борцами.

Она придет, так как буржуазия готовится к сопротивлению, и рабочий класс вынужден будет выбирать между своим порабощением буржуазией или — господством над ней.

Учредительное собрание, которое готовится созвать настоящее правительство, неизбежно превратится в орган контрреволюционеров для удушения рабочей революции. Необходимо всеми средствами воспрепятствовать его созыву».

Эти тезисы обозначали, если слова вообще имеют какое-либо значение, об'явление борьбы не на жизнь, а на смерть всем неспартаковским элементам и призыв к насильственному подавлению всех исполнительных органов республики. Для полноты картины за этим следует еще фраза, заимствованная из литературного арсенала бланкизма: «Буржуазия готовится к граждан-

ской войне. Она хочет ее возникновения»; из этого утверждения, лишенного в тот момент всякого фактического основания, делается следующий вывод:

> «Мы взываем к рабочему классу: будьте готовы! Организуйтесь, борьба за создание открытой дороги для коммунизма уже близка. Несите революционный дух в рабочие массы!»

Правда, вслед затем следует неожиданное заявление:

> «Пролетарская революция не нуждается для осуществления своих целей в терроре. Ей ненавистно и отвратительно человекоубийство. Она не нуждается в этих средствах, так как она борется не с лицами, а с учреждениями».

Однако, непосредственно за этими словами идет абзац: «Мероприятия для обеспечения революции», который содержит положения, реализация которых, при создавшейся тогда обстановке, была немыслима без террора и кровавой борьбы. Так, например, недопущение выборов в Учредительное Собрание, только что назначенных с'ездом советов рабочих и солдатских депутатов. Первое из этих «мероприятий» состоит в следующем:

> «Разоружение полиции, всех офицеров и непролетарских солдат, разоружение всех граждан, принадлежащих к господствующим классам».

Трудно поверить, чтобы такой духовно одаренный и научно образованный человек, как Роза Люксембург, мог принимать участие в сочинении этой столь же путаной, сколь и демагогической мазни. Тем более, что развиваемая в этом документе программа хозяйственных мероприятий обнаруживает глубочайшее незнакомство с самыми элементарными предпосылками хозяйственной жизни промышленного государства, подобного Германии. Одно, правда, можно сказать в ее оправдание: как женщина, и к тому же иностранка, она была знакома с законодательством и управлением в Германии только с их в н е ш н е й стороны, и не имела ясного предста-

вления об их внутренней организации, точно так же, как ей, повидимому, был совершенно неизвестен органический механизм хозяйственных предприятий Германии и жизненные условия его функционирования. При всем том, Розе Люксембург, и еще в большей степени Карлу Либкнехту, который сам непосредственно принимал участие в законодательстве и управлении, не могло не быть ясным, что попытка осуществить идеи этого манифеста на практике, должна была бы привести Германию к убийственной и опустошительной анархии. Но такого понимания нельзя было предполагать, конечно, у широких политически незрелых масс, которые внезапно оказались втянутыми в водоворот политического движения; и так как все явственнее обнаруживалось, что большая часть этих масс стала поддаваться гипнозу диалектики спартаковского манифеста, то было необходимо в листках, написанных ясным и понятным языком, открыть народу глаза на внутренние противоречия манифеста и губительную сущность его призывов. Однако, этого не было сделано. Правда, в статьях общего характера велась борьба с тенденциями, нашедшими свое выражение в манифесте, однако, считали излишним подвергать его подробной критике, очевидно, потому, что господствовала уверенность, что преобладающее большинство рабочих и солдат не даст себя увлечь на безумные действия.

Однако, во времена всеобщего брожения нет ничего опаснее недооценки значения меньшинства, аппеллирующего к народным страстям. В такие эпохи нужно быть постоянно готовым к тому, что могут наступить моменты, когда рассудительные элементы, благодаря свойственной им большей пассивности, становятся бессильными, и на улице начинают господствовать элементы,

страстность которых придает им более активности, и которые способны проявить силу напора, далеко превосходящую их численное значение.

Примером может служить матросское восстание, происшедшее в рождественские дни 1918 г.; оно вспыхнуло через три дня после закрытия с'езда советов рабочих и солдатских депутатов и привело к кровавой уличной борьбе между правительственными войсками с одной стороны, и матросами и спартаковцами — с другой.

Принимая во внимание роковые последствия этого столкновения для дальнейших судеб республики, будет уместно несколько подробнее остановиться на причинах движения и на ходе событий.

Отношения между правительством и расквартированной в Берлине т. н. «морской народной дивизией» с каждым днем все больше обострялись. Причины взаимного недовольстви в значительной степени были неполитического характера. Свыше 1000 матросов были расквартированы в помещении бывших императорских конюшен, против старого королевского замка, и некоторые из них несли службу, в качестве часовых, в самом замке, в парадных залах которого хранились всякого рода предметы искусства, имевшие большую ценность. Вскоре обнаружилась пропажа довольно значительного числа этих вещей, потому ли, что среди самих матросов нашлись лица, которые не могли устоять против соблазна, или же благодаря тому, что многочисленные посетители, которые постоянно входили и выходили из отведенных для матросов помещений, пользовались случаем для самоуправных реквизиций. Украденное добро массами увозилось на лодках, которые стояли на канале, примыкающем к дворцу. Когда случаи таких краж стали учащаться, мини-

стерство финансов стало все энергичнее настаивать на принятии каких-либо мер для охраны общественного достояния. Представители матросов со своей стороны всячески шли навстречу этому желанию властей, но все меры оказывались недостаточными, и хищения не прекращались. 12-го декабря 1918 г. министр финансов Гуго Симон, член партии независимых, представил в прусский совет министров меморандум, в котором требовал немедленного принятия решения о быстром и окончательном удалении матросской дивизии из замка и конюшен. Удаление это, сказано было в меморандуме, должно совершиться неожиданно для матросов и сразу, чтобы у похитителей не осталось времени захватить с собой похищенные предметы, которые наверное еще запрятаны в матросских помещениях. (Собрание материалов на основании расследования январских беспорядков прусским учредительным собранием. Акт № 11). Правительство, в согласии с этими меморандумом, приняло решение, в ближайшее же дни выселить морскую дивизию из дворца. Так как дивизия эта в вопросах расквартирования и местных передвижений была подчинена городскому коммендантскому управлению, во главе которого стоял социалист большинства Отто Вельс, то на последнего выпала задача вступить с матросами в переговоры относительно подробностей предстоящего выселения из дворца.

Однако, среди матросов царили совершенно иные взгляды и желания. Морская народная дивизия как раз в это время возбудила перед правительством ходатайство об усилении ея численности, об из'ятии ее из состава флота и присоединении, в качестве постоянной части, к республиканской гвардии в Берлине, которая формировалась тогда под общим руководством Вельса.

Когда же матросы узнали, что численность их дивизии предполагается уменьшить до 600 человек, и что они должны совершенно очистить дворец, то это вызвало в значительной их части сильное недовольство, которое всячески раздувалось радикальными элементами. Тем не менее, Вельс, получив от народного уполномоченного Эберта, заведывающего в правительстве военными делами, поручение вступить в переговоры с морской дивизией, добился от нее обещания подчиниться постановлению правительства. И действительно, в течение ближайших двух дней было уволено в общей сложности до 90 человек. Однако, вскоре стали сказываться иные влияния. Заявления об отставке перестали поступать, и матросы продолжали оставаться во дворце. Как позднее выяснилось, среди них распространился взгляд, будто окончательное решение вопроса об их пребывании во дворце подлежит компетенции не Народных Уполномоченных, а Берлинского Исполнительного Комитета советов рабочих и солдатских депутатов, состав которого за это время значительно полевел. Этим об'ясняется выступление матросской депутации на с'езде советов рабочих и солдатских депутатов (см. предыдущую главу), как и вообще популярность среди матросов спартаковских лозунгов. Между тем, наступил срок выплаты жалованья морской дивизии, и правительство 21-го декабря поручило Вельсу уплатить матросам 80.000 марок, однако только после того, как они покинут дворец и передадут ему, Вельсу, все ключи от здания. Вместо дворцовых помещений им было предоставлено помещение конюшен, расположенных против дворца с восточной стороны; одновременно, однако, им было об'явлено, что в согласии с договором, заключенным 13-го декабря между комендантским управлением и морской народной дивизией, с

1-го января 1919 будет выплачиваться жалованье только на 600 человек[1]). Вельс известил об этом вождей матросов, и его ад'ютант, лейтенант Антон Фишер пригласил их для боле подробных об'яснений явиться в комендантское управление в воскресенье 22-го декабря в 11 часов утра. Однако, они не явились, и вместо этого решили, игнорируя Вельса, еще раз попытаться воздействовать на Совет Народных Уполномоченных.

Они сделали это в понедельник 23-го декабря. Член Исполнительного комитета Торст и два члена матросской комиссии явились в канцелярию совета министров и, когда им был пред'явлен протокол переговоров между Вельсом и представителями матросов об очищении дворца и сокращении численности дивизии, заявили, что этот документ не составлен совместно обеими сторонами, а представляет собой одностороннее и частью несоответствующее действительности изложение переговоров;

---

[1]) Распоряжение правительства относительно уплаты жалованья матросам гласило дословно:

Берлин, 21-го декабря 1918 г.

«Совет Народных Уполномоченных поручает городскому комендантскому управлению выплатить народной дивизии 80.000 марок (восемьдесят тысяч марок), однако лишь после очищения дворца и передачи всех ключей от здания городскому комендантскому управлению. С 1-го января 1919 г. платежи будут производиться в расчете только на 600 человек, сообразно с соглашением, состоявшимся между городским комендантским управлением и председателем Центрального Совета («комиссии 53») флота от 13-го сего месяца.

Эберт, Гаазе, Ландсберг, Барт, Диттман, Шейдеманн».

Обращаем внимание на подчеркнутую нами фразу этого распоряжения, подписанного всеми народными уполномоченными. Только если принять ее во внимание, возможно составить себе правильное суждение о столкновении, возникшем в результате точного ее исполнения.

однако, по существу они не смогли выдвинуть серьезных возражений, и повидимому, после того как Эберт обсудил с ними в совершенно спокойном тоне все спорные вопросы, удовлетворились обещанием, что те матросы, которые получили отставку, по возможности будут устроены в республиканской полицейской страже.

Однако прежде, чем начались эти переговоры, последовало вмешательство военных властей. Военный министр Шейх поручил генерал-лейтенанту Леки (Lequis), командовавшему конно-гвардейской стрелковой дивизией, выполнение возложенной на него Эбертом задачи, и Леки к утру 24-го декабря привел в боевую готовность большую часть войск, расположенных в Берлине и его окрестностях. На рассвете этого дня, — пишет одна буржуазная газета, —

> «Унтер-ден-Линден» походила на громадный военный лагерь. Со всех сторон надвигались воинские части, во главе со своими советами, частью пешим ходом, частью на грузовиках. Солдаты были снаряжены как в аттаку, т. е. в стальных касках, с ранцами и примкнутыми штыками. Потсдамская дивизия наступала сомкнутыми рядами со всей своей артиллерией; ее солдаты были вооружены ручными гранатами. Штаб правительственных войск разместился в старом императорском дворце (Вильгельма I-го) и во «Дворце Принцесс». Здесь собрались на совещание командиры отдельных частей, и было постановлено сделать последнюю попытку к соглашению».

В чем же состояла эта попытка? Послушаем, что рассказывает дальше та же газета:

> «В Конюшни была послана делегация из 5 человек. В 7 ч. 50 м. утра делегаты с белым флагом явились туда и были приняты матросами, которые их отвели в свой совет. Командующие солдатским ополчением заявили коротко и ясно: Мы требуем полной сдачи матросов; их справедливые требования будут немедленно удовлетворены. В течение 10 минут все матросы, находящиеся во дворце и в конюшнях, должны, без

оружия, выстроиться на Дворцовой площади, между дворцом и конюшнями. Мы даем 10 минут на размышление. Если в течение этого срока не будет выкинут белый флаг, мы начнем артиллерийский обстрел дворца и конюшен».

Конечно, это ультимативное заявление было не «попыткой к соглашению», а лишь крайне резким требованием беспрекословной сдачи. И так как оно к тому же было сделано в обычном «лейтенантском» тоне безусым молодым лейтенантом, оно способно было вызвать в матросах только новое крайнее раздражение. Военным же властям, как видно, очень хотелось как можно скорее открыть пальбу. В 7 ч. 50 м. делегация была у матросов, — заметив при этом, по словам другой газеты, что конюшни все уставлены пулеметами, — а ровно в 8 ч. уже был дан войскам сигнал к наступлению, ибо матросы из понятного упрямства не выкинули белого флага. Послушаем, что рассказывает дальше цитированная уже выше газета:

«В три четверти восьмого были оцеплены все проходы к Дворцовой площади и Конюшням. Так как матросы добровольно не очистили зданий, то в 8 часов был открыт сильный огонь. На Шинкелевой площади наступающими войсками были установлены два пулемета, на Вердерском рынке и на Оберваллштрассе целый ряд их. Матросы, со своей стороны, выставили 5 пулеметов и одно тяжелое орудие. Тогда командиры кавалерийской дивизии, полковники фон-Чиршкий и Бегендорф, распорядились выдвинуть вперед артиллерию; на Дворцовом мосту, перед дворцом и на Вердерском рынке было установлено по одному 10,5 см. орудию.

Первый снаряд, пущенный по дворцу, попал в простенок между окнами I-го этажа и проделал в нем пробоину в несколько метров; установленный в этом месте пулемет был разбит в дребезги. Следующие выстрелы попали в нижний этаж на высоте Белого зала. Большие ворота сильно повреждены, каменные украшения уничтожены. Сильно по-

страдал также исторический балкон дворца, с которого Император произнес речь в августе 1914 г.

Одновременно начался обстрел Конюшен со стороны Вердерского рынка. Матросы стреляли в наступавшие войска из окон, за которыми были спрятаны пулеметы. Обстрел усилился, благодаря участию кирасирскаго полка, который занял «Францёзише штрассе» и открыл пальбу из легких орудий. Сражение продолжалось до 10 часов, то усиливаясь, то ослабевая в своей интенсивности; затем наступило затишье. Из одного окна конюшен был выкинут белый флаг; сначала это было воспринято, как военная хитрость со стороны матросов, имеющая целью приманить войска поближе к конюшням. Но когда перед зданием конюшен появилась делегация матросов, стрельба была совершенно прекращена. Со стороны «Францёзише штрассе» на автомобиле под'ехал командир кавалерийской бригады полковник фон-Чиршкий, в сопровождении представителя правительства: на передке стоит солдат с белым флагом на штыке. Автомобиль останавливается перед конюшнями, и полковник фон-Чиршкий и его адьютант входят в здание. Через четверть часа они возвращаются под охраной белого флага, в сопровождении комиссии из матросов, делегированной для переговоров. Переговоры, повидимому, закончились капитуляцией матросской дивизии, так как вскоре после 10-ти часов матросы, отдельные и кучками, стали без оружия покидать здание конюшен. После этого ушла также и часть правительственных войск, и вскоре после 11 часов все войска были уведены».

Дело в том, что за это время состоялось заседание Совета Народных Уполномоченных, на котором было постановлено предложить военным властям прекратить стрельбу. Эмиль Барт в своей цитированной уже книге, проникнутой стремлением взвалить всю вину за кровопролитие на Народных Уполномоченных из «большинства», следующим образом излагает ход событий:

«Эберт протелефонировал военному министру, и когда последний подошел к телефону, между ними произошел следующий разговор:

Эберт: «Здравствуйте, Ваше Превосходительство. Говорит Эберт. Нам только что было сообщено, что кавалерийская стрелковая дивизия аттакует дворец и конюшни. Так как мы ничего обо всем этом не знаем, то я настоятельно прошу Вас от имени всего кабинета немедленно распорядиться о прекращении дальнейшего кровопролития» . . .

«Да, это единогласное постановление всего кабинета, и мы просим, чтобы военные действия были немедленно приостановлены, и чтобы было приступлено к переговорам» . . .

— «Благодарю Вас».

В это время в Совет Народных Уполномоченных пришел Тост, член «комиссии 53», и попросил выдать ему удостоверение или полномочие на посредничество между обоими сторонами. Ландсберг сначала возражал против этого, но затем это полномочие было дано. Затем явились Коген и Рихард Мюллер и тоже попросили дать им полномочие на ведение переговоров, первый, в качестве председателя Центрального Совета, второй, как председатель Берлинскаго Исполнительнаго Комитета. Их просьба была исполнена. Затем явились члены «комиссии 53», представители Ядскаго, Эльбскаго и Кильскаго округов, с целью осведомиться, как все это произошло, и кто в этом виноват, чтобы быть в состоянии вызвать на помощь матросов из Вильгельмсгафена, Лерта, Гамбурга и Киля.

Эберт заявил им всем, точно так же, как и до этого нам, что для него самого все случившееся было полнейшей неожиданностью, и что он, поэтому, не может дать решительно никаких сведений; но он будет настаивать на немедленном расследовании происшедших событий

Заседание Совета Народных Уполномоченных продолжалось далее. Коген же, Тост и Мюллер, вместе с представителями матросов отправились в Университет, где состоялось совещание, на созыве которого еще ночью настаивал Ледебур. Со стороны военных властей в нем принял участие генерал фон-Гофманн, с которым, равно как и с другими военными, Ледебур, согласно его показаниям от 20-го мая 1919 года на суде, уже раньше

лично вел переговоры. Ледебур сообщил, что он и его товарищи встретили со стороны Гофманна «достойную признания» готовность идти навстречу, так что переговоры быстро привели к удовлетворительному результату.

«Было дано обещание удовлетворить справедливые требования матросов относительно выплаты им жалованья. Матросы заявили о своей готовности очистить дворец и конюшни, занятые морской дивизией, и генерал-лейтенант Гофманн заявил, в согласии с нашими предложениями, о своей готовности, — хотя морской дивизии самой и не пришло в голову выставить это требование, — увести обратно свои войска из Берлина».

Так как это совещание состоялось уже после того, как Эберт от имени правительства потребовал от военного министра прекращения стрельбы, — чего Ледебур не мог еще знать, — то не может и быть речи об особой «уступчивости» господина фон-Гофманна. А что касается уплаты жалованья, то он не имел на этот счет никаких инструкций, да не имел и права что-либо обещать матросам. Главное же, что его обещания и не были вовсе нужны, так как правительство давным давно уже дало на это свое согласие. Вообще, некоторые военные сыграли в эти дни весьма двусмысленную роль. Они постарались истолковать распоряжение о принятии нужных мер для очищения дворца и освобождения Вельса в самом «боевом» смысле. Когда же от них требовали ответа о причинах стрельбы, они заявляли, что действуют вопреки собственному желанию, лишь подчиняясь приказу правительства, которому они подвластны. Этим они в сильной мере содействовали обострению взаимного недоверия между обоими социалдемократическими группами.

С другой стороны, и спартаковцы позаботились о том, чтобы кровавые столкновения не прекратились сразу.

Цитированный выше отчет буржуазной газеты, совпадающий в основном, поскольку речь идет о фактическом ходе событий, с отчетами социалистических газет, продолжает свое изложение так:

«Однако, спокойствие длилось не долго; поводом к новым стычкам, которые не прекращались до вечера, послужило, повидимому, открытое выступление спартаковского союза. Группа Либкнехта не оставалась бездеятельной и раньше. Уже в четверть десятого в Люстгартене и во дворе дворца начались стычки между правительственными войсками и спартаковским союзом. Вблизи Биржи собралось около 300 спартаковцев, вооруженных револьверами, с плакатом: «Долой правительство! Вся власть пролетариату»; они прорвали постовую цепь у Биржи и устремились к дворцу. У Люстгартена им удалось отбить у III-го взвода Потсдамского уланского полка два пулемета. С громкими криками торжества они ворвались во дворец через четвертый портал, примыкающий к Люстгартену, и сделали попытку опрокинуть сторожевые посты во дворе замка. Однако, правительственные войска уже заметили происходившее. Отряд солдат вошел во дворец, со стороны комендатуры, а солдаты штурмовых рот, находившиеся во дворце, сбежали по лестницам вниз и бросились на встречу спартаковцам, которые уже приступили к грабежу. Один из командиров солдатского ополчения потребовал у ворвавшихся, чтобы они немедленно очистили дворец, угрожая в противном случае открыть огонь. Когда же грабители обнаружили намерение сопротивляться, то солдаты бросились на них в штыки. Грабители не выдержали и с громкими криками испуга пустились бежать по Дворцовой площади, откуда стоявшие там сторожевые посты погнали их далее».

Содержащееся в последних фразах отчета отожествление спартаковцев с грабителями вызвало, естественно, резкий протест в спартаковской прессе и примыкающих к ней газетах. Основанием для этого отожествления послужило, очевидно, то обстоятельство, что после того, как были прорваны сторожевые цепи, к спартаковцам присоединилась уличная толпа, в которой не-

сомненно находились и преступные элементы, всегда пытающиеся воспользоваться удобным поводом для грабежа. Однако, это происшествие было не единственным печальным последствием прорыва сторожевой цепи. Когда началась стрельба, то тогдашний президент берлинской полиции Эмиль Эйхгорн, принадлежавший, как уже упоминалось, к радикальному крылу независимых, распорядился, чтобы находящиеся в его распоряжении полицейские части, вооруженные револьверами, были посланы к месту боя с поручением воспрепятствовать распространению сражения на другие части города. Значительная часть полицейских стала на сторону матросов, и отдельные отряды оказали им вооруженную помощь, частью ударив в спину правительственным войскам, частью же втиснувшись в ряды последних и ослабив этим их боеспособность. В рядах правительственной партии это было понято так, что Эйхгорн организовал поддержку восставших, тем более, что распространилось известие (впоследствии опровергнутое Бартом, как совершенно несоответствующее действительности), будто Эйхгорн во дворе здания полицей-президиума раздавал оружие спартаковцам; так, против Эйхгорна возникло сильное раздражение, которое вскоре привело к еще более кровавым схваткам.

Непосредственный результат событий был для матросов благоприятен.

Среди правительственных войск, благодаря тому, что в их ряды влилась частная публика, началась деморализация; часть солдат была против продолжения боя; другие же, «обработанные» спартаковцами и сочувствующими им, дали себя увлечь на сторону мятежников, но и у них не было охоты продолжать бой. Вследствие всех этих обстоятельств, достигнутое, наконец, соглашение

получило такую неопределенную форму, что одни могли истолковывать его в смысле капитуляции матросов, а другие -- как капитуляцию правительства перед матросами. По существу же, матросы в силу этого соглашения не получили ничего такого, чего бы им неоднократно и раньше не было в недвусмысленной форме обещано правительством; зато в соглашении нет ни слова о расследовании причин восстания и наказании зачинщиков и подстрекателей.

Буквальный текст соглашения следующий:

1. «Морская народная дивизия обязуется немедленно покинуть дворцовые помещения, как только будет осуществлен договор от 18-го декабря».
2. «Матросы будут причислены к республиканскому солдатскому ополчению, подчиненному коммендантскому управлению. Вопрос о способах и формах этого причисления остается пока открытым и будет разрешен путем особого соглашения.
3. Матросы обязуются в будущем не принимать участия в противоправительственных выступлениях. Возникающие конфликты должны улаживаться путем соглашения компетентных органов. Дивизия, находящаяся под командой генерала Леки, немедленно выводится из Берлина. Берлинские войсковые части и матросская дивизия немедленно переводятся на мирное положение. Матросы и солдаты должны вернуться в свои казармы. Коммендант Вельс подлежит немедленному освобождению».

К этому времени большая часть матросов покинула уже здание конюшен, сначала поодиночку, а затем группами. Они потеряли девять человек убитыми и гораздо большее число тяжело ранеными. Сюда следует еще присоединить около 20 убитых и вдвое больше раненых спартаковцев и других сторонников матросов. Потери правительственных войск исчислялись в два убитых и два раненых.

Движение на улицах было восстановлено, и толпы народа устремились вверх по «Унтер-ден-Линден», к месту боя. Образовались импровизированные собрания, перед которыми произносились речи, главным образом ораторами радикально-оппозиционного направления. Говорил и Ледебур. Относительно его речи, произнесенной около 12 часов дня перед Университетом с ломовых дрог, сведения очень расходятся. По одной версии, он в своей речи призывал к спокойствию, по другой — натравливал на правительство. Истина, по всей вероятности, и в данном случае лежит посередине. Согласно собственному своему рассказу, Ледебур обратился с речью к толпе, собравшейся перед Университетом во время описанных выше переговоров, по просьбе офицеров стрелковой дивизии, с целью предотвратить новые столкновения. Что Ледебур приглашал толпу разойтись, подтверждается и другими источниками. Однако, это ему не помешало приправить свою речь резкими выпадами против министров из «большинства», и призывать матросов не разоружаться.

Ледебур и его единомышленники произнесли, независимо от этого, ряд очень резких речей против Эберта и его друзей — еще и на собраниях, состоявшихся вечером того же дня. А на собрании «революционных старост» Берлина все решительнее стало раздаваться требование, чтобы Независимые выступили из правительства. Они-де будут предателями революции, если останутся и впредь в одном правительстве с «убийцами».

В воздухе запахло грозой. На следующий день, в первый день Рождества, группа спартаковцев, радикально настроенных членов матросской дивизии и др., отделившись от демонстрации, проходившей мимо здания

газеты: «Форвертс», разогнали поставленную перед зданием стражу и захватили его.

Непосредственным поводом к этому насилию послужило, очевидно, то, что «Форвертс» в утреннем своем номере поместил статью, в которой резко осуждал поведение мятежных матросов и вину за все происшедшее возлагал на подпольных демагогов, призывавших к восстанию. В помещении «Форвертса» был организован временный редакционный штаб, который выпустил листовку, сообщавшую, что «бывшая газета «Форвертс», эта «лживая рептилия», заодно с буржуазной прессой стремившаяся к тому, чтобы отнять у пролетариата завоевания революции, отныне будет выходить под названием: «Красный Форвертс» и говорить народу «правду, которой последней так жаждет». Когда 26-го декабря вечером сотрудники газеты явились в редакцию, им было сообщено, что им там больше нечего делать, так как «Форвертс», похищенный два года тому назад у революционного пролетариата, ныне возвращен ему обратно. Когда главный редактор «Форвертса» Фридрих Штампфер попытался протестовать против этого насильственного захвата, то был арестован и отведен в конюшни.

Тем временем, между лидерами заинтересованных социалистических партий и правительством шли переговоры. Президент полиции Эйхгорн горячо вмешался в это дело и добился того, что типография «Форвертса» была очищена. Наконец, под влиянием лидеров независимцев, собрание «революционных старости и доверенных лиц» Берлина высказалось за то, чтобы «Форвертс» был возвращен старой редакции. Последняя же должна была обязаться поместить на заглавном листе первого выпущеннаго ею в свет номера следующую декларацию:

«Собрание революционных старост и доверенных лиц» Берлина, состоявшееся 26-го декабря 1918 г., понимает раздражение рабочих масс, приведшее 25-го декабря к занятию здания «Форвертса». Возмутительное беззаконие, учиненное два года тому назад над берлинскими рабочими, вызывает сейчас в революционных рабочих кругах тем большее раздражение, что «Форвертс» в последнее время самым бесстыдным образом занимался опорачиванием всех честных и решительных революционных групп, равно как и морской народной дивизии.

Поэтому, революционные старосты признают вполне заслуженным урок, полученный господами из «Форвертса». Однако, они считают выступление против «Форвертса» неподходящим поводом для вступления в решительный бой с явной и скрытой контр-революцией.

Собрание революционных старост рекомендуют, поэтому, освободить здание «Форвертса». Вместе с тем, собрание обязуется отдать все свои силы делу дальнейшего развития революции, и довести борьбу за социализм до конца. В эту борьбу, само собой разумеется, входит и борьба против правительства Эберта и его лакеев из «Форвертса».

Собрание революционных старост признает за берлинским рабочим классом право на газету «Форвертс». По мнению собрания, вопрос о судьбе «Форвертса» в эту революционную эпоху должен быть немедленно разрешен в соответственном смысле Исполнительным Комитетом берлинских рабочих.

Революционные старосты и доверенные лица
рабочих промышленных заведений Берлина.

Эта декларация была напечатана в утреннем выпуске «Форвертса» от 27-го декабря 1918 года; редакция газеты снабдила ее кратким примечанием, в котором она сообщает, что вынесла из знакомства с этой декларацией «убеждение», что занятие здания «Форвертса» не было совершено по инициативе «революционных старост» или руководящих кругов «Союза Спартак».

Вслед за этим в том же номере помещена статья: «Точка зрения редакции», в которой последняя в спо-

койном тоне, но по существу достаточно ясно и определенно излагает свою точку зрения.

«Мы были бы вправе на сильные выражения отвечать не менее сильными. Но мы хотим ограничиться лишь фактическими поправками...

Нас обвиняют в том, что мы бессовестным образом порочили честных революционеров. Мы считаем «честными революционерами» только тех, кто дорожит завоеваниям революции. Главным же завоеванием революции является право всего народа самому распоряжаться своей судьбой. Поэтому, все попытки лишить его этого права, воспрепятствовав выборам в учредительное собрание, — мы считаем контр-революционными и содействующими делу самой черной реакции. Попытки эти, также как и безумный план, — путем насильственного переворота на место нынешнего правительства поставить правительство Либкнехта-Розы Люксембург, которое пользовалось бы поддержкой только ничтожной горсти рабочих, — способны только создать опасность гражданской войны. Но тем, кто играет гражданской войной, мы не устанем повторять, что они врага народа, и будем настойчиво советовать нашим товарищам всеми силами защищать право народа на самоопределение, с какой бы стороны этому праву ни угрожала опасность. Если нам при этом случится употребить когда-либо и резкое словцо, то пусть те, к кому оно будет относиться, не будут слишком чувствительны; они ведь и сами, — как можно убедиться выше — не очень-то считаются с чувствительностью других. — «Форвертс» останется и впредь тем, чем был до того, а именно: центральным органом германской социал-демократической партии, не подчиненным никакому иному контролю, кроме контроля своих собственных партийных инстанций; его редакция остается старой, точно так же как и его направление. «Форвертс» надеется, что ему не придется больше в революционной и республиканской Германии еще особо защищать свое право на свободное выражение своих мнений».

Этой надежде не суждено было сбыться.

Автор этих строк еще и теперь считает некорректным тот способ, к которому в 1916 г. прибег Центральный

Комитет — тогда еще нерасколотой — социалдемократической партии, чтобы вырвать из рук господствовавшей в Берлине оппозиции газету «Форвертс». Тем не менее, надо признать, что газета, которая являлась ведь не только органам берлинской организации, но и Центральным органом всей партии, вряд ли могла бы, — при установившейся на практике неограниченной диктатуре Центральнаго Комитета над местной прессой — долго еще продолжать свое существование, оставаясь органом оппозиции, направленным против военной политики партии в целом. Сомнительно также, чтобы тогда вообще была на лицо возможность установить решение, способное удовлетворить обе стороны. К тому же, начиная с декабря 1918 г., когда остальные две фракции создали в Берлине собственные органы: (независимые — «Фрейхейт», а спартаковцы — «Роте Фане»), вопрос вообще сохранил лишь историческое значение. В особой заметке (все в том же номере «Форвертса») Фридрих Штампфер напомнил, что он 9-го ноября 1918 г. предложил некоторым видным независимым договориться относительно организации новой — совместной — редакции «Форвертса». «Однако независимые, — пишет он, — не согласились на это и предпочли основать собственную газету, что было, здраво разсуждая, в интересах обоих сторон». В том же номере «Форвертса» Народные Уполномоченные, принадлежащие к фракции социалистов большинства, опубликовали сообщение о событиях 23-го и 24-го декабря, излагающее события с их точки зрения.

Документ этот, произведший чрезвычайно сильное впечатление, в ярких выражениях давал краткий обзор описанных выше событий, приведших к кровопролитию, и убедительно доказывал два факта: во-первых, что правительство до того момента, когда ему, в ночь с 23-го

на 24-ое декабря было сообщено, что нельзя ручаться за жизнь Вельса, — делало со своей стороны, несмотря на неоднократную провокацию, все, что было в его силах, для того, чтобы избежать применения насилия и ликвидировать конфликт с матросами путем соглашения; во-вторых, что Дорренбах и его тайные помощники каждый раз, когда в принципе удавалось достигнуть соглашения, своим вмешательством вызывали новые конфликты. Сообщение далее подчеркивало, что те вожди народной морской дивизии, которые вели переговоры с правительством, действительно стремились к соглашению, доказав, уже после уличных боев, заново свою добрую волю тем, что дали обещание «не принимать участия в выступлениях, направленных против правительства». Но кто же сознательно препятствовал мирной совместной работе, кто умел «каждый договор превращать в клочек бумаги»? Не называя Карла Либкнехта по имени, упомянутый документ в следующих выражениях характеризует его деятельность:

> «Это те, — и против них мы поднимаем свой голос, — которые изо дня в день сочиняют всевозможные преступления, якобы совершаемые нашими товарищами, входящими в правительство. Которые не знают иных выражений, как: «кровавые псы», сами бродя по колена в крови! Которые на словах борются за революцию, а на деле стремятся только к разрушению, к анархии, к террору! Которым мало еще, что опустошена Россия, и ее народ голодает, а еще надо, чтобы образовалось вторая пустыня: Германия! Которые проповедуют всесветную революцию, а способны добиться лишь одного: гибели всего света!»

И сообщение приходит к следующему заключению:

> «Товарищи! Таков отчет о деятельности тех лиц, которых вы послали в правительство. Теперь слово за вами, ибо лишь силой вашего доверия мы являемся Народными Уполномоченными.

Вы должны дать нам в руки власть! Ибо не может быть правительства без власти! Без власти мы не можем выполнить возложенных вами на нас обязанностей, без власти мы являемся игрушкой в руках каждого, кто достаточно преступен, чтобы злоупотребить своими сотоварищами и их оружием во имя своего жалкого честолюбия.

Хотите вы, чтобы Германия стала социалистической республикой?

Хотите вы, чтобы ваши товарищи по партии по вашему поручению управляли государством?

Хотите вы, чтобы мы, как можно скорее, заключили мир и позаботились о подвозе продовольствия?

Если вы всего этого хотите, то помогите нам облечь правительство такой народной властью, чтобы оно могло оградить свое достоинство, свободу своих решений и свою деятельность от всяких посягательств и восстаний.

В день 24-го декабря мы понесли неисчислимые потери, как материальные, так и моральные, в смысле престижа нашего народа. Еще один такой день, и с нами перестанут считаться, как с государством, с которым можно вести переговоры и заключать мир!

Правительство, которое не может заставить повиноваться себе, – сказал товарищ Эберт представителям Морской Народной Дивизии, — не имеет права на существование!

Помогите же вашему правительству отстоять это право! пусть каждый из вас станет борцом за это право!»

Вообще говоря, в этом обращении не было ничего, чего в принципе не могли бы подписать и представители независимой партии. Однако, благодаря иной постановке вопроса, они пришли к решению, в силу которого организованный Дорренбахом и его друзьями матросский мятеж привел к прекращению — в самый критический момент революции! — сотрудничества обеих социалдемократических партий.

XI.

Выход независимых из Совета Народных Уполномоченных.

Народные уполномоченные из рядов независимых, естественным образом, иными глазами смотрели на события 23-го и 24-го декабря, чем их коллеги, принадлежащие к социалистам большинства. Эмиль Барт, как мы видели, по своим симпатиям был на стороне Дорренбаха. А Диттман и Гаазе, не пережив сообща с коллегами критических событий 23-го и 24-го декабря, знали о них лишь на основании доклада Барта, сильно окрашенного суб'ективными элементами, и не имели возможности проверить его правильность. Благодаря этому, они пришли к заключению, что поручение — освободить Вельса, данное военному министру в ночь на 24-ое декабря Эбертом по соглашению с Шейдеманом и Ландсбергом, было шагом, который не вызывался обстоятельствами дела.

Когда этот вопрос обсуждался на совместном заседании Совета Народных Уполномоченных и Центрального Совета 27-го декабря, то между обоими группами произошло довольно резкое столкновение. Барт произнес настоящую обвинительную речь против социалистов большинства, которых он обвинял, — как он пишет в своей книге, — в сознательной подготовке кровавого столкновения и систематическом обмане своих независимых коллег. Гаазе и Диттман были бы, по всей вероятности, менее склонны к столь резким суждениям, если бы они как раз в эти дни не вошли в решительный принципиальный конфликт с Эбертом и его единомышленниками по вопросу о политике Германии на востоке и о роспуске армии. Социалисты большинства хотели сохранить в Германии военную силу, достаточную для вооруженной

защиты, в случае необходимости, восточных провинций и Прибалтики с одной стороны, от поляков, с другой, от большевиков. Вместе с тем, они были склонны итти на всевозможные уступки высшему военному командованию в области проведения в жизнь постановлений с'езда советов относительно отмены чинов и знаков отличий. Независимые, напротив, самым резким образом отвергали даже всякую мысль о самой возможности каких-либо военных операций; особенно же отрицательно они относились к мысли о возможности подобных выступлений против Советской России, и настаивали на самом строгом выполнении всех постановлений с'езда в области военных дел. В конце заседания они сформулировали свою точку зрения в следующих 8 вопросах, которые они предложили на рассмотрение Центрального Совета:

1. «Одобряет ли Центральный Совет, что члены кабинета Эберт, Шейдеман и Ландсберг в ночь с 23-го на 24-ое декабря поручили военному министру, ничем не ограничив его полномочий, принять военные меры против Морской Народной Дивизии, расквартированной во дворце и в дворцовых конюшнях?

2. Одобряет ли Центральный Совет ультиматум с 10-ти минутным сроком, пред'явленный матросам утром 24-го декабря войсками, находившимися под командой генерала Леки, равно как и артиллерийский обстрел дворца и конюшен?

3. Высказывается ли Центральный Совет за немедленное и строгое выполнение всех принятых с'ездом рабочих и солдатских советов постановлений относительно отмены знаков служебных отличий и воспрещения офицерам находящихся на родине частей носить оружие вне службы?

4. Одобряет ли Центральный Совет, что высшее военное командование секретной телеграммой сообщило Восточной армии („Обер-Ост"), что оно не признает упомянутых постановлений рабочих и солдатских советов?

5. Одобряет ли Центральный Совет план Эберта, Шейдемана и Ландсберга — перенести местопребывание правительства из Берлина в Веймар или в другой город в средней Германии?
6. Одобряет ли Центральный Совет, что вместо полной демобилизации постоянной армии, происходит лишь сокращение последней до размеров мирного времени, причем удерживаются на службе и даже по мере надобности пополняются призывные года 1897 и 1898?
7. Разделяет ли Центральный Совет нашу точку зрения, что правительство Германской социалистической республики не может и не должно в военном отношении опираться на генералитет и на остатки старой постоянной армии, построенной на началах рабского послушания, и что его опорой может служить лишь построенная на демократических началах добровольческая народная милиция?
8. Стоит ли Центральный Совет за то, чтобы немедленно путем издания законодательных актов было приступлено к социализации достаточно созревших для этого отраслей промышленности?»

После трехчасового обсуждения Центральный Совет вручил Независимым Народным Уполномоченным свой ответ на их вопросы, и со своей стороны предложил им два вопроса. Ответ, данный Советом на вопросы независимых, был следующий:

1. «Народные Уполномоченные дали только лишь поручение принять нужные меры для освобождения товарища Вельса. Они и это сделали лишь после того, как вождь Морской Народной Дивизии сообщил данным трем Уполномоченным, что он не может более ручаться за жизнь Вельса. Этот их шаг Центральный Совет одобряет.
2. На второй вопрос Центральный Совет отвечает отрицательно.
3. Центральный Совет стоит на той точке зрения, что решения, принятые на с'езде, должны быть проведены в жизнь. Совету Народных Уполномоченных поручается в возможно краткий срок выработать проект постановлений о способах их выполнения.

4. На четвертый вопрос дается отрицательный ответ.

Что касается 5, 6 и 7 вопросов, — то Центральный Совет не может на них ответить, не обсудив их предварительно подробно совместно с Советом Народных Уполномоченных.

8. Центральный Совет желает в ближайший срок заслушать доклад „Комиссии по социализации“ о ходе ее работ. Совет полагает, что комиссия эта, во исполнение постановлений с'езда рабочих и солдатских советов, должна в возможно более краткий срок представить положительный план социализации достаточно зрелых предприятий (в особенности горного дела)».

Вопросы, поставленные Советом независимцам, гласили:

«Готовы ли Независимые Народные Уполномоченные охранять общественное спокойствие и безопасность, в особенности же частную и общественную собственность от насильственных посягательств?

Готовы ли они противодействовать насилию, с какой бы стороны оно ни исходило, всеми имеющимися в их распоряжении средствами, пустив в ход как свои личные силы, так и силы своих организаций?

После краткого перерыва совместное заседание снова открылось, и Гаазе — от имени своего, Барта и Диттмана — сделал следующее заявление:

«Мы выходим из правительства, и делаем это по следующим основаниям:

1. Кровопролитие 24-го декабря произошло по вине Народных Уполномоченных Эберта, Шейдемана и Ландсберга, которые выдали военному министру неограниченный мандат на применение военных насильственных мер. Для освобождения коменданта Вельса подобного рода меры были не только не необходимы, но и прямо нецелесообразны. Для жизни Вельса наибольшей опасностью был как раз артиллерийский обстрел того здания, в котором он находился. К тому же военное вмешательство последовало только через 7 часов после того, как военный министр отдал соответственное распоряжение, — следовательно, в

момент, когда уже нельзя было рассчитывать на спасение Вельса, если бы его жизни действительно угрожала серьезной опасность.

Втечение всех этих часов Народные Уполномоченные Эберт, Шейдеман и Ландсберг не предприняли ни одного шага, чтобы проконтролировать выполнение того поручения, которое они возложили на военного министра, и которое было равносильно подписи на чистом бланке.

Мы не можем взять на себя ответственность за то, что представителю старого режима дано было право по своему произволу распоряжаться жизнью сограждан. Путь переговоров, который в конце концов один только и привел к цели, нельзя было покидать ни в одной из стадий всего этого дела.

В противоположность этой нашей точке зрения Центральный Совет одобрил поведение Эберта, Шейдемана и Ландсберга в этом вопросе.

2. Насколько чревато опасностями было поручение, данное военному министру, видно уже из того, что Центральный Совет сам вынужден был, в ответе своем на второй вопрос, определенным образом выразить свое несогласие со способом выполнения этого поручения.

3. Ответ на третий вопрос нас тоже не удовлетворяет, так как он не содержит требования, чтобы принятые с'ездам рабочих и солдатских советов решения были выполнены немедленно и полностью, а только лишь предлагает ускорить выработку законопроекта о введении их в действие.

4. Тот или иной ответ на наши вопросы 5-ый, 6-ой и 7-ой, имеют решающее значение для направления внутренней и внешней политики в духе революции. Откладывая, несмотря на подробное предварительное обсуждение, решение этих основных вопросов, Центральный Совет, по нашему убеждению, тем самым создает опасность для завоеваний революции.

5. Ответ, данный Советом на вопрос о немедленной социализации достаточно зрелых для этого отраслей промышленности, — как этого требовал с'езд рабочих и солдатских Советов, — отнюдь не обеспечивает действительного осуществления желаний с'езда.

6. Так как мы выходим из состава правительства, то вопросы, поставленные Советом нам, как Народным Уполномоченным, отпадают».

Тщательно проверяя отдельные положения этой декларации, вряд ли можно признать этот столь серьезный шаг достаточно обоснованным. Так, в пункте первом оставляется совершенно без внимания, что Эберт и его товарищи находились в ту ночь в безвыходном положении, и что они не могли предполагать, что военный министр будет действовать так бессмысленно, как это в действительности сделал его подчиненный — генерал Леки. И на самом деле, когда, — как рассказывает сам Барт, — Диттман день спустя указал военному министру в частном разговоре, что смешно стрелять из пушек по дому, чтобы освободить находящегося там человека, то фон-Шейх ответил с большим раздражением, что он ни от кого такого бессмысленного приказа не получал и никому его не давал. Если бы ему был отдан такого рода приказ, то он бы категорически отказался его выполнить, в виду его бессмысленности и нецелесообразности. (Барт, стр. 118.). Что приказу этому было дано преступно-бессмысленное толкование, не подлежит никакому сомнению, и это было без всяких оговорок признано и Центральным Советом. 3-ий, 4-ый и 5-ый тезисы пытаются создать представление, будто затронутые в них вопросы не терпят ни малейшего отлагательства, а между тем это ни в коем случае не соответствует действительности. Выдвинутое же в 6-м пункте основание, почему поставленные Центральным Советом вопросы не подлежат ответу, нельзя рассматривать иначе, как попытку уклониться от ответа.

Более серьезные основания для своего выхода из правительства независимые привели в опубликованном

ими в газете «Фрейхейт» заявлении от 29-го декабря 1918 г. В нем указывается, что разногласия внутри правительства по самым важным вопросам внутренней и внешней политики все возрастали. Слепая доверчивость социалистов большинства по отношению к высшему командованию привела к тому, что предложения последнего по большей части принимались без всякой осмотрительности, что привело к восстановлению мощи старых военных властей. Проявляемая социалистами большинства нерешительность по отношению к требованиям высшего военного командования касательно обороны на Западе и удержания на службе при демобилизации двух призывных возрастов, и к фрондированию военщины по вопросу об отмене служебных отличий и воспрещении носить оружие вне службы, — все это имело своим результатом, что высшие военные власти «становились все смелее в своих выступлениях и возбуждали все офицерство против постановлений с'езда рабочих и солдатских советов, одобренных правительством, а, следовательно, и против самого правительства».

Далее заявление останавливается на событиях 24-го декабря и констатирует, что «Центральный Совет, в который независимые члены с'езда не послали своих представителей», в своем ответе на предложенные ему вопросы одобрил действия Эберта, Шейдемана и Ландсберга, хотя последние своим приказом военному министру взяли на себя вину за возмутительный обстрел дворца и конюшен, и, вообще за, все кровопролитие». В результате всего этого «наступил тот политический момент, когда независимые оказались — вынужденными выйти из правительства».

«Независимцы — говорится далее в заявлении, — были незадолго до этого поставлены перед вопросом о том, чтобы

взять на себя одних правительство. Независимые были бы в состоянии взять на себя эту задачу, но только в том случае, если бы они могли при этом опереться на Центральный Совет, который во всех основных политических вопросах разделял бы их воззрения. Ибо никакое правительство не могло бы существовать, если бы та высшая власть, от которой оно получает свои полномочия, и которая в любой момент может его отозвать, — в своих основных взглядах с ним расходилась. Дальнейшее развитие внутренних и внешних отношений несомненно еще умножит трудности, стоящие перед новым правительством».

«Если оно и впредь поддастся соблазну играть роль „сильного человека", в которой оно так неудачно дебютировало, то это приведет к внутренней войне, которая будет иметь необозримые последствия».

Во всем этом было много принципиально верного. Вопрос только в том, улучшалось ли описанное положение хоть в какой-либо степени от того, что независимые ушли из правительства. Наоборот: продолжая в нем оставаться, они могли воспрепятствовать многому из того, что они считали вредным. Ибо голоса в кабинете делились поровну (3 и 3), и было раз навсегда установлено, что при равенстве голосов предложение считается отклоненным. Во вступлении к своей декларации бывшие Народные Уполномоченные — независимцы сами признают, что несмотря на сильное расхождение в ряде основных вопросов, между ними и социалистами большинства все же установилась коллегиальная совместная работа. «Все члены кабинета, — говорится в этом вступлении — стремились выполнить возложенные на них функции, и во имя этой цели старались избегать личных трений». И им в самом деле «удалось в ходе работы устранить ожесточающий момент личных столкновений.» К этому можно было бы прибавить, что если между обоими социалистическими группами и были

серьезные разногласия по ряду вопросов, то между ними в то же время было и немалое совпадение взглядов в области положительных задач, стоявших перед республикой. Достойно внимания, что в этом пункте декларация независимых не выдвигает никаких, сколь-нибудь серьезных обвинений. И факт тот, что в течение этих 6-ти недель совместной деятельности была проделана огромная реформаторская работа краеугольного значения.

Истинная же причина, сделавшая для независимых Уполномоченных невозможным дальнейшее пребывание в правительстве, заключалась в другом. Она состояла в том, что они, — поскольку речь шла о коалиции, при которой всегда неизбежны взаимные уступки, — лишились поддержки своей собственной партии. Их партия была слишком слаба ф и з и ч е с к и, т. е. по числу своих сторонников в народе, чтобы одной взять на себя бразды правления, и слишком слаба м о р а л ь н о, чтобы идти на самоотречение, которое неизбежно для всякой партии, участвующей в коалиционном правительстве, в особенности в революционную эпоху. Независимым Народным Уполномоченным недоставало не только поддержки в Центральном Совете; да и Центральный Совет состоял из социалистов, которые отнюдь не были слепыми приверженцами представителей большинства. Было гораздо важнее, что они не имели должной поддержки в собственной своей партии, которая не проявила достаточного понимания действительного положения дел в стране и вытекающих отсюда политических задач. Наконец, — и это, быть может, и было решающим моментом, хотя Гаазе и его товарищи, вероятно, сами себе в этом не отдавали отчета, — столкновение с матросами, руководимыми Дорренбахом, было только прологом ко все яснее обозначавшемуся конфликту с Карлом Либкнехтом и его

все возрастающими в числе сторонниками. Можно было спорить относительно того, возможно ли было избежать первого из этих столкновений. Но что с Карлом Либкнехтом и его единомышленниками, действовавшими по большевистскому образцу и, вероятно, при прямой поддержке большевиков, раньше или позже, но неизбежно должно было произойти вооруженное столкновение, этого не мог от себя скрывать никто из внимательно следивших за их работой. Перспектива, при таком обороте дела, оказаться связанным с правительством, вынужденным применять неизбежные репрессии, — способна была внушить ужас не одним только независимым.

Но в то же время было ясно, что выход Гаазе и его друзей из правительства значительно усиливает эту опасность. Он ухудшал как внутреннее, так и внешнее положение молодой республики. Во вне — он лишал правительство того элемента, который, благодаря своему поведению во время войны, внушал загранице наибольшее доверие в смысле решительности разрыва с остатками кайзерского милитаризма. Внутри страны уход независимцев лишал правительство доверия тех радикально настроенных народных слоев, которые, при других условиях, были бы готовы противодействовать также всякому нападению слева. По-человечеству можно понять и, быть может, даже простить независимым тот удар, который они нанесли республике своим выходом из правительства. Но политически он означал бесславную и пагубную по своим последствиям капитуляцию перед спартаковцами.

* *
*

В последние дни декабря 1918 г. в Берлине собралась конференция Германского Союза «Спартак», на которой была принята политическая программа, построенная на

принципах большевистской доктрины, и «Союз» сконституировался в «Коммунистическую партию Германии» (K. P. D.). Конференция эта, на которой участвовало 114 делегатов, — из них 83 с решающим голосом, — постановила после горячих прений, 62 голосами против 23 не участвовать в предстоящих выборах в Учредительное Собрание, а использовать избирательную кампанию для усиленной агитации против выборов и парламентаризма вообще. К числу сторонников участия в выборах принадлежали Карл Либкнехт и Роза Люксембург. Однако, несмотря на все их настояния, они остались в незначительном меньшинстве, и нужно сказать, что противники участия в выборах, среди которых был и член рейхстага Отто Рюле, были логичнее их. Призывать рабочих принимать участие в выборах в учреждение, которое во всех смыслах отвергаешь, — являлось уж очень большим противоречием. Роза Люксембург уже была последовательнее, когда, обосновывая политическую теорию новой партии, призывала назад, к «Коммунистическому Манифесту». Ибо в «Манифесте» разрыв Маркса и Энгельса с бланкизмом совершился еще лишь наполовину.

XII.

Восстание коммунистов в Берлине в январе 1919 года.

А. Однородный кабинет социалистов большинства и его программа.

После выхода независимых из состава правительства Центральный Совет избрал в Народные Уполномоченные социалистов большинства Пауля Лёбе, Густава Носке и Рудольфа Висселя, — все трое бывшие рабочие.

Пауль Лёбе был раньше наборщиком, затем журналистом; в несоциалистических кругах, за исключением города Бреславля, где протекала его деятельность, он был мало известен, но зато в Бреславле он пользовался, — благодаря своей мягкой манере, соединяемой им с принципиальной непреклонностью во всех вопросах по существу, — большим уважением и среди несоциалистов. Он отказался принять предложенное ему назначение, мотивируя это тем, что участие в правительстве ему не по плечу, и что он принесет больше пользы у себя на родине. Его благоразумие, уравновешенность и личная обаятельность во многих отношениях могли бы служить противовесом основным чертам характера второго из вновь избранных Народных Уполномоченных, Густава Носке.

Этот последний был раньше рабочим по дереву, а затем гласным местного самоуправления, журналистом и депутатом Рейхстага; по своей общественной деятельности он был известен, как человек трезвых суждений, ненавидящий фразы, но склонный к милитарному образу мышления; это последнее обстоятельство еще задолго до войны вызывало против него со стороны радикального крыла социал-демократии резкие нападки, на которые он отвечал без особой мягкости. Будучи назначенным губернатором Киля, он проявил себя там хорошим организаторам и руководителем масс; некоторую грубоватость, присущую ему, как природному бранденбуржцу, он умел искупать в солдатском совете убедительностью своих аргументов в защиту отдаваемых им распоряжений. Но ему недоставало той степени самообладания, которая является необходимым качеством вождя в критических положениях.

Рудольф Виссель, начавший свою карьеру машиностроительным рабочим, стал затем руководителем про-

фессионального союза и его секретарем; уже в этой своей деятельности и впоследствии в качестве партийного работника он проявил духовную одаренность и способность быстро ориентироваться в поставленных ему задачах, — все таланты, которые ему очень пригодились, когда он сделался парламентарием и министром. Он является живым воплощением современного пролетария, стремящегося ввысь, к знанию, хотя и не совсем свободен от склонности к рефлексии и доктринерству.

Так как отказавшийся Лёбе никем не был замещен, то Совет Народных Уполномоченных стал функционировать в составе пяти членов. При последовавшем перераспределении портфелей в Совете, Эберту были поручены внутренние дела, Ландсбергу — финансы, Носке — армия и флот, Шейдеману — иностранные дела, а Висселю — социальная политика.

Центральный Совет об'явил о перемене состава правительства в воззвании к «рабочим, солдатам, гражданам и гражданкам», которое начиналось следующими словами:

> «В тяжкий час обращаемся мы к вам. Народные Уполномоченные, делегированные Независимой Социал-демократической Партией, покинули ряды правительства. И теперь продолжение и укрепление новой революции лежит исключительно на плечах старой социал-демократической партии».

Как бы ни относиться к политическим вопросам современности, — говорится далее в возвании, — сейчас дело может итти только об одном, — о создании работоспособного правительства, которое должно прежде всего дать немецкому народу мир и хлеб, обеспечить завоевания революции и сохранить единство Германии. Центральный Совет положит все свои силы на разрешение связанных с этим задач. Но необходимым условием для этого является:

«Безусловное сохранение общественного спокойствия и безопасности, прекращение насильственных захватов частной и общественной собственности, возобновление планомерного производства, ныне подвергающегося тягчайшей опасности из-за прекращения добычи угля».

Дело в том, что в Рурской области начались к тому времени забастовки, в устройстве которых были замешаны агенты большевиков, подготовлявшие забастовки и восстания также в Саксонско-Тюрингенском районе бурого угля и в других частях Германии. Как впоследствии было установлено, русское большевистское правительство затратило миллионы на то, чтобы вызвать в Германии ту внутреннюю разруху, которая была необходима для того, чтобы об'явить в ней советскую республику по русскому образцу.

Особое воззвание Центрального Совета к солдатам было выдержано в тех же тонах, что и воззвание к населению. Приведем из него следующий отрывок:

«Солдаты, вы должны нам помочь! Мы признаем лишь добровольное подчинение свободных людей. Пусть уходят те, которые не могут служить нашему делу по убеждению. Но кто остается солдатом, тот должен знать, что новое германское правительство является высшим учреждением в Германской Республике, и что все, носящие оружие, обязаны верой и правдой служить ему, как Верховной власти. Правительство стремится лишь к свободе и благу народа. Вы должны ему помочь их охранить. Если вы твердо решите охранять свободный строй Республики от нападений со любой стороны, то никто не решится на него посягнуть. Посему, будьте верны великому делу Германской Республики!... Если мы не обеспечим порядка, мы умрем с голоду! Спасите добровольно возложенной на себя дисциплиной завоевания революции и наш народ от грозящей им гибели».

Тем же духом дышит и сообщение, которым новое правительство извещало Германский народ о своем переформировании. Оно гласит:

«Парализовавший деятельность правительства раскол преодолен. Вновь образованное имперское правительство едино. В своей деятельности оно будет подчиняться лишь одному закону: Превыше всего, превыше всем партий, существование, преуспеяние и неделимость Германской Республики!

Два члена социал-демократической партии, Носке и Виссель, по единогласному постановлению Центрального Совета заступили места трех ушедших независимых. Все члены кабинета равноправны. Председателями являются Эберт и Шейдеман.

А теперь за работу! В области внутренней политики нужно: подготовить Национальное Собрание и обеспечить его спокойную работу; серьезно заняться обеспечением продовольствия; приступить к социализации в духе решений С'езда советов; самым энергичным образом обложить военные прибыли; обеспечить рабочих работой; поддержать безработных; развить дело помощи осиротелым от войны; всяческими средствами способствовать созданию народного ополчения и обезоружить неимеющих право носить оружие. В области внешней политики необходимо добиться как можно более скорого и как можно более благоприятного мира, и заместить представительство Германской Республики заграницей новыми людьми, исполненными нового духа».

Такова была, в общих чертах, программа Народных Уполномоченных до созыва Национального Собрания. В какой форме она конкретно была осуществлена в различных областях управления, это будет изложено в связи с обзором результатов революции за период Народных Уполномоченных. В данной главе мы ограничимся описанием хода борьбы в Берлине до кануна выборов в Национальное Собрание.

Выход трех членов независимой партии из Совета Народных Уполномоченных повлек за собой непосредственно и выход в отставку всех — за исключением трех — членов этой партии, занимавших должности статс-секретарей, помощников статс-секретарей и прикомандированных к различным учреждениям. Исклю-

чение составили Эд. Бернштейн — имперское казначейство, Карл Каутский — министерство иностранных дел, и Эммануель Вурм — министерство продовольствия. Эти три лица также предоставили свои посты в распоряжение нового правительства, но последнее попросило их еще несколько недель исполнять свои обязанности, и они согласились: Каутский — из-за своей работы в архивах[1]), Вурм — из-за того, что ему сразу нельзя было найти заместителя. Эдуард Бернштейн оставался в должности до конца февраля 1919 года. Желая подать личный пример необходимого, по его мнению, воссоединения обоих социал-демократических партий, он не задолго до этого записался в партию социалистов большинства, не выходя из партии независимых. Когда партия независимых запретила ему одновременную принадлежность к обоим партиям, он решил примкнуть к партии социалистов большинства, ибо программа последней в области внутренней политики казалась ему единственно правильной для нашей молодой республики.

В первых числах января подали в отставку и принадлежавшие к независимой социалдемократии члены прусского правительства: граф Арко, Р. Брейтшейд, Ад. Гофер, Адольф Гофман, Пауль Гофман, Курт Розенфельд, Гуго Симон, Генрих Штребель. Они мотивировали это тем, что сейчас же после выхода Гаазе и его товарищей из состава Имперского правительства заявили о своей с ними солидарности, и что состоявшееся вслед за этим собеседование с Центральным Советом убедило их в невозможности совместно с ним работать. На брошенное ими при этом Центральному Совету обвинение, что он занял «контр-

---

[1]) О виновниках мировой войны. Перев.

революционную позицию» и препятствует решению важнейших задач революции, «Дейтше Альгемейне Цейтунг» (оффициоз правительства) в оффициозной заметке ответило, что это обвинение противоречит фактам.

Еще накануне своего выхода в отставку независимые Адольф Гофман, Курт Розенфельд и Генрих Штребель вместе со своими коллегами из большинства: Отто Брауном, Паулем Гиршем и Евгением Эрнстом подписали следующее распряжение, касающееся чрезмерных требований рабочих об увеличении заработной платы:

> «Требования увеличения заработной палаты приняли в последнее время среди рабочих такой характер и размеры, что возбуждают самые тяжелые опасения и должны будут привести к застою в широких областях производства. Достойным сожаления, но неизбежным последствием этого явится лишь безработица, голод и нищета. В этом отнощении государственные предприятия подчиняются тем же хозяйственным законам, что и частные. Ни рудники, ни железные дороги, ни другие государственные предприятия не смогут долго переносить того, чтобы их расходы превышали их доходы. Между тем, такое положение уже создалось в настоящее время и притом в угрожающих размерах. В виду этого настоятельной обязанностью для правительства является — твердо противодействовать чрезмерному росту издержек на заработную плату. Мы предлагаем, поэтому, отдельным министрам при рассмотрении поступающих к ним требований об увеличении заработной платы хотя и принимать, конечно, во внимание нужды рабочих, но также и тщательным образом взвешивать, не возложит ли требуемое увеличение на данные предприятия таких тягот, которых они не смогут нести, не угрожая этим всему финансовому положению государства. В этом случае требования должно быть отклоняемы.
>
> Берлин, 2-го января 1919 года.
>
> Прусское правительство:
>
> Гирш, Штребель, Браун, Эрнст, Адольф Гофман, Розенфельд».

Но с выходом независимых из состава правительства изменилась их позиция и в этом вопросе. И эта новая позиция, вместо того, чтобы содействовать укреплению внутренней устойчивости республики, могла способствовать лишь подрыву влияния правительства. И именно это обстоятельство делало уход Гаазе и его товарищей столь роковым для молодой республики. Из сотрудников по ее строительству независимые вскоре — и на долгое время — обратились в пособников тех, кто стремился к совершенно противоположным целям. Правда, в первое время после своего ухода из правительства наиболее благоразумные из вождей независимых пытались занять промежуточную позицию, действуя в качестве посредников при столкновении, начавшемся всего через несколько дней после смены правительства и обратившемся в один из наиболее кровавых эпизодов германской революции. То было восстание комунистов на второй неделе января месяца 1919 года.

Б. Инцидент с Эйхгорном и начало восстания.

Единственным членом независимой партии, не последовавшем примеру Гаазе и его товарищей, был Эмиль Эйхгорн, который получил в ноябрьские дни предложение, подтвержденное затем Исполнительным Комитетом, принять на себя руководство берлинским полицей-президиумом. Хотя Эйхгорн по природе своей отнюдь не насильник, и у него совсем не вызывающая манера, тем не менее он неоднократно вступал в конфликт с центральным правительством, и в рядах социалистов большинства к нему относились в высшей степени недоверчиво, считая его сообщником крайнего крыла берлинской оппозиции, стремящагося к насильственному провозглашению революционной диктатуры пролетариата.

Было известно, что он с лета 1918 года заведывал отделом русского телеграфного агентства — «Роста», которое доставляло информацию большевикам и содержалось на их средства. Знали также, что подчиненная ему «полиция безопасности» в известной части руководилась представителями так называемых «революционных старост», и ему вменяли в вину, что эта полиция безопасности во время матросского восстания на Рождестве 1918 года, благоволя к матросам, проявила недопустимую пассивность. Некоторые утверждали также, что Эйхгорн утром 24-го декабря 1918 года вооружил 1.500 рабочих Машиностроительного завода Шварцкопфа для того, чтобы они могли поддержать матросов. Это последнее утверждение решительно оспаривается Эйхгорном в его выпущенной издательством «Фрейхейт», брошюре, озаглавленной: «Эйхгорн о январьских событиях». Но в тот момент этому верили, как и вообще в пылу борьбы люди склонны охотно верить всяким обвинениям, пред'являемым политическим противникам. Несомненно однако то, что с точки зрения правительства Эйхгорн являлся человеком чрезвычайно ненадежным. Его взгляды на задачи революции, как это показывает и его брошюра, коренным образом отличались от взглядов правительства. В то время, как правительство стремилось укрепить политические завоевания, вводя дальнейшее течение хозяйственно-социального развития в спокойное русло, — Эйхгорн принадлежал к тем, которые стремились поддержать брожение масс, чтобы осуществить диктатуру революционных рабочих, чего в Германии можно было добиться лишь путем крайнего обострения гражданской войны. Эйхгорн сам рассказывает, что он на собрании независимой партии 28-го декабря 1918 года определенно потребовал «союза налево», — т. е. союза с коммунистами, заявив, что еще

большой вопрос, соберется ли Национальное Собрание вообще (стр. 85). С другой стороны, было установлено, что он на собраниях высмеивал совершившийся политический переворот, как «революцию в мягких туфлях» (т. е. бесшумную. Перев.).

Однако, пост полицей-президента столицы является слишком важным, чтобы правительство в революционное время могло его оставить в руках лица, принадлежащего к партии, стремящейся к насильственному свержению этого правительства. Известно, какая судьба постигла в эпоху Великой Французской Революции гебертистов, когда они стали в резкую оппозицию к правительству Робеспьера. Газеты социалистов большинства заявляли, что дальнейшее пребывание Эйхгорна на его посту является недопустимым, и 2-го января 1919 года прусский министр внутренних дел Пауль Гирш пригласил его на следующий день в министерство на заседание, в котором приняли участие и два члена Центрального Совета. На этом заседании были обсуждены все вышеприведенные обвинения, а также были сделаны указания относительно ряда допущенных им неправильностей по службе. Разговор был довольно громкий, и Эйхгорн дал ясно понять, что он не считает себя подчиненным министру, а на вопрос члена Центрального Совета Геллера, как он относится к Национальному Собранию, он — опять таки по его собственному рассказу — заявил, что отказывается отвечать на такой вопрос, не чувствуя себя обязанным давать министерству отчет в своих политических взглядах. (Его брошюра, стр. 65.)

Но это, конечно, было тоже ответом, и притом таким, который действительно делал дальнейшее его пребывание в должности невозможным. Ибо пост полицей-президента столицы не является простым административным постом,

а имеет и огромное политическое значение, почему он, во всех больших государствах, и подчинен министерству внутренних дел. И если это последнее, после того, как переговоры вновь подтвердили глубокое противоречие во взглядах, решило, в согласии с Центральным Советом, что Эйхгорн не может оставаться на своем посту, то против такого решения принципиально ничего нельзя было возразить. Здесь речь шла совершенно не о наказании чиновника за политические убеждения, а о выходе из тупика, создавшегося в отношениях между руководителями двух важных учреждений; положение было тем более невыносимым, что покровительствуемая Эйхгорном фракция Либкнехта все более открыто проповедывала гражданскую войну. Другое дело, конечно, вопрос о политической целесообразности того способа, которым решение Гирша было приведено в исполнение.

По словам Эйхгорна, на заседании 3-го января министр Гирш на его, Эйхгорна, заявление, что он даст письменный ответ на пред'явленное ему обвинение, сказал ему, что если его ответ поступит до полудня 4-го января, то он будет еще принят во внимание. Между тем, он получил приказ о своей отставке еще до того, как успел отправить этот свой ответ. Но и в этом вопросе правительство поступило правильно, по крайней мере, с формальной стороны. Ибо из следующей главы брошюры Эйхгорна вытекает, что он получил приказ об отставке 4-го января, под-вечер, т. е. спустя несколько часов после истечения условленного срока. Поспешность министерства об'ясняется чрезвычайным обострением противоречий и крайним недоверием к Эйхгорну, но самый текст приказа мог быть, конечно, составлен иначе. Он гласил:

II б. 46 — Берлин, 4-го января 1919 г.
Министерство Внутренних дел — Унтер ден Линден 72—73.

Настоящим увольняем Вас с сегодняшнего дня с момента вручения Вам настоящего приказа, от должности комиссара, заведующего берлинским полицей-президиумом. Г. министр Эрнст из'явил готовность временно, сохраняя за собой все свои другие обязанности, принять на себя и руководство упомянутым президиумом, и еще сегодня вступит в исполнение своих обязанностей. Подпись: Гирш.

Так как легко было предвидеть, что отставка Эйхгорна вызовет крайнее возбуждение среди его сторонников, то следовало, конечно, хотя бы из чувства благоразумия избрать менее оскорбительную форму. Не делая никаких уступок по существу, министерство могло бы, предпослав несколько слов о невозможности продолжения создавшегося положения, и сославшись на постановление Центрального Совета, ставшего на ту же точку зрения, предотвратить возможность истолкования этой отставки, как акта грубого насилия. А ведь известно, как всякое мероприятие, носящее характер насилия, толкает и без того возбужденных людей к сопротивлению. Так и в данном случае, этот приказ об отставке непосредственно сыграл роль зажигательного шнура.

Несколько часов спустя после его получения, Эйхгорн отправился в находящееся на Шиклерштрассе берлинское бюро независимой партии, где в это время происходили заседания как Берлинского Комитета партии, так и созванного, повидимому, для обсуждения этого вопроса, собрания «революционных старост» Берлина; в обоих этих заседаниях он сделал сообщение о случившемся. По его словам, он тщательно воздерживался от всяких указаний на то, что следует теперь предпринять, предоставив решение этого вопроса исключительно партии и собранию старост. Но в такие моменты простое повествование о событиях, — особенно, если оно так суб'ективно окрашено, как рассказ Эйхгорна в его брошюре, — и

без ясно высказанного призыва достаточно побуждает к действиям. И «старосты» постановили единогласно, а берлинский Комитет партии всеми голосами против нескольких единичных, призвать идущих за ними рабочих Берлина к демонстрациям протеста. Об этом постановлении было сообщено руководящим учреждениям коммунистической партии, и совместно с последними было выработано следующее воззвание, которое немедленно было отпечатано и распространено в виде прокламации, а в воскресенье, 5-го января, появилось во «Фрейхейт» и «Роте Фане»:

«Внимание! Рабочие! Товарищи!

Правительство Эберта-Шейдемана в своем анти-революционном усердии дошло до нового низкого нападения на революционных рабочих Берлина: оно попыталось предательским образом устранить полицей-президента Эйхгорна с его поста, стремясь на его место поставить свое покорное орудие, нынешнего прусского министра полиции Эрнста.

Правительство Эберта-Шейдемана хочет этим не только устранить из правительства последнего представителя революционных рабочих Берлина, но и прежде всего установить в Берлине систему террора против революционных рабочих.

Рабочие! Товарищи! Тут не в Эйхгорне дело, а в том, чтобы решительным ударом отнять у вас остатки завоеваний революции.

Правительство Эберта и его пособники в прусском министерстве хотят при помощи штыков укрепить свою власть и снискать себе благоволение капиталистов, замаскированными защитниками интересов которых они были с самого начала.

Удар, обрушившийся на берлинский полицей-президиум, направлен против всего германского пролетариата, против всей германской революции.

Рабочие! Товарищи! Этого вы не можете, этого вы не должны потерпеть. Выходите на улицу массами на внушительные демонстрации. Покажите нынешним властителям всю свою мощь; докажите, что в вас не угас еще революционный дух ноябрьских дней.

Соберитесь сегодня, в воскресенье, в 2 часа дня на грандиозную массовую демонстрацию на Аллее Победы.

Явитесь массами. Дело идет о вашей свободе, о вашем будущем; дело идет о судьбе революции. Долой насильников Эберта, Шейдемана, Гирша и Эрнста. — Да здравствует международный революционный социализм.

Берлин, 5-го января 1919 года.

Революционные старосты и доверенные промышленных заведений Берлина.

Центральный комитет берлинских избирательных союзов Независимой Социал-Демократической Партии.

Центральный Комитет Коммунистической Партии Германии. (Союз Спартак).»

Трудно было более удачно сконцентрировать все, что может увлечь душу рабочего, чем это сделано в этом воззвании. Рабочий инстинктивно восстает против всякого акта грубого насилия, а таким актом в данном воззвании была представлена отставка Эйхгорна. Поэтому, было нетрудно побудить широкие массы берлинских рабочих собраться на Алее Победы, тем более, что в «Роте Фане», «Фрейхейт» и «Републик» отставка Эйхгорна и связанные с ней события были изложены тенденциозно, а коммунисты, кроме того, вели среди солдат младших годов агитацию за требование немедленной демобилизации. Собравшиеся толпы разжигались Либкнехтом и другими ораторами при помощи речей, исполненных ненависти к социалистическому правительству, которому приписывались самые низменные мотивы; а с грузовых автомобилей большому числу лиц, преимущественно совсем молодых людей, было роздано и оружие. Вслед за этим сформировалась большая процессия, которая по главным улицам направилась к Александрплацу, к полицей-президиуму. По дороге толпа еще увеличилась, запрудив все огромное пространство вокруг здания полицей-президиума.

А внутри здания в это время находились новоназначенный президент полиции Евгений Эрнст и только что назначенный комендантом города Антон Фишер, пришедшие туда в сопровождении нескольких солдат, чтобы в дружеской беседе попытаться убедить Эйхгорна, своего старого партийного товарища, сдать свою должность добровольно. Но Эйхгорн отказался, мотивируя это тем, что он свой пост получил не из рук правительства, но от революционного берлинского пролетариата, представленного в берлинском Исполнительном Комитете. Он потребовал, чтобы ему в письменной форме сообщили причины его отставки и дали возможность защитить в Исполнительном Комитете и в Центральном Совете свою деятельность, как полицей-президента. Попытки Эрнста, добром склонить его к уступчивости, имели столь же мало успеха, как и заявление Фишера, что в случае необходимости они прибегнут к насилию. Полагаясь на преданные ему отряды полиции безопасности, Эйхгорн упорно стоял на своем, повторяя, что без выполнения поставленных им условий он не уйдет. А тем временем помещение, в котором происходили эти переговоры, наполнилось создатами и возбужденными демонстрантами, так что Эрнсту и Фишеру не оставалось ничего другого, как покинуть поле битвы. Вместо них вскоре прибыли, протискавшись сквозь толпу набившихся в помещение полицей-президиума матросов, Либкнехт, Ледебур, Деймиг, Дорренбах, Пик и другие лидеры радикального крыла, которые, подобно самому Эйхгорну, стали держать с балкона полицей-президиума речи к толпе. Они определенным образом осведомили толпу о случившемся и об условиях, поставленных Эйхгорном, прибавив, что если правительство не примет его условий, то Эйхгорн вопрос о своем дальнейшем пребывание в должности

поставит на разрешение Исполнительного Комитета и, в случае нужды, будет сопротивляться распоряжениям правительства с оружием в руках.

Само собою разумеется, что эти речи имели лишь то последствие, что и без того возбужденная толпа стала еще более страстно выкрикивать обвинения против правительства Эберта-Шейдемана. 20-го мая 1919 года на своем процессе по обвинению в организации восстания, Ледебур заявил, что отношение толпы к речам его и его друзей создало у него убеждение, «что массы рвутся в бой, и что их терпение истощилось» (Процесс Ледебура, стр. 53). Было устроено совещание о том, переходить-ли к активным действиям, и ряд участников этого совещания, длившегося несколько часов, настойчиво требовали этого. По этому поводу Ледебур пишет:

«Стремясь обосновать эту точку зрения, ряд заслуживающих доверия лиц ссылались на факты. Они утверждали, что не только рабочие, но и берлинский гарнизон сплошь на нашей стороне. Не только Морская Народная Дивизия, но все почти полки, — говорили нам, — готовы с оружием в руках поддержать берлинских рабочих и свергнуть правительство Эберта-Шейдемана. Хотя с другой стороны, некоторые указывали, что это черезчур оптимистическая оценка положения. Затем нам сообщили, что в Шпандау стоят наготове большие массы, готовые в случае нужды поспешить к нам на помощь с 2000 пулеметов и 20 орудиями. Аналогичные известия мы получили из Франкфурта на Одере. Все это привело к решению, за которое голосовал и я, — не допустить, чтобы правительство удалило Эйхгорна с его поста, тем более, что революционные рабочие никак не могли бы понять такой уступчивости с нашей стороны и потеряли бы всякое доверие к своим революционным организациям». (Стр. 52).

После того, как собравшиеся решили оказать сопротивление удалению Эйхгорна и сделать попытку низвергнуть правительство Эберта-Шейдемана, главные участники из полицей-президиума перебрались в принадлежащее

комендантуре здание дворцовых конюшен, в котором тем временем по-домашнему обосновались всевозможные оппозиционные к правительству элементы. Там, как передает Ледебур, «представителями революционных рабочих был образован Временный Революционный Комитет, состоящий из большого числа лиц. Комитету этому было вручено руководство революционным движением, и он же в случае нужды должен был временно взять на себя исправление правительственных и административных функций. Эти свои обязанности он должен был выполнять до того момента, пока временно же избранный рабочий и солдатский совет не назначит нового правительства».

Председателями этого 33-х членого комитета были на равных правах избраны Георг Ледебур, Карл Либкнехт и член Собрания «революционных старост» Пауль Шольце. Когда комендант города Антон Фишер ранним утром пришел в здание Конюшен, то узнал от стоящих на часах матросов, что́ за гости там собрались, да и то матросы не могли ему толком об'яснить, что собственно собравшиеся там люди собираются делать. Заключая соглашение от 24-го декабря, матросы обещали не принимать никакого участия в выступлениях, направленных против правительства, и большинство их, повидимому, твердо намеревалось сдержать свое слово. Но, за исключением Дорренбаха, который признался Фишеру, что между ним и Либкнехтом имеется тайный договор, и некоторых других, они явно не знали, как им относиться к Либкнехту и его товарищам. Но позже, когда им стало ясно, к чему, собственно, последние стремятся, большинство матросов высказалось против этих планов; тем не менее, они не решились защищать правительство с оружием в руках и заявили, что хотят остаться «ней-

тральными». Однако же 6-го января вечером они заставили непрошенных гостей очистить Конюшни, которые уже были к тому времени оставлены Либкнехтом и другими вожаками, как место не вполне подходящее.

Вплоть до этого момента Фишера держали под арестом. С ним обращались любезно, и лишь старались добиться от него письменной отмены изданного им за несколько дней до того приказа о сборе войск, а также сложения им с себя должности коменданта; он решительно отказался исполнить это в той форме, в какой от него этого требовали. В ответ на сделанное ему Либкнехтом заявление, что правительство на второй же день будет свергнуто, и что уже составлено новое, он пытался убедить Либкнехта отказаться от своих планов, указав ему, что большая часть рабочих не на его стороне. Но Либкнехт ему на это возразил: «Это ничего не значит. Наиболее активная и интеллигентная часть рабочих несомненно на моей стороне». А когда Фишер указал ему, что последствием всего этого может быть только кровопролитие, то Либкнехт ответил ему на это тем же, что он шесть недель тому назад сказал Эйснеру: «Здесь решают не чувство, а факты; а факты — за нас».

Страдая той же переоценкой своих сил, Революционный Комитет составил воззвание, которым он на следующий день собирался оповестить население о своем вступлении во власть. Это воззвание было 6-го января утром пред'явлено матросом, получившим приказание во главе 300 вооруженных товарищей занять военное министерство, управляющему министерством, помощнику статс-секретаря Гамбургеру. Оно было без подписи, и вручивший его матрос требовал добровольной передачи ему здания, грозя в противном случае взять его штурмом. Посовещавшись со своими коллегами, Гамбургер заявил

ему, что не может подчиниться приказу, на котором нет никакой подписи, и что он прежде всего требует пред'явления подписи. Матрос ушел и через некоторое время вернулся с подписями, при чем Карл Либкнехт подписался и за уехавшего домой Ледебура. Вот текст этого возззвания:

Солдаты! Рабочие!

Правительства Эберта-Шейдемана окончательно скомпрометировало себя. Оно смещено нижеподписавшимся Революционным Комитетом, являющимся представителем революционных социалистических рабочих и солдат (членов Независимой социал-демократической партии и Коммунистической партии).

Революционный Комитет временно взял на себя функции правительства.

Солдаты! Рабочие! Поддерживайте все меры Революционного Комитета.

Берлин, 6-го января 1919 года.

Революционный комитет:

Ледебур, Либкнехт, Шольце.

Таким образом, Либкнехт, Ледебур и их единомышленники, опираясь на фанатически-настроенную часть берлинских рабочих, осмелились об'явить низложенным правительство, полномочия которого только что были подтверждены делегатами подавляющего большинства рабочих всей Германии. Это была не революция, но попытка насильнического переворота, подавить который мерами насилия же было не только правом, но и обязанностью правительства, ибо переворот этот в случае своего успеха в Берлине привел бы всю Германию в состояние опустошительной анархии. Большинство германского народа никогда не подчинилось бы приказу Берлина, отданному при таких обстоятельствах. То, что Либкнехт

и его товарищи сами это не понимали, доказывает лишь их политическую близорукость.

Однако, подавить восстание было не так просто. В этот момент правительство располагало в Берлине столь малым количеством войск, что если бы заговорщики, — как их с полном правом можно назвать, — в ночь с 5-го на 6-го января попытались при помощи находящихся в их распоряжении вооруженных людей занять Имперскую канцелярию, то они не встретили бы сколько-нибудь серьезного сопротивления. В виду того, что Имперская канцелярия осаждалась демонстрантами, члены правительства предпочли еще 5-го января перебраться оттуда на частную квартиру одного из своих единомышленников. Там они узнали, что здание газеты «Форвертс», как и редакции других газет заняты вооруженными спартаковцами. «Мы все были в подавленном состоянии, — пишет Носке («От Киля до Каппа», стр. 67). Ужинать не пошли, так как опасались в ресторане неприятных сцен». И потому приняли приглашение знакомого купца Георга Склярца, которого Носке встретил на улице; весь этот вечер, а также большую часть ночи члены правительства провели на его квартире. Была составлена прокламация, призывающая верных правительству рабочих к защите республики. Она была отпечатана в частной типографии, и были приняты меры к тому, чтобы на следующее утро листки были розданы рабочим при входе на фабрики. Прокламация эта возымела свое действие. Со всех сторон рабочие утром 6-го января устремились на Вильгельмштрассе, к Имперской канцелярии, которая вскоре оказалась окруженной многотысячной толпой. Заговорщики же приглашали своих сторонников собраться на Аллее Победы, обратившись к ним со следующим воззванием:

«Рабочие! Солдаты! Товарищи!

В воскресенье вы выявили свою волю с такой подавляющей стремительностью, что разбили вдребезги последнее коварное покушение запятнанного кровью правительства Эберта.

Теперь дело идет о большем. Надо раз навсегда положить конец всяким контр-революционным козням.

Выходите из фабрик на улицы. Явитесь сплошными массами к 11 часам утра в Аллею Победы.

Надо укрепить и довести до конца революцию. Вперед на борьбу за социализм! Вперед на борьбу за власть революционного пролетариата!

Долой правительство Эберта-Шейдемана!

Берлин, 6-го января 1919 года.

Революционные старосты и доверенные крупных промышленных предприятий Берлина.

Центральный комитет берлинских избирательных союзов Независимой Социал-демократической Партии.

Центральный Комитет Коммунистической Партии Германии (Союз Спартак).

Как мы уже выше мимоходом указали, вечером 5-го января вооруженные отряды коммунистов — так теперь стали называть себя спартаковцы — во главе с особыми отрядами добровольцев, так наз. «красногвардейцами», заняли помещение газеты «Форвертс», а также и здания издательств Бюксенштейна, Моссе, Шерля и Ульштейна. Таким образом, в то время, как печать националистически-реакционных партий, по большей части, оказалась незатронутой, большие либеральные и демократические газеты Берлина, как «Моргенпост», «Тагеблятт», «Фольксцейтунг», «Фоссише Цейтунг», стоящие на республиканской платформе, не могли выходить; «Форвертс» же вновь был из органа социал-демократов большинства превращен в орган спартаковцев. 80 человек подчиненной Эйхгорну «полиции безопасности», охра-

нявшие здание «Форвертса», без всякого сопротивления дали себя обезоружить 300 спартаковцам, и последние расположились в нем по-домашнему. Редакционному персоналу был запрещен вход в здание или же выполнение ими своих обязанностей, а технический персонал заставили выпустить номер «Форвертса» как «органа революционных рабочих Берлина»; отпечатанное на первом месте воззвание, обосновывающее вторичный захват газеты, изобиловало аргументами, которые по грубости тона и заподазриванию правительства и редакции «Форвертса» во всевозможных вещах еще превосходили знаменитый «Красный номер» от 24-го декабря 1918 года. В конце этого воззвания упоминается о намерении правительства уволить Эйхгорна и говорится следующее:

> «Но вся эта гнусная банда, включая и трусящую за свою собственность буржуазию, основательно просчиталась.
>
> Вы, рабочие, бесчисленными массами демонстрировавшие в воскресенье против этого позорного деяния, своим дружным выступлением помешали осуществлению их заговора.
>
> Вы не захотели оставить свое дело незаконченным, и вы сомкнутым строем двинулись к «Форвертсу», отлично понимая, что этот «правительственный орган» будет призывать к новым заговорам, вновь изливая потоки лжи.
>
> Но теперь вы во второй раз завладели «Форвертсом». Удержите же его в своих руках, боритесь за него зубами и когтями! Не выпускайте его из рук, сделайте его тем, чем он должен быть: застрельщиком свободы».

Ледебур в своих показаниях перед берлинским судом присяжных, Эйхгорн в своей уже упомянутой брошюре, и другие руководители этого неудавшегося восстания утверждали, что занятие зданий газет произошло без всякого воздействия организаций, участвовавших в попытке переворота, и даже без их ведома. По словам Ледебура, «массы просто следовали своему инстинктив-

ному чувству» (Стр. 54). Но на деле такие вещи никогда не делаются «сами собой»; с другой же стороны, занятие зданий было делом рук не «масс», а вооруженных отрядов. Уже один тот факт, что отряды эти одновременно заняли различные газеты, указывает, что они, или, по крайней мере, их вожди, следовали вполне определенному лозунгу, который мог быть дан и без определенного постановления или даже без ведома организаций и комитетов. Дело в том, что в движении принимали деятельное участие и элементы, действовавшие наряду с открытыми организациями и комитетами, а то и за их спиной. Мы уже указали выше, что во всех этих выступлениях участвовали агенты большевиков. Не малый процент лиц, занявших здания газет и в частности «Форвертс», составляли русские, а напечатанное в «Форвертсе» воззвание, часть которого мы только что привели, свидетельствует о том, что автор его, — в высшей степени опытный литератор.

Вообще, пора было бы бросить рассказывать революционные сказки. Нет сомнения, что значительная часть берлинских рабочих к тому времени была в достаточной степени «обработана» пустословной агитацией и начинена сумасбродными представлениями о том, что такое революция, и чем она должна стать, и готовы были покорно пойти на любые акты насилия, если только полагали, что это необходимо для блага революции. Но самопроизвольные выступления масс носят совсем иной характер, чем данное занятие зданий газет, которое не могло ведь иметь никакой другой цели, кроме зажимания рта неприятным критикам. А с другой стороны, руководители восстания, входившие в состав Революционного Комитета, или по меньшей мере часть их, лишь из оппортунистических, а не принципиальных

соображений высказывались против подавления печати буржуазной демократии и социалистов большинства.

Переходя к дальнейшим событиям, надо прежде всего указать, что во всегерманском Центральном Комитете Независимых господствовал иной дух, чем в центральных учреждения их берлинской организации. Когда Центральный Комитет и часть находящихся в Берлине депутатов рейхстага собрались утром 6-го января 1919 г. на совещание, то большинство их было отнюдь не в восторге от того, что произошло ночью, и от воззвания «Революционного Комитета», и сейчас же стали обсуждать меры, необходимые для того, чтобы избежать кровопролития. Это было последним заседанием Комитета Независимой Партии, в котором принимал участие автор этих строк, и я должен заявить, что Эрнст Гейльман сильно ошибается, когда он в своем брошюре под заглавием: «Гвардия Носке», образно описывая возникновение добровольческих отрядов Носке, пишет: «Когда выяснилась неудача январьского переворота, те же независимые неожиданно выкинули лозунг об'единения».

Из всех появившихся с тех пор описаний этих дней ясно вытекает, — да это же, впрочем, устанавливает и сам Гейльман, — что утром 6-го января положение правительства было еще крайне критическим, так что оно на аттаки спартаковцев вынуждено было отвечать исключительно мерами пассивной обороны. В упомянутом заседании Центрального Комитета независимых автор этих строк заявил, что лучшее, что в данный момент можно сделать, это попытаться сыграть роль посредника, и для этой цели вступить в сношения с руководителями обеих борющихся сторон. Это заявление встретило общее сочувствие, и были избраны Рудольф Брейтшейд, В. Диттман, К. Каутский и Луиза Циц, — Гуго Гаазе был в

от'езде, — как наиболее подходящие лица для решения этой задачи, которой они и посвятили себя с большой настойчивостью и искусством, поддержанные присоединившимся к ним несколько позже Оскаром Коном. Не их вина, если их многодневные усилия не увенчались успехом.

Воззвание «Революционного Комитета», — призывавшее революционно-настроенных рабочих Берлина собраться утром 6-го января на Аллее Победы, имело тем больший успех, что единственные вышедшие в то утро газеты «Фрейхейт», «Роте Фане» и «Републик», отличаясь друг от друга в деталях, в один голос описывали события так, как будто правительство Эберта-Шейдемана действительно угрожало революции. Широкая Аллея Победы уже с раннего утра была от края до края во всю свою длину заполнена густой толпой народа, и даже в прилегающих Аллеях стояли массами люди, большинство которых были рабочие. Правда, среди пришедших было довольно много просто любопытных, но зато не малое число было и вооруженных, и со всех сторон развевалось большое количество красных знамен. В разных концах произносились импровизированные речи, исполненные ругани против правительства, заканчиваясь обычно крайне напоминающими военную муштру криками: «Гох! Гох! Гох! (Да здравствует) Либкнехт, Эйхгорн» и т. д. Или «Долой! Долой! Долой! Эберта-Шейдемана». Словом, пока все шло как по-писанному.

Недоставало только одного: конкретного указания Революционного Комитета, что же теперь собственно делать? Он созвал массы для того, чтобы, как это было сказано в воззвании, «укрепить и довести революцию до конца», но его члены никак не могли столковаться между собою, что именно должны сделать массы для

осуществления этой цели. Мысль — провозгласить всеобщую забастовку против правительства была уже потому неосуществима, что поддерживающий правительство Комитет социал-демократов большинства еще до того призвал рабочих к политической забастовке, и фабрики были пусты. Занять военное министерство сделалось невозможным без серьезного боя после того, как посланные с этой целью матросы в своем простодушии дали находящимся в здании министерства военным возможность принять все меры к его обороне. И к этому моменту стало уже невозможным без серьезной борьбы, исход которой был сомнителен, занять и Имперскую канцелярию. Вожаки стали спорить между собою, решиться ли на эти шаги, и в Комитете возникли прения, которые никак не могли привести к какому-либо определенному решению. А в это время массы все стояли и стояли в Аллее Победы.

Много времени спустя, «Роте Фане», резко издеваясь над Ледебуром, — который хвастал своей ролью в этом движении, — с обычными для этой газеты преувеличениями, но по существу довольно верно писало:

> «И тут произошло невероятное. Массы стояли с 9 часов утра на улице, на холоде и непастье. А вожди где-то заседали и совещались. Туман усиливался, массы продолжали стоять. А вожди все совещались. Наступил полдень, стало и холодно, и голодно. Вожди совещались. Массы дрожали от лихорадочного возбуждения: они жаждали дела, или же слова, которое бы их успокоило. Но никто не знал, что сказать. Ибо вожди совещались. Туман сгущался; стемнело. И массы с поникшей головой стали разбредаться по домам: они жаждали великих дел, и ничего не сделали. Ибо вожди совещались. Они сначала совещались в Конюшнях. Затем они перешли в полицей-президиум и продолжали свои совещания там. На пустом Александерплаце стояли пролетарии с оружием в руках, с легкими и тяжелыми пулеметами. А

внутри, в здании вожди совещались. В президиуме были установлены пушки; матросы стояли на каждом углу корридоров, и в передней кишели солдаты, матросы, пролетарии, а внутри в кабинете вожди — совещались. Они заседали весь вечер, заседали всю ночь напролет, и когда забрезжил новый день, они все еще заседали, кто с перерывами, кто бессменно, — и все совещались. И вновь толпы собрались на Аллее Победы, а вожди все заседали и совещались.

Нет! Эти массы не созрели еще для того, чтобы взять власть, ибо в противном случае они сами выдвинули бы из себя новых вождей, первым революционным делом которых было бы прекратить совещание вождей в полицей-президиуме».

Да, эти массы «не созрели еще, чтобы взять власть». Ведь, они в огромном большинстве даже не знали, зачем их сюда созвали, а тем из них, которые имели об этом смутное представление, было сказано, что в Шпандау и в других окрестных местах тысячи солдат ждут лишь призыва, чтобы к ним присоединиться. На самом же деле все это оказалось пустой болтовней. Эти солдаты не пришли; расквартированные в Конюшнях отряды Морской Дивизии под влиянием коменданта города Фишера решили не принимать участие в восстании, а сохранить «нейтралитет»; не вышли и находившиеся в берлинских казармах полки. Правда, их нельзя было считать на стороне правительства, но в большинстве своем они не хотели поддержать и восставших. С другой стороны, часть вооруженных спартаковцев была связана занятыми ими газетными типографиями, а остатка хоть и было достаточно, чтобы занять еще несколько зданий, но слишком мало для того, чтобы покорить Берлин с его массами враждебно настроенных по отношению к повстанцам рабочих. Так, помимо психологических условий, не было и необходимых материальных условий для того, чтобы обратить это восстание в революцию. Вместе с тем,

и в самом Революционном Комитете прошло опьянение первой ночи, и возникли разногласия относительно того, как далеко итти в своем нападении. Естественно, поэтому, что он не мог дать никакого лозунга победы томившимся на Аллее Победы массам. Так создалось то бесславное положение, в которое берлинская оппозиция поставила себя, увы! не в последний раз.

B. Положение правительства.

Густав Носке — командующий вооруженными силами.

Лишь немногим более отрадную картину, чем Революционный Комитет, являло и правительство 6-го января 1919 года, собравшись рано утром на свое заседание. Для своей защиты оно не могло рассчитывать ни на расквартированных в казармах солдат, ни на матросскую дивизию; находящееся в процессе организации республиканское солдатское ополчение также не могло быть твердой опорой, уже не говоря об отрядах полиции Эйхгорна, усиленно распропагандированной против правительства. Правда, рабочие, собравшиеся с фабрик для его защиты и образовавшие сплошную живую стену, тесно заполнившую все прилегающие к Имперской канцелярии улицы, являли собою зрелище возвышающее и воодушевляющее. Но они, конечно, были не в состоянии оказать длительное сопротивление вооруженным пушками революционным отрядам; а организация последних была вполне возможна. Для подавления восстания правительству необходимо было обратиться к находящимся вне Берлина полкам, а до их прибытия не трогать спартаковцев, которые тем временем заняли целый ряд важных зданий: управление железных дорог, провиантское управление, части имперской типографии,

казармы саперов и Силезский вокзал. Но уже в течение понедельника началась перестрелка между спартаковцами и теми сторонниками правительства, которые располагали оружием.

Независимо от воли правительства, создалось такое положение, что если только оно не хотело на неопределенное время уступить столицу способным на всяческие насилия спартаковцам, оно было вынуждено привлечь регулярные войска, а, стало быть, и прибегнуть к помощи их офицерства. Но войска нуждались в главнокомандующем, снабженным широкими полномочиями, и назначенный тем временем военным министром полковник Рейнгард — которого не надо смешивать с полковником Рейнгардом, сыгравшим столь гнусную роль при Каповском перевороте — предложил на этот пост генерал-лейтенанта фон-Гоффмана. Но против этого предложения был выдвинут весьма основательный довод, что рабочие с недоверием встретят назначение генерала; и тогда вспомнили о военных талантах и энергии, проявленных Густавом Носке в Киле и в близлежащих морских крепостях. Ему был поставлен вопрос, не согласится ли он принять такое назначение, и он, по его собственным словам, не задумываясь, ответил: «Я согласен. Ведь кому-нибудь да надо же взять на себя роль «кровопийцы»; я не боюсь ответственности». («От Киля до Каппа», стр. 68). К сожалению, положение было таково, что всякий, взявший на себя задачу военной защиты республики, неминуемо должен был расчитывать на этот эпитет со стороны тех, кто своей деятельностью привел к кровопролитию. Всеми было признано, что Носке, принимая это назначение, приносит себя в жертву, и тут же составленный приказ был охотно подписан Центральным Советом, члены которого, в сознании

серьезности положения, собрались в Имперской канцелярии.

Встреченный радостными приветствиями рабочих, социалистов большинства, составлявших живую стену вокруг Имперской канцелярии, Носке заявил им: «Будьте спокойны,я вам приведу Берлин в порядок» А затем он в сопровождении молодого капитана, одетого в штатское, отправился в находящееся вблизи Лертского вокзала здание Генерального Штаба, чтобы там вместе с офицерами генерального штаба обсудить меры, необходимые для охраны столицы и освобождения занятых спартаковцами учреждений и предприятий. При этом он несколько раз повстречался с толпами сторонников оппозиции, направлявшимися в Аллею Победы, и в их среде заметил много вооруженных; а проезжая через Аллею Победы, он встретил находившиеся в распоряжении спартаковцев грузовые автомобили с пулеметами. Все это убедило его, что для спасения Берлина необходимы гораздо более значительные силы, чем те немногие верные отряды, которыми в тот момент располагало военное командование. Этого же мнения держались и офицеры генерального штаба; они согласились с Носке, что, если начать борьбу сейчас, с находящимися в их распоряжении силами, то это приведет лишь к опасной растрате сил, и что поэтому к военным операциям надо приступить лишь тогда, когда будут стянуты войска в достаточном количестве для того, чтобы можно было рассчитывать на полный успех. В виду того, что здание Генерального Штаба, перед которым толпились массы демонстрантов, не могло считаться надежным в случае серьезного нападения с стороны последних (при умелом руководительстве восставшие легко могли захватить это здание в тот день), — главная квартира была перенесена в пред-

местье Далем, в Луизенштифт, и последний приспособили для военных целей. Уже на следующий день, — пишет Носке, — там закипела работа, как в муравейнике. Офицеры устраивались в отведенных им рабочих комнатах. Толпами приходили добровольцы, прося указать им их части. На грузовых автомобилях подвозилось оружие. Был привезен целый транспортный парк, установлена станция беспроволочного телеграфа. — «По истечении трех дней вся эта местность обратилась в военный лагерь» («От Киля до Каппа» стр. 72). Отряды различной численности были стянуты в близ лежащих деревнях.

Были ли эти приготовления действительно необходимы в таком об'еме, в этом теперь, после подавления восстания, можно сомневаться. Но судить о политической целесообразности подобного рода приготовлений нужно не по тому, что обнаружилось впоследствии, но исходя из того, как оценивалось положение в самый момент событий; а тогда с точки зрения правительства положение было достаточно скверным. Эйхгорн совершенно искажает события, когда в своей защитительной брошюре рассказывает, что еще 6-го утром массы, демонстрировавшие в честь его и его товарищей, были, «за совершенно единичными исключениями, невооружены»; по его словам, «это изменилось лишь тогда, когда правые социалисты с помощью правительства начали вооружаться» (стр. 72). На самом деле было как раз наоборот. Под влиянием того, что спартаковцы и их приспешники были широко снабжены оружием, собравшиеся перед Имперской канцелярией рабочие, социалисты-большинства, обратились к правительству с просьбой дать им оружие, что им и было обещано Шейдеманом. Около полудня он обратился к ним с речью, и когда из рядов рабочих

раздались крики: «Оружия, оружия! дайте нам оружия», он ответил: «Да, конечно, мы вас вооружим — и не одними только тросточками».

В таких вопросах надо быть искренним по отношению к самому себе. Конечно, революционный комитет выказал, по выражению Эйхгорна, неслыханный «революционный диллетантизм». Но и составители воззвания не могли не понимать, что народные массы, которые изо дня в день разжигали революционными фразами, а затем в пламенных выражениях призвали к низвержению правительства, во чтобы то ни стало раздобудут себе оружие. Да и само воззвание не могло быть понято иначе, как призыв к ожесточенной борьбе. Таким образом, если Носке принял меры, которые, по всему тому, что ему удалось видеть, казались ему наиболее целесообразными для того, чтобы в случае нужды подавить восстание силой, то это ни в коем случае не может быть поставлено ему в упрек; ответственность за это несут те, что так беззастенчиво играли с огнем восстания. Поэтому, если исходить из интересов минуты, то меры, принятые Носке, были вполне логичны.

Но эти меры имели последствия, значительность которых в тот момент нельзя было оценить, и которые для дальнейшего развития республики оказались глубоко гибельными.

Носке, указывая в своей книге, что его упрекали в том, что он передал руководство войсками кайзерским офицерам, защищается от этого обвинения указанием, что многие из унтер-офицеров, командовавших солдатами, требовали от него приглашения офицеров, так как они «лишь в опытных командирах видели гарантию от излишних потерь». Это вполне возможно, как вероятно и то, что офицеры, добровольно явившиеся в распоряжение

Носке, сделали это без политических задних мыслей, стремясь только исполнить свой долг перед отечеством. Но результат все-таки был тот, что привлечение офицеров сделалось первым актом пьесы, которая носит название: «Восстановление политического влияния военной касты в Германии». До этого момента высшее офицерство под давлением перенесенного великого поражения и колоссально развившегося вследствие этого поражения, а также и перенесенных военных тягот, анти-милитаристического настроения широких народных масс, были ограничены в своей деятельности чисто-техническими функциями, заключавшимися в упорядоченном роспуске возвращавшихся запасных частей и в подготовительных работах по ожидавшейся новой организации армии и т. п. Но теперь они стали играть роль спасителей общества, и начали говорить все более уверенным тоном. Правда, при этом они в течение некоторого времени находили известную опору в Носке, но тем не менее главная вина падает все-таки не на него, а на тех, кто систематически, затрачивая крупные суммы денег, стремился к тому, чтобы не дать германской республике спокойно развиться в демократическое государство: главная вина падает на русских большевиков и их агентов в Германии.

Трудно с точностью установить, в какой мере московское правительство играло в этом восстании руководящую роль. Но никем не оспаривается, что член этого правительства Карл Радек находился в те дни в Берлине. Правда, он утверждает, что с самого начала считал восстание ошибкой и крайне резко его критиковал. Но этим, конечно, не решается вопрос о том, не несет ли он все-таки за него часть интеллектуальной ответственности.

Г. Попытки посредничества и их неудача.

В то время, как Носке принимал необходимые меры для того, чтобы в случае нужды подавить восстание силой, в Берлине делались попытки прекратить его путем мирного посредничества.

В понедельник 6-го января днем в Имперскую канцелярию явились введенные Максом Когеном, председателем Центрального Совета, Брейтшейд, Диттман и Каутский; они были приняты членами правительства и шестью членами Центрального Совета, которым они и сообщили предложение Центрального Комитета Независимой Социал-демократической Партии:

«Приступить к переговорам для избежания военных действий и создать комиссию для улажения возникших спорных пунктов».

Присутствующие члены кабинета Эберт, Шейдеман, Ландсберг и Виссель, как и члены Центрального Совета, заявили о своей принципиальной готовности принять это посредничество. Такое же постановление вынес и берлинский комитет партии независимых социал-демократов, которому это предложение было доложено Оскаром Коном и Луизой Циц. В тот же вечер и «революционные старосты» на своем заседании, в котором участвовали независимые социалисты и союз Спартак, 63 голосами против 10 также постановили принять посредничество. Были избраны по 6 представителей от независимых и от Революционного Комитета, которые к 12 часам ночи вступили в переговоры — в помещении Имперской канцелярии — с пятью членами правительства и пятью посредниками. По инициативе Диттмана, председательствовавшего в этих переговорах, посредники предложили, для избежания дальнейшего кровопролития, прежде всего сговориться о прекращении военных действий, и выставили следующие

четыре условия, необходимые для принятия «перемирия»:

> 1. «Обе стороны прекращают военные действия; 2. обе стороны обязуются не привлекать дальнейших подкреплений; 3. обе стороны распускают уже собравшиеся отряды, и 4. обе стороны обязуются не подвозить более оружия и снаряжения».

Четыре члена правительства заявили, что они не могут пойти на эти условия, и после зрелого обсуждения внесли следующее заявление:

> «Мы по внутреннему убеждению применяем силу лишь тогда, когда надо дать отпор силе. Мы продолжаем стоять на этой точке зрения, и не прибегнем к оружию для нападения. Но на соглашение мы готовы найти лишь после того, как занятые 5-го и 6-го января здания будут очищены».

Неоднократно подчеркивалось, в том числе и В. Диттманом в его показании на процессе Ледебура, что члены правительства в переговорах ночью 6-го января заняли гораздо более непримиримую позицию, чем днем при первых попытках посредничества, и это изменение об'ясняли тем, что в этот промежуток времени правительством были получены из военных кругов данные, успокоившие их относительно их собственной безопасности и возбудившие против восставших. Шейдеман однако решительно отрицал это в следственной комиссии прусской палаты и разницу своего поведения днем и ночью 6-го января об'яснял тем, что при первых переговорах, когда явились лишь Диттман со своими товарищами, они имели дело с разумными людьми, которые действительно хотели сыграть роль посредников, а во время ночного заседания посредники вместе с пришедшими представителями Революционного Комитета начали вести переговоры в таком тоне и выставили такие требования, которые были в высшей степени оскорбительными, и

вынудили его и его коллег категорически заявить, что они вообще будут вести переговоры лишь при исполнении определенных условий, и что первейшим из этих условий является очищение зданий газет. Это об'яснение подтверждается показанием члена Центрального Комитета Роберта Лейнерта, да оно и само по себе в высшей степени правдоподобно. Единственно, чего удалось добиться посредникам при этих очень затянувшихся переговорах, было то, что обе стороны заявили о своей готовности предложить своим приверженцам не пользоваться оружием для нападения. В 3 часа ночи участники совещания разошлись, и продолжение предварительных переговоров было перенесено на 11 часов утра следующего дня.

Но и оно не привело к более благоприятным результатам. Представители Революционного Комитета решительно отказались очистить занятые здания газет до начала формальных переговоров и были в этом своем решении поддержаны берлинскими независимыми. По их словам, это означало бы сдачу укрепленных позиций, после чего правительство было бы в состоянии диктовать им любые условия. Это было бы простой капитуляцией. Очищение зданий газет, по их мнению, могло быть лишь «результатом переговоров, а не их предварительным условием».

Иными словами, представители Революционного Комитета пользовались, как аргументом, находящейся в их руках силой. Правительство должно было согласиться на то, чтобы мятежники вели с ним переговоры, как власть с властью. Такая постановка вопроса означала бы, что правительство принципиально допускает, что занятие газет и других общественных зданий является законным средством борьбы для любой организованной

оппозиции. Сомо собой понятно, что члены правительства не могли на это согласиться. Но они не сделали бы никакой принципиальной уступки, а лишь доказали бы свое духовное превосходство, если бы потребовали от представителей Революционного Комитета определенного заявления о том, что́ собственно должно явиться темой переговоров по существу. Необходимость открыть карты часто заставляет людей убедиться в нелепости своих планов. Еслиб им перед всем светом пришлось заявить, что их целью является низложение правительства Эберта-Шейдемана и замена его правительством, состоящим в большинстве своем из спартаковцев и независимых, а в меньшинстве из тщательно профильтрованных социалистов большинства, — как это, согласно показанию Лейнерта, члены Комитета заявляли в частном разговоре членам Центрального Совета, — то такое заявление было бы такой компрометацией для вожаков восстания, что правительство большего и не могло бы желать. После такого заявления большинство находящихся в Берлине войск, полагавших, что они должны соблюдать «нейтралитет», оказало бы активную поддержку правительству, что придало бы громадную моральную силу требованию последнего очистить здания газет. Между тем, тот факт, что члены правительства не настаивали на том, чтоб вожди восстания категорически подтвердили свои цели, о которых правительство знало уже из заявления, переданного посланцем Революционного Комитета защитникам здания Военного министерства, а также из разговоров с отдельными членами Комитета, — этот факт давал основание предполагать, что не серьезные опасения за судьбы республики, но скорее формально-бюрократические соображения заставляют правительство настаивать на своем требовании. Заявление правитель-

ства, что до приступа к переговорам должна быть обеспечена свобода печати, произвело большее впечатление на буржуазные круги, которые убеждать вовсе не надо было, чем на те круги рабочих, убедить которые в правомерности требований правительства и являлось неотложнейшей задачей.

Но так как правительство не хотело и не могло отказаться от своего требования немедленного освобождения газет, а восставшие хотели использовать захваченные здания, как залог и предмет для торга, то естественно, что усилия согласительной комиссии кончились неудачей. В заседании 7-го января Карл Каутский предложил правительству и Центральному Совету удовлетвориться предварительным заявлением, что они «сочтут переговоры безрезультатными, если они не приведут к полному восстановлению свободы печати». Это было отклонено по указанным основаниям, и вместе с тем было признано недостаточным следующее заявление представителей восставших:

> «Мы смотрим на газеты, попавшие в процессе борьбы в руки революционных рабочих, лишь как на оружие для окончания этой борьбы. Из этого следует, что соглашение, удовлетворяющее обе стороны, включает в себя и возвращение занятых зданий газет».

Вслед за этим представители независимых и Революционного Комитета заявили, что вновь пред'явленное требование — о немедленного освобождения здания «Форвертса» и других газет, — которого не ставили еще за день до того, создало новое положение, для которого их полномочия недостаточны, и что поэтому заседание надо отложить. Согласно этому заявлению, продолжение переговоров было отложено до 10 часов утра 8-го января.

Во время переговоров пришло сообщение, что между 11 и 12 часами дня правительственные войска взяли

штурмом занятое накануне мятежниками здание управления железных дорог. Представители восставших заявили тогда, что это является нарушением данного накануне обещания, согласно которому обе стороны обязались не употреблять оружия для нападения. На самом же деле, Управление ж. д. было захвачено обратно небольшим отрядом сапер, без всякого приказа со стороны правительства; с другой стороны, вооруженные мятежники, применяя насилие, ранним утром того же дня помешали отпечатать «Форвертс» в находящейся на Шифбауэрдамм типографии Линден, и уже отпечатанные экземпляры побросали в Шпрее. Эйхгорн в своей книге, замалчивающей эти и другие аналогичные факты, пишет, касаясь отчета «Фрейхейт» о переговорах, что этот отчет

> «неоспоримо доказывает, что правительство Эберт-Шейдемана и его Центральный Совет коварно обманывали доверие рабочих; со стороны рабочих и их посредников была проявлена воля к соглашению и готовность идти на крайние уступки, а на другой стороне им за это платили — лицемерием и подлым предательством. Правительство и Центральный Совет не хотели соглашения, они хотели раздавить революционную мощь рабочих при помощи своих наемников, и потопить в крови волю к завершению революции. Но для этого им нужно было надувать рабочих и удерживать их от действий до тех пор, пока не собралось достаточно правительственных войск для того, чтобы можно было решиться, не подвергая себя опасности, на кровавую работу».

Здесь прежде всего совершенно неверно противопоставление, проходящее через всю книгу Эйхгорна: на одной стороне — правительство со своими сторонниками, а на другой — рабочие. Представителями революционеров были отнюдь не одни рабочие, но и такие искушенные политики, как Ледебур, а правительство представляло подавляющее большинство социалистических рабочих Германии и, как это вскоре обнаружилось, имело

на своей стороне большинство рабочих и в Берлине. Далее, эта хваленая «крайняя уступчивость» восставших заключалась лишь в крайне упорном отстаивании для себя права — сохранить за собой здания, занятые неправомерно и, по их же собственному заявлению, против воли вожаков; захваченные отнюдь не «в процессе борьбы», как это утверждали руководители восстания, и не в результате борьбы, а путем налета, и удерживаемые ими лишь в качестве средства давления для проведения своих непомерных требований. Захват спартаковцами ж.-д. управления, в котором был сосредоточен надзор и контроль за всем железнодорожным движением, был произведен в тот момент, когда попытка посредничества уже началась, и не мог иметь иной цели, как помешать подвозу подкреплений для правительства. Протест против отвоевания этого здания является доказательством того, что правительство имело в данном случае дело отнюдь не с безобидными и стремящимися к миру людьми. Если бы правительство и состоящий преимущественно из рабочих Центральный Совет в тот момент действительно прибегли по отношению к мятежникам к политике затяжек, то и в этом случае они были бы в своем праве, ибо у них хотели силой вынудить такие политические уступки, которые, по их убеждению, могли только сильно ухудшить общее положение страны. Но на самом деле этого не было, и они в своем поведении руководились совсем иными мотивами. Согласно показанию Макса Когена — (одного из председателей Центрального Совета) — в следственной комиссии прусской палаты,

> «у всех участников переговоров было такое впечатление, что они являются лишь пустой болтовней. Они вертелись все время вокруг одного и того же вопроса; обе стороны настаивали на своих условиях и все время повторяли свои аргументы».

Представители независимой социал-демократии явно стремились побудить «революционных старост» пойти на разумные уступки, но не могли этого добиться. И, таким образом, членам правительства и Центрального Совета не оставалось ничего другого, как настаивать на своей принципиальной точке зрения и обратиться к здравому смыслу социалистических рабочих масс Берлина, заботясь, однако, вместе с тем и о сосредоточении военных сил, которые в случае нужды должны были насильно отвоевать у спартаковцев то, что они насильно и противозаконно захватили.

Надо при этом принять во внимание еще следующее. Все эти события происходили накануне выборов в Национальное собрание, против которого коммунисты на собраниях, в «Роте Фане» и в прокламациях возбуждали рабочих всеми средствами беззастенчивой диалектики. В прокламации, распространенной в первых числах января, день выборов был жирным шрифтом обозначен как «день буржуазии»; «выборы в Национальное Собрание означают, что мощь германского народа выдается головой буржуазии». Национальное Собрание, по словам этой прокламации, не будет заботиться ни об инвалидах, ни о сиротах, но лишь о том, чтобы крупные «военные спекулянты правильно получали проценты по военным займам». Поэтому, «на улицах и фабриках» должен раздаться клич: «долой Национальное Собрание». В другом месте воззвания говорится:

> «Наша борьба против Национального Собрания не может состоять ни в пассивном голосовании, ни в простом воздержании от голосования, или в препятствовании выборам, ни в простой попытке разогнать Национальное Собрание. Речь идет о том, чтобы в этой борьбе завоевать позиции власти».

Очевидно, что поскольку рабочие столицы поддались бы влиянию этой диалектики, постольку это привело бы только к тому, что за счет представительства рабочих в Национальном Собрании усилилось бы представительство реакционных партий. И, таким образом, захват «Форвертса» был не только укреплением временно занятой позиции, но вместе с тем и попыткой заглушить голос партии, органом который был «Форвертс». Кроме того, в одном из зданий «Форвертса» находилось помещение комитета социал-демократической партии; там же помещался партийный архив, деловые бумаги и списки, захват которых в значительной степени парализовал партийную работу. Этим и об'ясняется, с одной стороны, настойчивое стремление сторонников Либкнехта до последней возможности удержать здание «Форвертса» в своих руках, а с другой стороны, настояния членов правительства, чтобы очищение зданий газет, включая и «Форвертс», было сделано необходимым предварительным условием для переговоров по существу. Целый ряд лиц, в других вопросах об'ективно и здраво критиковавших поведение правительства Эберта-Шейдемана, совершенно упускают из виду эту важную сторону дела.

Озлобленность членов Революционного Комитета вызывалась не только неуступчивостью правительства в вопросе о захваченных зданиях, но еще и тем, что их положение с каждым днем становилось менее благоприятным, и что число их сторонников среди широких рабочих масс все таяло. Односторонним и тенденциозным использованием происшедших событий, а также неожиданностью нападения, они сумели добиться кратковременного успеха, но длительно овладеть положением они не смогли.

Как мы видели, еще 6-го января значительное большинство Народной Морской Дивизии отвернулось от этих «устроителей революции». Дорренбах, исчезнувший в понедельник днем из Конюшен, был об'явлен ротными начальниками смещенным, и на его место командиром был избран противник его политики — Мастелерц, а ад'ютантом к нему вождь матросов Грундтке. Грундтке вместе со своими товарищами по дивизии Бруска, Фульбрандтом, Галлером и Ширмером очистили здание Конюшен от всех посторонних. Тщетно затем пытался Ледебур вновь перетянуть дивизию на сторону Революционного Комитета, и последний вынужден был перенести свои заседания из здания Конюшен обратно в полицей-президиум.

Вечером 6-го января заведующий издательством Парвуса («Издательство по социальным наукам»), член партии социалистов большинства Альберт Баумейстер, собрав отряд в 40 человек, занял здание рейхстага, о котором забыл Революционный Комитет, а вслед за этим и Бранденбургские ворота. Он неоднократно пытался добыть от правительства разрешение на получение оружия для своего отряда, — в последний раз его переговоры с правительством длились более часа, — но ему в этом было отказано на том основании, что выдача оружия приведет к кровавым столкновениям, и что правительство не хочет взять на себя ответственности за них[1]). Тогда он и его единомышленники, среди них член редакции «Форвертса» Эрих Куртнер, убежденные, на основании всего того, что им пришлось увидеть в городе, что дело все равно без борьбы не обойдется, решили действовать на свой собственный страх и риск. Еще в течение ночи

[1]) Ср. с этим фактом обвинения в кровожадности, выдвигаемые против правительства Эйхгорном, Ледебуром и др.

они раздобыли грузовой автомобиль для подвоза оружия и приняли подготовительные меры для организации отрядов из надежных единомышленников. На следующий день им удалось значительно увеличить число последних и при помощи хитрости добыть достаточное количество оружия. Под руководством врача, тоже члена партии, они устроили амбулаторию для раненых, которая вскоре и приступила к работе, ибо вокруг рейхстага происходили непрерывные столкновения с патрулями мятежников, которые обыскивали подозрительных с их точки зрения прохожих и, в случае нахождения оружия, пытались насильно его отнять. В следующие дни число добровольно являвшихся на защиту республики так увеличилось, что, когда Баумейстеру и его товарищам удалось, наконец, получить от правительства необходимые полномочия, ими были организованы целых три полка республиканского ополчения, состоящих почти исключительно из социал-демократов; первый из этих полков получил название «Полка рейхстага», второй по имени соратника Баумейстера имя «Полка Либе», и третий — название «Полка полковника Грантова», который был откомандирован военным министром Рейнгардом в качестве военного специалиста для организации ополчения. Из находившихся в Берлине войск — Гвардейский Стрелковый полк («майские жуки»), находившийся под командой избранного солдатами фельдфебель-лейтенанта (прапорщика) Шульца, был предан правительству, но он был так занят работой по охране северной части Берлина, где расположены его казармы, что на его серьезную поддержку в первые дни нельзя было рассчитывать. Но уже 7-го января вечером он смог отправить вспомогательные отряды для обратного отвоевания имперской типографии.

В этот день имперское правительство выпустило следующее воззвание:

«Сограждане! Спартаковцы борются за захват всей власти. Они хотят силой свергнуть правительство, желающее в течение ближайших 10 дней дать народу возможность свободно определить свою судьбу. Ибо они не хотят, чтоб народ говорил. Они хотят подавить его голос. Вы видели, к чему это приводит. Где господствуют Спартаковцы, там прекращается личная свобода и безопасность. Печать подавлена, движение парализовано. Одни части Берлина являют собой арену кровавых столкновений, другие лишены уже воды и света. Происходят нападения на продовольственные управы, снабжение солдат и гражданского населения дезорганизируется. Правительство принимает все необходимые меры, чтобы сломить это господство террора и раз навсегда сделать невозможным его повторение. Решительные действия не заставят себя долго ждать. Но работа должна быть сделана основательно и потому нуждается в подготовке.

Потерпите еще немного! Будьте уверены в конечном успехе, как уверены в нем мы, и решительно поддержите тех, кто несет вам свободу и порядок.

Против насилия можно бороться только путем насилия. Организованное насилие народа положит конец угнетению и анархии. Единичные успехи врагов свободы, ими смехотворно раздуваемые, не имеют серьезного значения. Час расплаты наступает!»

Берлин, 8-го января 1919 года.

Имперское Правительство:

Эберт, Шейдеман, Ландсберг, Носке, Виссель.

В течение дня в различных частях города происходили серьезные столкновения. У Бранденбургских ворот, которые повстанцы судорожно усиливались захватить, одно время происходила ожесточенная перестрелка, и с обоих сторон были убитые и раненые. Такие же столкновения происходили у Ангальтского вокзала при попытке повстанцев его захватить, но и здесь их усилия оказались тщетными; за исключением

Силезского вокзала, занятого 9-го января, все другие берлинские вокзалы оставались свободными.

В это же время и посредники возобновили свои попытки; с 10 часов утра 8-го января и до 3 часов дня они вели переговоры с революционерами, которые в конце концов согласились сделать следующее заявление:

> «Комиссия по переговорам независимых рабочих готова добиться немедленного освобождения зданий буржуазных газет, если правительство и Центральный Совет заявят о своей готовности немедленно после этого начать переговоры по всем другим вопросам, включая и вопрос об очищении «Форвертса».

И правительство и Центральный Совет сочли эту уступку недостаточной для того, чтобы отказаться от своей точки зрения, согласно которой все газеты, в том числе и «Форвертс», должны быть освобождены до приступа к переговорам по существу. Эта уступка действительно была незначительной, ибо для революционеров были важны не буржуазные газеты, а только «Форвертс». Поэтому, при господствовавшем тогда взаимном недоверии, у членов правительства и Центрального Совета легко могло создаться впечатление, что это предложение является лишь тактическим маневром, имеющим своей целью выманить у них косвенное признание, что захват «Форвертса» является правильным, и что его возвращение должно быть куплено уступками по существу, которые с точки зрения правительства, могли иметь лишь гибельные последствия.

Но было возможно и другое толкование: более дальновидные среди революционеров не могли уже обманываться относительно того, что о победе над правительством нечего больше думать, и что каждый дальнейший день улучшает положение последнего и ухудшает шансы

восставших. Целые части полиции безопасности отпали уже от Эйхгорна, а среди оставшихся царило подавленное настроение. Согласно распространяемому среди полиции безопасности воззванию правительства, переходящие на его сторону полицейские должны были заявляться у полицей-президента Шарлоттенбурга, члена партии социалистов большинства Вильгельма Рихтера, а им отправлялись в распоряжение Дрегера, бывшего и до этого времени начальником полиции безопасности, и получавшего инструкции от берлинской комендатуры. А во главе последней, благодаря неудавшемуся маневру фельдфебеля Шпиро, оказался комендант Потсдама Клавунде — противник восстания. (Шпиро воспользовал тем, что Антон Фишер был 6-го января арестован, чтобы на скорую руку собрать конференцию солдатских советов Берлина и предложить им выбрать нового коменданта города. Но выбор их пал не на него, как он надеялся, а, благодаря энергичному вмешательству солдатского совета «майских жуков», на Клавунде, который хотя и не занимал особенно резкой позиции, но во всяком случае отнюдь не был склонен итти на уступки восставшим). Захваченные вечером 6-го января саперные казармы были вновь отвоеваны саперами, которые также резко отрицательно относились к новой революции. В связи со всем этим, у членов Революционного Комитета могло возникнуть стремление, в котором они, может быть, и сами не отдавали себе ясного отчета, оставить открытыми пути к отступлению. Так, по крайней мере, Диттман, Эйхгорн и Ледебур толкуют смысл своего заявления; и если Эйхгорн и Ледебур для своего оправдания подчас и насилуют факты, то в данном случае многое говорит за то, что их толкование ближе к действительности, чем то, о котором мы говорили выше. И тогда возникает вопрос,

не правы ли они в том отношении, что другой ответ правительства и Центрального Совета действительно заставил бы их отступить, и кровопролитие было бы избегнуто, — а также и вопрос, какой именно другой ответ правительство могло бы дать?

Но и самый решительный враг правительства должен признать, что оно никак не могло согласиться на то, чтобы очищение здания «Форвертса» было отсрочено на неопределенный срок. А дело к этому и свелось бы, если бы оно, как того хотел Революционный Комитет, поставило вопрос о «Форвертсе» в зависимость от соглашения по вопросам по существу, т. е. по политическим вопросам. Установление определенного срока для сдачи «Форвертса» было самым меньшим, что можно было потребовать, причем срок этот в виду вышеприведенны обстоятельств должен был быть кратким. Но еслиб это было принято, то и правительство в крайнем случае могло бы и должно было бы на это согласиться. Нельзя привести сколько-нибуть серьезных возражений против такого, примерно, предложения: буржуазные газеты освобождаются сейчас же, «Форвертс» не позже чем через 3 дня, а тем временем приступаем к обсуждению по существу. Этим был бы открыт путь тем, кто стремился к мирной ликвидации восстания. Ибо эта отсрочка так или иначе являлась уступкой восставшим. Почему же никто не сделал такого предложения? Этот выход был столь естественным, что посредники непременно должны были на него наткнуться, если у них была хотя бы минимальная надежда, что это предложение может быть принято.

То, что оно не было сделано, об'ясняется отчасти тем, что «Форвертс» был занят фанатическими приверженцами Карла Либкнехта, заявившими, что они ни

под каким видом оттуда не уйдут, даже если придется сражаться до последней капли крови. А «Роте Фане» издевалось над посредниками, называя их «размазнями» и призывая «истинно-революционных» рабочих не даваться в обман. В номере от 7-го января газета эта с обычными для нее преувеличениями пишет:

«700.000 жаждущих дела, пышущих революционной энергией пролетариев блуждают без всякого руководства по улицам Берлина, а революционные организации — обсуждают соглашение с Эберт-Шейдеманом!»

Так дело дальше итти не может. Массы должны так грозно крикнуть: «долой Эберта-Шейдемана», чтобы у вождей «пропала всякая охота к переговорам».

Таким образом, даже в том случае, если бы правительство пошло на уступки, не было никакой гарантии, что сторонники Либкнехта без борьбы и в ближайший срок очистят «Форвертс». И этот вопрос обратился в ту преграду, о которую разбилась попытка посредничества.

На последнем заседании Диттман предложил, чтобы члены Центрального Совета сошлись еще раз вместе с независимыми и представителями Революционного Комитета без участия членов правительства. — Это предложение было принято, но и Центральный Совет не отступил от требования, чтоб освобождение «Форвертса» предшествовало переговорам по существу, а революционеры не могли решиться на новые уступки и ограничивались неопределенными заявлениями, что соглашение по существу приведет к немедленному освобождению «Форвертса». После этого посредники пришли к выводу, что дальнейшие попытки примирения на данной стадии являются безнадежными, и к 8 часам вечера сделали следующее заявление:

«Посредники лишены возможности продолжать свои попытки. Но они заявляют обоим сторонам, что в любое время готовы вновь приступить к переговорам, ибо считают своим долгом сделать все возможное для того, чтобы помешать самоуничтожению берлинского пролетариата и предотвратить кровопролитие».

В тот же день, поздно вечером правительству при помощи гвардейских стрелков удалось отвоевать Имперскую типографию. Она была занята 6-го января днем вооруженными рабочими машинностроительного завода Шварцкопф; солдаты «ополчения безопасности», несшие сторожевую службу в типографии, отдали ее рабочим без единого выстрела. Рабочие избрали своим начальником молодого техника-литейщика Теодора Гранта, а так как он не был военным, то военное командование по его совету передали некоему Рейттеру.

Так как в Имперской типографии лежали отпечатанные бумажные деньги на 18 миллионов марок, а также и клише для их печатания, то она в руках революционеров могла обратиться в гораздо более внушительный «залог», чем типография «Форвертса». Но, судя по показаниям Гранта в следственной комиссии, Эйхгорн и его товарищи гораздо более были заняты тем, чтобы перевезти как можно больше денег в безопасное место для того, чтобы ими впоследствие воспользоваться для целей восстания, чем приведением Имперской типографии в состояние обороны. В поисках удобного места для хранения денег и в всяких других подготовительных работах — между прочим, и в придумывании способов для того, чтобы принудить заведующих открыть кладовые, — ушло много времени; заявление Эйхгорна, что в случае серьезного нападения едва ли удастся удержать полицей-президиум, повидимому, до крайности напугало

молодого, политически неопытного Гранта и его людей, и когда в 8 часов вечера отряд гвардейских стрелков, собранный очень дельным прапорщиком Шульце (бывшим до войны канцелярским служащим), подошел к типографии, то Грант и Рейттер сдали ее без единого выстрела, так же, как она была раньше сдана им солдатами ополчения. Зато в прилегающих улицах перестрелка носила весьма оживленный характер.

Из показаний других участников беспорядков в следственной комиссии, как и из показаний Гранта явствует, что среди восставших рабочих царила полная неразбериха относительно целей восстания, и что в нем приняло участие много людей, стремившихся только к тому, чтобы участвовать в грабежах.

В виду крушения попыток посредничества, предпринятых Центральным Комитетом независимых, среди рабочих началась агитация за то, чтобы добиться соглашения, если нужно, то и путем давления масс. 9-го января утром несколько тысяч рабочих с заводов Шварцкопфа и Всеобщей Компании Электричества устроили в Гумбольдгайне, в северной части Берлина, собрание и постановили призвать к соглашению для предотвращения дальнейшего кровопролития. Для этой цели решено было избрать комиссию из членов различных социалистических партий, которая должна была вступить в переговоры с правительством и революционерами. Так как эта комиссия не могла дать правительству никаких определенных обещаний относительно очищения занятых зданий, то она обратилась к Берлинскому Комитету независимых, который согласился сделать следующее заявление (принятое, после убедительного обоснования его Оскаром Коном, и революционными старостами):

«Для предотвращения дальнейшей братоубийственной борьбы Комитет готов попытаться найти новую основу для переговоров. Поэтому, он предлагает устроить перемирие.

Он заявляет о своей готовности до приступа к переговорам очистить помещение «Форвертса», если комиссия рабочих В. К. Э. (Всеобщей Компании Электричества) и Шварцкопфа получит от Центрального Совета и от правительства обещание, что переговоры будут вестись в социалистическом, примирительном духе, что разногласия будут переданы на обсуждение составленной на паритетных началах комиссии, и что окончательное назначение полицей-президента состоится с согласия независимой социал-демократии».

Пауль Брюль, Председатель. Рихард Гербст, Кассир.

По мнению Эйхгорна, это означало капитуляцию перед правительством и Центральным Советом. Но правительство и Центральный Совет поняли это предложение совсем иначе; и тщательный анализ обнаруживает, что его можно было толковать чрезвычайно разнообразно. Оно давало обещания, относительно которых было по меньшей мере сомнительным, сможет ли партия их исполнить. Спартаковцы не принимали участия в переговорах, и когда 10-го января днем депутация рабочих фабрики Людвига Леве, включавшая в себе представителей всех трех направлений, обратилась к отрядам, занимавшим «Форвертс», с вопросом, готовы ли они очистить это здание, то в ответ им было заявлено, что отряды скорее предпочтут быть похороненными под развалинами этого дома, чем добровольно его очистить. Во всяком случае, «Роте Фане» в номере от 9-го января, приведя ряд известий о восстаниях в провинции и указав на призыв правительства, открывшего запись добровольцев, писало:

«То обстоятельство, что правительство призывает добровольцев, указывает, что контр-революция не рассчитывает

> более на войска. Нужны «добровольцы» для того, чтобы проделать кровавую работу по уничтожению социалистических пролетариев. Таким образом, правительство оффициально признается в своей слабости, и его поражение есть дело наполовину свершенное».

Было бы, быть может, несправедливым по отношению к убитому говорить по этому поводу о сознательном обмане восставших. Карл Либкнехт по своей природе обладал свойством видеть вещи такими, какими он хотел их видеть. Но так или иначе, такая характеристика ситуации способна была лишь ввести его приверженцев в глубочайшее заблуждение.

В том же номере «Роте Фане» говорится о переговорах:

> «Сейчас с эбертовскими социалистами надо разговаривать не путем „паритетных начал", а при помощи кулака. Сейчас речь идет о том, чтобы переизбрать рабочие и солдатские советы, и выбрать новый Исполнительный Комитет, руководясь лозунгом: Долой Эберта и его приверженцев».

Правительство, — так же, как и Центральный Совет, — приняло упомянутую делегацию от рабочих и обсудило с ними положение, но, по его мнению, оно не было таковым, чтобы соглашаться на передачу спора на разрешение паритетной комиссии. Ибо паритет означал бы, что правительство, несомненно имеющее за собой значительное большинство социалистических рабочих Германии, оказалось бы в комиссии, в которой спартаковцы и независимые имели бы две трети голосов, в меньшинстве по всем важнейшим вопросам. Вместе с тем, дело шло отнюдь не о вопросах местного характера, решение которых могло быть исключительно делом рабочих Берлина, но о вопросах, в большинстве своем затрагивающих и интересы всей Германии. Вследствие этого Центральный Совет и правительство заявили, что они не могут признать авто-

ритета паритетной комиссии, равно как и не считают возможной дальнейшую проволочку в вопросе об очищении здания, во всем же остальном готовы на дальнейшие переговоры.

Голоса, призывавшие к соглашению, множились в рабочих кругах, и велись различные переговоры, но на улицах тем временем стали происходить ожесточенные схватки, а затем началась и борьба за отвоевание занятых зданий.

Д. Уличные бои и отвоевание здания „Форвертса“.

Уличные бой происходили преимущественно в так называемом «газетном квартале» (в примыкающих к Иерузалемерштрассе частях Кох-, Циммер- и Шютценштрассе), возле полицей-президиума (Александерплац и примыкающие к нему улицы), около Бранденбургских ворот и около Имперской канцелярии (северная часть Вильгельмштрассе). Сражавшиеся повстанцы имели в своем распоряжении большое количество пулеметов и другого оружия и основательно забаррикадировались в зданиях газет; они заняли также много квартир в верхних этажах соседних домов, из окон которых они, пользуясь надежным прикрытием, могли обстреливать наступавших солдат.

Борьба стоила очень многих человеческих жертв. Их точное число нельзя установить, так как на стороне восставших сражалось большое количество лиц, которые не жили постоянно в Берлине, и которых, поэтому, никто не разыскивал потом. В виду этого, надо предполагать, что среди восставших было больше жертв, чем это сделалось известным администрации. Тем не менее, позднейшие данные коммунистических газет об общем числе лиц, павших, по их мнению, на защиту революции, не-

сомненно преувеличены; на самом деле это число было меньше, чем число павших в борьбе с восстанием добровольцев и кадровых солдат. В уличных боях потери войск почти всегда больше, чем потери восставших, стреляющих в большинстве случаев из-за баррикад или других прикрытий. Один только «Полк рейхстага» потерял за одну неделю более 100 человек убитыми. Очень тяжелые потери понес и стрелковый полк.

Еще 10-го января в стане правительства не считали исключенной временную победу восставших. В этот день в заседании кабинета принимал участие и Носке. От него, как он пишет, нетерпеливо требовали, чтобы он вступил в Берлин с имеющимися в его распоряжении войсками, но он упорно отказывался это сделать, считая возможную неудачу «гораздо более невыносимой, чем продолжение неопределенного положения еще на несколько дней» («От Киля до Каппа», стр. 73). Вместе с тем, он «категорически высказался против компромисса» (там же). И вот 10-го января он был вызван на заседание кабинета в Берлин. «Нетерпение в Имперской канцелярии, — пишет он, — достигло своего апогея. Предсказывали самый неблагоприятный оборот событий, если на следующий же день не вступят войска. Все мои доводы против этого были признаны несостоятельными. В конце концов, я заявил, что готов в ближайшую ночь пустить несколько формаций и, среди них, в качестве основного ядра, Кильскую бригаду. Приказы об этом были тотчас же отправлены. А за это время оказалось, что и некоторые из вновь организованных Берлинских отрядов и один Потсдамский полк могут быть пущены в дело».

В субботу 11-го января, около 12 часов дня Носке во главе 2000 солдат вступил в Берлин. Он опасался ожесто-

ченных уличных боев, но его солдаты не встретили ни малейшего сопротивления, пройдя по Потсдамерштрассе, Лейпцигерштрассе, Вильгельмштрассе, и вернувшись потом через Тиргартен обратно в предместье: наоборот, их по большей части встречали приветствиями.

До этого, ночью в ожесточенной борьбе штурмом было взято здание «Форвертса». Дом на Линденштрассе 3, часть которого занимает «Форвертс», представляет собою огромное, так называемое, «промышленное здание»; оно состоит из пяти соединенных между собой пятиэтажных домов, с четырьмя дворами, соединяемыми большими воротами. Только из третьяго и четвертого двора можно попасть в помещение «Форвертса», взять которое требовало тем больше жертв, что мятежники заняли и другие помещения этого комплекса зданий и из них обстреливали осаждавших. «Форвертс» действительно имел почти вид крепости, и для его взятия необходимы были указания опытных военных. Эта задача была возложена на полковника Рейнберга и полковника Стефани. Штурм был произведен рано утром 11-го января. Ф. Рункель в своей книге: «Германская революция»[1]), описывает его следующим образом:

> «Прежде всего здание было на значительном расстоянии кругом отрезано военными постами от сообщения с городом. В предрассветных сумерках были подвезены 10,5 сантм. орудия, которые с различных сторон начали его обстреливать. Солнце еще не взошло, как раздались ответные выстрелы из тяжелых пулеметов мятежников. Такание раздавалось со всех углов; спартаковцы стреляли даже с крыш. Но они не могли противостоять орудиям, сыгравшим решающую роль в этой борьбе. Гранаты метко попадали в цель, и по истечении примерно двух часов защитники попытались вступить в переговоры.

---

[1]) F. Runkel: „Die deutsche Revolution“ (Leipzig, F. M. Grunow).

Правительственные войска отказались принять какие-бы то ни было условия и потребовали сдачи на волю победителей. Не получив на это никакого ответа, правительственные войска, вооруженные легкими минометами и огнеметами, пошли в аттаку, и тогда защитники здания сдались без всяких условий».

E. Расправа и расстрел пленных.

Число захваченных в плен в здании «Форвертса» было около 300. Они подверглись чрезвычайно грубому обращению со стороны части солдат и публики, старавшихся выместить на них всю свою накипевшую злобу.

Эта расправа может быть об'яснена, хотя и ни в коем случае не оправдана, всеобщим возмущением, вызванным захватом зданий. Но уже совсем плохо было то, что многие пленные были расстреляны. Так, семь защитников «Форвертса», приходившие в качестве парламентеров к осаждавшим войскам: писатель Вольфганг Ференбах, сотрудник издававшегося во время захвата «Форвертса» — «Красного Форвертса»; молодой рабочий поэт Вернер Меллер и пять неопознанных лиц (из которых один называл себя русским), — были взяты в плен и после жестоких избиений расстрелены во дворе драгунской казармы, находящейся на Бель-Альянсштрассе недалеко от здания «Форвертса»; этот расстрел не может быть назван иначе, как зверским убийством. К сожалению, так и не удалось точно установить, кто были убийцы, или кто несет интеллектуальную ответственность за это преступление. При начале штурма как солдатам, так и восставшим было заявлено: «Всякий выходящий из здания «Форвертса» с оружием в руках будет расстрелян». После отвоевания здания на двукратный запрос в Имперской канцелярии, что делать с пленными, неуполномоченным на это лицом дважды был дан ответ: «захваченные в здании „Форвергса“ должны

быть расстреляны», и только на третий запрос пришел ответ, что сдавшиеся пленные должны быть арестованы и переданы прокурорскому надзору. Часть вины падает на майора Стефани, который на дворе казарм неоднократно говорил солдатам: «Все выходящие из „Форвертса" должны быть расстреляны». По его словам, он делал такие заявления для того, чтобы успокоить возбужденных солдат, и тот факт, что он немедленно вмешался, лишь только солдаты хотели расстрелять захваченную в плен спартаковку Штейнбринк, — обвиняя ее в том, что она из окна «Форвертса» стреляла в них, — и действительно помешал приведению в исполнение этого намерения, делает его об'яснения правдоподобными. Но многие из солдат в своем бешенстве поняли его заявление иначе, и г. Стефани должен был, конечно, подумать о том, что возможно было и другое толкование его слов! С другой стороны, — лица, которые в качестве очевидцев выступали в печати с обвинениями против Стефани, до такой степени друг другу противоречат, а другие, как напр., солдат Гельмс, обнаружили себя на допросе в следственной комиссии прусского собрания столь мало заслуживающими доверия, что на их данных нельзя построить никакого обвинения.

Так или иначе, не подлежит сомнению, что над пленными были совершены насилия, для осуждения которых нельзя найти достаточно сильных слов; но число пострадавших при этом обычно сильно преувеличивают. Большинство пленных под строгой охраной были отведены в казармы, и если для них, правда, не сейчас было найдено помещение, на которое может притязать каждый заключенный, то во всяком случае они не были помещены сознательно скверно. Не надо забывать, что среди них находились и очень сомнительные элементы,

которые примкнули к восставшим не по политическим побуждениям, но из склонности к безобразиям и грабежам, и если тогдашние газетные отчеты о произведенных во время захвата разрушениях и грабежах и были сильно преувеличены, то составленный купцом Ашером — одним из обитателей дома, в котором находилось редакция «Форвертса», — длинный список похищенных из его квартиры предметов указывает, что грабили действительно основательно. Среди пленных наряду с политическими были и уголовные преступники, отделить которых от первых во время их перевозки было физически невозможно.

К этому надо еще прибавить, что политические заключенные, если они даже и руководятся идеалистическими мотивами, не являются все же невинными агнцами. Я отнюдь не желаю оправдывать убийства писателя Ференбаха. Но показаниям его друзей, заявлявшим, что он никогда не брал в руки оружия, надо противопоставить его статью, появившуюся 9-го января 1919 г. в «Красном Форвертсе» под заглавием: «Об'являйте всеобщую забастовку! Беритесь за оружие!» Уже одно это заглавие противоречит заявлениям его друзей о его миролюбии, а в самой статье самым тенденциозным образом описываются события 6-го и 24-го декабря. Он обвиняет социалистическое правительство в стремлении к власти и в кровожадности, об'являет ему «единогласный смертный приговор справа и слева», говорит о революционном решении масс «так или иначе» встать ногою на грудь предателей, и заканчивает словами: «Вера в победные идеалы наших (павших) братьев призывает нас привести в исполнение приговор истории над их убийцами».

Об авторе таких строк не надо бы говорить, что он является противником употребления оружия.

Насильственный захват газет и общественных зданий был актом восстания. Принимавшие в нем участие были мятежниками по отношению к единогласно избранному всегерманским с'ездом рабочих и солдатских советов правительству; они с самого начала выступили с оружием в руках, и в те дни, когда они крепко держали еще в своих руках занятые здания, они непрестанно стремились увеличить свои запасы оружия и снаряжения. У одного из арестованных в редакции «Форвертса», некоего Штамма был найден следующий документ, с которым он, — согласно своим показаниям следователю, — был отправлен на военный завод в Шпандау, (хотя и вернулся ни с чем):

> «Гарнизон „Форвертса" настоятельно просит о присылке л. (легких) и т. п.-м. (тяжелых пулеметов). Мы просим также о возможно скорой присылке всяческих п—ов (пулеметов); п.-м. (пулеметные) ленты и ручные гранаты также крайне нужны.
>
> Комитет гарнизона „Форвертса".
>
> Секретариат редакции „Форвертса":
>
> Мёринг (Möhring). Лампрехт».

Конечно, мятежники не становятся менее полноправными гражданами только оттого, что они обращают оружие против существующего правительства. С юридической точки зрения они являются государственными преступниками и должны нести за это наказание, но они зато имеют право, чтобы с ними и обращались, как с таковыми, и не было еще ни одной революции, которая тщательнее соблюдала бы этот принцип по отношению к своим мятежникам, которая бы после их ареста мягче с ним обращалась, чем социалистическое германское правительство. Ни об одном члене правительства того времени, включая и Густава Носке, будущий об'ективный историк не сможет сказать, что

они проявили кровожадность или хотя бы даже жажду мести. Носке пустил в ход военную силу, когда счел это необходимым для спасения республики, но он никогда бы этого не сделал, если бы его не спровоцировали мятежники; и он всегда ограничивал принимаемые им меры лишь обороной, необходимой для подавления насилия, хотя в оценке меры необходимого он иногда и ошибался. Его нельзя обвинить ни в чем, что хотя бы в малейшей степени может напомнить кровавую расправу большевистского правительства России со своими мятежниками.

То обстоятельство, что солдаты в своем озоблении неоднократно доходили до избиения пленных, не может удивлять человека, ближе изучавшего историю народных движений. Народные низы, а к ним принадлежит громадное большинство солдат, всегда жестковаты и склонны поддаваться непосредственному импульсу. Так, в июньские дни 1848 года в Париже именно «мобили», эти «дети Парижа», как их называли, наиболее жестоко расправлялись с пленными, и офицеры должны были силой удерживать их от еще худших расправ. Бешенство же солдат в данном случае об'ясняется еще дикими, отчасти бессмысленно преувеличенными слухами о насилиях мятежников и их методах борьбы.

Прежде чем приступить к штурму здания «Форвертса», 9-го и 10-го января были произведены попытки освободить от захватчиков более легкий в этом отношении дом Моссе (редакция, типография и контора газеты «Берлинер Тагеблятт», демократической газеты «Берлинер Фольксцайтунг» и т. д.). Но захватчики так основательно забаррикадировали главный вход и многие окна здания громадными руло печатной бумаги, за которыми были установлены пулеметы, и всякий раз открывали столь

сильный огонь против осаждающих, что эти последние пять раз должны были ходить в аттаку. Правда, и мятежники несли потери, так как и их обстреливали не только снизу, но также и с крыш соседних домов и из башни близлежащей Иерусалимской церкви, и уже 9 вечером они вынуждены были просить о временной приостановке боя, чтобы иметь возможность вынести своих убитых и раненых, что им, конечно, и было разрешено. Под вечер 10-го января они убедились в безнадежности дальнейшего сопротивления и попросили перемирия, которое им было дано и в 6½ часов вечера подписано. В ночь на 11-ое января лейтенант Бахман, руководивший войсками, собранными для отвоевания дома Моссе, сделал доклад в Имперской канцелярии и получил за подписями Эберта и Шейдемана заявление, дарующее засевшим в доме Моссе мятежникам жизнь, после чего они очистили дом без дальнейших разрушений. Отряды этого же полка отвоевали приблизительно в то же время и дом фирмы Ульштейн. Мятежники, засевшие в доме Шерля и в телеграфном агентстве Вольфа сдались, как и защитники дома Моссе, после того, как им была обещана пощада. В противоречим с пышными заявлениями своих вождей, но в согласии с требованиями здравого смысла, осажденные предпочли сдачу с сохранением жизни театральному трагическому эпилогу с бессмысленным уничтожением имущества.

Ж. Отвоевание полицей-президиума.

Теперь настала очередь полицей-президиума. Как мы знаем, большая часть полиции безопасности его уже покинула, а 11-го января окончательно ушел из него и Эйхгорн. Тем не менее, там осталось все же несколько сотен готовых сражаться мятежников, руководимых

спартаковцем Брауном; в их распоряжении находилось колоссальное количество оружия всяких родов. Кроме ружей, револьверов и т. п. обычного вооружения полицейских, в потайном месте, скрывавшемся от непосвященных, находился еще большой склад оружия, исподволь собранного в течение нескольких недель. На обвинение Эйхгорна в том, что он был инициатором этого склада или, во всяком случае, знал о том, что оружие свозится (этим подтверждалось бы основательность подозрения в сознательной подготовке им восстания!), — на это обвинение Эйхгорн отвечал, что у него совсем не было времени интересоваться такими вещами. Но что Браун играл выдающуюся роль в этом накоплении оружия, — это во всяком случае не подлежит сомнению. Штурм на занимающее громадную площадь здание Полицей-президиума был произведен рано утром 12-го января. Им руководил прапорщик Шульце со своими «майскими жуками». «Это было очень рискованное предприятие, — пишет он в своем отчете, представленном следственной комиссии прусского собрания, — в особенности потому, что в тылу находился пивоваренный завод Бётцова, представлявший из себя беспорядочный лагерь спартаковцев, которые легко могли заставить мои войска развернуться». Он с трудом добыл от Второго Гвардейского полка приблизительно 40 человек, от Александровского полка около 20, а от Второй Запасной Пулеметной роты в Рейникендорфе — взвод пулеметчиков. Кроме того, Третий Гвардейский Артиллерийский полк предоставил в его распоряжение некоторое количество солдат и орудий, а поздно ночью он получил из комендантуры броневой автомобиль, 10 грузовиков и санитарный автомобиль. — Для прикрытия своего тыла со стороны Бётцовской пивоварни

и отражения возможных нападений извне в целях освобождения засевших в полицей-президиуме, он имел 600 человек полицейских, отпавших от Эйхгорна, которые, по его словам, были невооружены и, как вскоре обнаружилось, еще и плохо дисциплинированы. Когда он около 3 часов ночи прибыл в расположенные рядом с полицей-президиумом казармы Александровского полка, то на улице, по которой должны были пройти нападающие солдаты (северная часть прилегающей к Александрплацу Александрштрассе) не оказалось ни одного из этих полицейских. К нему явился только их командир Дрегер, возбужденно доложивший, что 600 его человек заперты спартаковцами в манеже Александровских казарм. Тогда Шульце со своими солдатами проник в двор казармы, где был встречен выстрелами, на которые, однако, его солдаты со всех концов двора так успешно отвечали, что спартаковцы принуждены были очистить после битвы. Полицейские были освобождены и вооружены из запасов Александровского полка.

Тем временем начался обстрел здания полицей-президиума. Он, по словам Шульце, был встречен столь ожесточенным ответным огнем, «что у одного орудия вся прислуга после первого же выстрела была убита пулеметным огнем». Но полевая артиллерия оказалась все-таки сильнее пулеметов. Когда к $4^1/_2$ часа утра было закончено вооружение упомянутых 600 полицейских, Шульце сообщили, что спартаковец Браун, заместитель Эйхгорна, хочет с ним говорить. Шульце спросил его, чего он хочет. Браун, — человек, по свидетельству своих приверженцев, черезвычайно хитрый, — заявил, что он пришел по поручению правительства, которое дало ему разрешение вывести людей из полицей-президиума. Но так как он не мог этого документально подтвердить, то

ему было сказано, что сдача должна произойти без всяких условий. Он попросил 10 минут на размышления и белый флаг, с которым и удалился в здание полицей-президиума. По истечении 10 минут из здания вышел человек с белым флагом, быстро свернул в одну из поперечных улиц и скрылся. Кто был этот человек, никто не знал. После взятия здания Браун был захвачен патрулем в одной из ближайших улиц.

Начавшийся затем снова обстрел и взятие полицей-президиума Шульце описывает следующим образом:

«Тем временем один из вспомогательных отрядов, руководимый прапорщиком Вестфалем, подошел с Пренцлауерштрассе[1]) к полицей-президиуму. Когда он вступал на площадь, то был встречен сильным огнем из всех домов; шофер первого грузовика, на котором находилось около 50 человек и 10 пулеметов, был ранен несколькими пулеметными выстрелами. Автомобиль, лишенный руководства, в'ехал в какие-то ворота; солдаты попрыгали вниз и разбежались по домам в поисках прикрытия. При этой схватке отряд потерял одного убитым и нескольких ранеными. Для обеспечения наступления по направлению к Александрплацу была выдвинута вперед гаубица и броневой автомобиль. Тогда Вестфаль вновь выступил, приказав своим солдатам идти по обоим сторонам улицы. Орудия были прицеплены к автомобилям и непосредственно следовали за ними.

На Вадцекштрассе они были особенно сильно обстрелены из погребов. После того, как это сопротивление было при помощи ручных гранат сломлено, солдаты дошли до заранее указанного им исходного пункта атаки, на углу Клейне Франкфуртер- и Кайзерштрассе. В 5 часов 45 мин. утра начался обстрел. Огонь из бесчисленного количества пулеметов, установленных в полицей-президиуме был особенно опасен в этой узкой улице.

Первые орудийные выстрелы произвели колоссальное разрушение. Пулеметы, описывая громадные дуги, полетели в разные стороны; мятежники были частью убиты, частью бежали.

[1]) По Александрштрассе.

По распоряжению Вестфаля было сделано один за другим 50 выстрелов, дабы не дать противнику опомниться. Когда огонь прекратился, Вестфаль с двумя солдатами вышли вперед. Вид улицы был страшный. Все стекла были выбиты от сотрясения воздуха; все, что не было прибито или привинчено, попадало вниз.

Когда Вестфаль со своими двумя солдатами подошел к полицей-президиуму, из него вышло несколько спартаковцев, которых Вестфаль спросил, готовы ли они вступить в переговоры. Они ответили утвердительно, но заявили, что все их вожди бежали. Вестфаль предложил им избрать из своей среды людей, с которыми можно было бы вести переговоры; а он тем временем запросит меня (Шульце) об условиях, на которых должна быть произведена сдача. Мои условия гласили: «немедленная сдача красной крепости; выдача всего оружия и запасов; интернирование заключенных в Александровских казармах и передача их участи на решение правительство».

В тот момент, как в полицей-президиуме происходили разговоры относительно условий, мятежникам было указано, что переговоры должны быть прерваны, так как сейчас начнется новый обстрел. Это помогло. Требования были приняты без всяких оговорок. Пленные, окруженные со всех сторон солдатами, были отправлены отдельными партиями, и до Александровских казарм должны были итти с поднятыми кверху руками. Первая партия состояла приблизительно из 120 до 150 человек. Отдельные мятежники были еще потом извлечены из близлежащих домов, погребов и т. д.

В самом здании полицей-президиума после штурма царил невообразимый хаос. При слабом свете раннего утра в нем было почти невозможно ориентироваться. Из всех углов раздавались выстрелы: дикие крики неслись отовсюду, и только после того, как я, напрягши все свои силы, прокричал требование прекратить стрельбу и не двигаться с места, наступило кое-какое спокойствие. Мое вторичное предупреждение спартаковцев, что каждый из них, кто будет еще стрелять, немедленно будет поставлен к стене, помогло. Тогда я разослал по отдельным корридорам полицей-президиума сильные патрули и приказал им всех пленных приводить в одно определенное место у выхода. Были арестованы еще двое, трое или четверо

спартаковцев. Остальные так запрятались, что их нельзя было найти. Но уже и после того, как я вернулся во двор Александровских казарм, отдельными солдатами ополчения безопасности и полицейскими приводилось пленные».

Этих пленных постигла та же участь, что и захваченных в здании «Форвертс». Крайне озлобленные уличной борьбой солдаты и, еще более, отряды, состоявшие из полицейских, бывших товарищей тех, которые остались с Эйхгорном, рвались отомстить за павших. Во дворе Драгунских казарм, и во дворе Александровских было найдено потом несколько трупов — всего 5, — и только благодаря энергичному вмешательству Шульце удалось воспрепятствовать тому, чтобы и Браун, против которого озлобление было особенно сильно, пал жертвой общего возбуждения.

Кто был виновником расстрела тех пятерых, на трупы которых натолкнулся Шульце, этого нельзя было установить. Возможно, что они были жертвами перестрелки, происходившей еще ночью при освобождении 600 полицейских. После взятия полицей-президиума двор был наполнен солдатами всевозможных отрядов, а также штатскими, и там царила такая сумятица, что правильного расследования этих убийств никак нельзя было произвести. Прапорщик Шульце, руководивший переводом пленных в Александровские казармы, заявил, что его стрелки не расстреляли ни одного из заключенных.

Тем не менее, вся ярость спартаковцев и находившихся под их влиянием рабочих была направлена против стрелков. Спартаковцы не могли им простить, что они поддерживали правительство; они окружили их казармы патрулями, которые угрожали каждому солдату, осмеливавшемуся в одиночку выйти из нее. «Я смог удержать казармы, — пишет в своем отчете Шульце, — только

благодаря крайней бдительности и помощи разведчиков». Ночью прожектор непрерывно освещал казармы и прилегающие к ним дома. Несмотря на это, так и не удалось воспрепятствовать тому, чтоб в прилегающий к казармам сад лазарета забрались мятежники, которые в течение целой ночи обстреливали казармы.

Но эта стрельба, как и продолжавшаяся стрельба в «газетном квартале», была лишь последним всплеском восстания. Оно было сломлено вместе с падением полицей-президиума. Без труда и без кровопролития удалось неожиданной атакой отвоевать и последнее здание, в котором еще держались спартаковцы, — Силезский вокзал.

13-го января революционные старосты заявили о прекращении об'явленной ими всеобщей забастовки.

Из известных вожаков восстания Георг Ледебур еще 9-го января был арестован вместе с бывшим членом редакции «Форвертс» Эрнстом Мейером на квартире последнего; они были арестованы вице-фельдфебелем фон-Тышка и ефрейтером Гюргеном, которые во главе отряда солдат комендантуры отправились арестовать Карла Либкнехта, но его там не нашли или не застали. После нескольких месяцев предварительного заключения Георг Ледебур в мае 1919 года был оправдан берлинским судом присяжных по обвинению в государственной измене. Эмиль Эйхгорн несколько дней скрывался, а затем бежал на автомобиле в Брауншвейг.

XIII.

Убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

Другая судьба, чем остальных участников восстания, постигла Карла Либкнехта и Розу Люксембург. Они не могли решиться бежать, но в виду того, что был дан приказ об их аресте, они скрывались и не жили на своих квартирах. Однако, когда в газетах появился слух, будто они бежали на голландскую границу, Карл Либкнехт поместил статью в «Роте Фане» от 15-го января 1919 г. в которой доказывал, что спартаковское движение непобедимо.

> «О, нет! Мы не бежали, мы не побеждены. И если даже вам удастся заковать нас в цепи, мы все же тут, и останемся тут! И мы победим! Ибо „Спартак" — означает — пламя и дух, душу и сердце, волю и дело пролетарской революции. Ибо „Спартак" воплощает в себе всю нужду и все стремление к счастью, всю решимость бороться, присущую сознательному пролетариату. Ибо „Спартак" это значит: социализм и мировая революция. Рабочий класс Германии еще не кончил своего восхождения на Голгофу, — но день избавления близок».

А когда наступило следующее утро, Карла Либкнехта и Розы Люксембург уже не было в числе живых.

Вечером 15-го января сначала Либкнехт, а немного позже и Роза Люксембург, были арестованы в предместии Вильмерсдорф на квартире их друзей — четы Маркуссон, отрядом Вильмерсдорфской (буржуазной) «гражданской стражи», и доставлены в штаб Стрелковой Кавалерийской дивизии (отделение Лютвица), размещенный в гостиннице «Эден» на Курфюрстендамме. Здесь их подвергли краткому допросу и решили перевезти по одиночке под военной охраной в следственную тюрьму на Моабите. Эта перевозка оказалось для них обоих

путешествием в царство смерти. Когда Карл Либкнехт вышел из гостиницы и собрался сесть в приготовленный для него автомобиль, егерь Отто Рунге, стоявший на часах перед гостинницей, нанес ему два или три сильных удара прикладом в голову, так что Либкнехт залился кровью и на короткое время почти лишился чувств. Через несколько минут ему было приказано сойти с автомобиля, — который в это время проезжал по Тиргартену, — потому будто бы, что испортился мотор, и нужно было оставшееся короткое расстояние пройти пешком. По дороге Либкнехт якобы попытался бежать в густую поросль. Когда он, несмотря на крики конвойных: «Стой», не остановился — гласит дальше официальное сообщение, — они открыли, согласно военной инструкции, огонь, которым он и был убит. Его тело было по приказанию лейтенанта Пфлугк-Гартунга доставлено в помещение Скорой Помощи у «Зоологического Сада», в качестве трупа «неизвестного». Впоследствии на суде Пфлугк-Гартунг мотивировал свое распоряжение тем, что он не хотел, чтобы это «происшествие сразу получило широкую огласку и было раздуто.» Однако, своему начальству он сообщил немедленно обо всем случившемся и назвал имя убитого.

Когда через четверть часа после Либкнехта из гостинницы вышла Роза Люксембург, чтобы сесть в автомобиль, который ее должен был перевезти в тюрьму, то тот же Рунге поступил и с ней так же, как до того с Либкнехтом. По дороге, полуживая, она была добита выстрелом, произведенным, по всем данным, обер-лейтенантом Куртом Фогель. Во всяком случае, последний ответственен за то, что тело убитой не было никуда доставлено, а было брошено в канал под мостом Корнелиуса с привязанным к нему грузом. Здесь оно было найдено только спустя несколько месяцев.

Арест и смерть двух главарей спартаковского движения получили в течение дня 16-го января всеобщую огласку и естественно вызвали большое возбуждение. Опубликованное вечером того же дня оффициальное сообщение изображало дело так, будто первые удары убитым были нанесены неизвестными лицами из толпы, собравшейся вокруг гостинницы и испускавшей проклятия по адресу Карла Либкнехта и Розы Люксембург; будто, далее, выстрел, которым была убита Роза Люксембург, дан был неизвестным, который вскочил на подножку автомобиля, когда последний вынужден был из-за скопления народа замедлить ход, и будто труп ее был отнят и похищен толпой, окружившей автомобиль, с криками: «это Роза». Несоответствие этого описания действительному ходу событий вскоре было разоблачено. Правительство немедленно постановило предпринять подробное расследование обстоятельств, при которых произошла смерть обоих революционеров, и сообщило об этом в следующей декларации:

«Правительство распорядилось, чтобы было произведено строжайшее расследование обстоятельств, приведших к насильственной смерти д-ра Розы Люксембург и д-ра Карла Либкнехта. Оба убитых без всякого сомнения совершили ряд тяжких преступлений по отношению к немецкому народу, однако, они столь же несомненно находились под охраной законов, которые, грозя виновным заслуженной карой, в то же время защищает их от неправомерностей. Суд Линча, которому, повидимому, подверглась Роза Люксембург, позорит немецкий народ, и его с нравственной точки зрения осудит всякий, к какой бы политической партии он ни принадлежал. Если в происшествии с Розой Люксембург наличность явного беззакония очевидна, то случай с Либкнехтом требует еще расследования, для выяснения того, поступили ли власти согласно предписаниям закона. Если бы оказалось, что последний был нарушен, то и в этом случае последует строжайшее наказание виновных».

Центральный Совет и берлинский Исполнительный Комитет взяли расследование этого дела в свои руки, родственники и друзья покойных делали все возможное, чтобы добиться правды, ряд лиц, которые в то время находились в гостиннице или неподалеку от нее, явились по собственной инициативе, в качестве свидетелей, и своими показаниями опровергли некоторые данные официального сообщения. Таким образом, уже в ближайшие дни дошло до всеобщего сведения, что в указанное время около гостинницы «Эден» совершенно не наблюдалось особенного скопления публики, что автомобиль, который должен был отвести Розу Люксембург в следственную тюрьму, за все время своего следования ни разу не был задержан публикой, ни сознательно, ни невольно, а проезжал по безлюдным улицам, и что, поэтому, не может быть и речи о насильственном похищении трупа толпой. Зато из рядов военных раздавались восклицания вроде: «нужно немедленно расправиться с обоими зачинщиками».

Спартаковцы и независимцы, однако, направляли свои нападки не только против военных. Когда стало известно, что правительство поручило расследование этого дела и возбуждение уголовного преследования надлежащим военным инстанциям, то оно подверглось ожесточенным нападкам, которые шли так далеко, что высказывалось подозрение, будто правительство не хочет допустить настоящего расследования и чувствует себя в известной степени солидарным с «бандой убийц». Об этом, конечно, не могло быть и речи. Так как обвиняемые находились на военной службе, к ним должен был быть применен находившийся еще в силе закон, согласно которому их дело было подсудно военному суду. Когда правительство, и в частности один из членов его, юрист,

заявили, что они связаны существующими правовыми нормами, согласно которым никто не может быть лишен своих обычных судей, то это было с формально-юридической точки зрения неопровержимо. К тому же в это время еще не имелось того опыта с деятельностью военных судов при республиканском режиме, который впоследствии лишил их среди радикально-настроенной части населения всякого доверия в смысле их политической беспристрастности. Таким образом, тогда нельзя было выдвинуть особенно много доводов против передачи дела на рассмотрение военного суда.

Самым важным в этом деле была не высота наказаний, к которым суд приговорит виновных, а строгое, стоящее вне всяких сомнений расследование всех подробностей происшествия, существенных для суждения о нем, и установление и арест всех предполагаемых виновников и соучастников преступления. Принимая это во внимание, представители различных партий в рабочей среде выставили требование, чтобы расследование было поручено комиссии, составленной целиком или по крайней мере частью из представителей социалистических партий. Надо признаться, что этому требованию было очень легко удовлетворить, не нарушая норм права. Ведь революция еще продолжалась, и притом революция, вожди которой сознавали, что в процессе своего развития она должна будет привести к отмене особых военных судов, и сами к этому стремились.

Не отрицая по существу справедливости этого требования, правительство не могло, однако, решиться на радикальный шаг, и ограничилось тем, что привлекло по два члена от Центрального Совета и Берлинского Исполнительного комитета к участию в расследовании, оставив руководство последним в руках дивизионного

суда Стрелковой Каваллерийской-дивизии и дивизионного командира фон-Гофманна, как высшей судебной инстанции в дивизии. Очень скоро обнаружилось, что это была ошибка. Военные власти дали почувствовать представителям рабочих, что они смотрят на них лишь как на ненужный придаток к следствию. Назначенный Гофманном следователи — член военного суда Йёрнс (Jörns) и сам Гофманн, отвергли ряд предложений, внесенных рабочими, после чего члены Исполнительного Комитета Оскар Руш и Пауль Вегман и член Центрального Совета Гуго Струве отказались от дальнейшего участия в следствии; это произошло 16-го февраля. Основания их ухода сформулированны в введении к представленному ими докладу:

«Мы требовали организации особой комиссии с правами судебного следователя. Это наше требование, пред'явленное нами с самого начала и неоднократно нами повторявшееся, было отклонено. Мы требуем, далее, предания убийц и их подстрекателей обыкновенному гражданскому суду.

Мы об'являем во всеуслышание, что отказываемся принимать дальнейшее участие в следствии, ибо:

1. Имперское Правительство не дало согласия на это наше требование;
2. несмотря на наши многократные устные и письменные заявления, подстрекатели, непосредственные виновники и соучастники преступления, обнаруженные благодаря свидетельским показаниям, не подверглись аресту;
3. благодаря этому, некоторым обвиняемым удалось бежать,
4. существует опасность, что обстоятельства дела будут затемнены, вследствие того, что находящиеся на свободе обвиняемые имеют возможность сговориться между собой.

Перед лицом мирового пролетариата мы отказываемся принимать участие в судебном следствии, которое способствует сокрытию следов преступления и спасению убийц от рук правосудия».

Уже самый факт насильственной смерти двух революционных вождей вызвал среди значительной части

берлинских рабочих поворот в настроении, неблагоприятный для правительства. Отказ организовать особую социалистическую следственную комиссию обострил недовольство, и не хватало лишь декларации трех рабочих представителей, чтобы довести недовольство до крайности. Это нанесло существенный вред партии социалистов большинства и тем самым республике, главный опорой которой эта партия являлась. Это дало возможность некоторым журналистам изобразить эту партию перед заграничными социалистическими кругами, как моральную соучастницу убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург и потворщицу убийц. Так даже такой человек, как Ромэн Роллан, поддавшись влиянию одного немецкого литератора, в длинной статье, в трех номерах парижской «Юманитэ» выставил подобное обвинение против социалдемократической партии и правительства. В действительности, однако, это обвинение было в высшей степени несправедливо. Быть может, никто в такой степени не в состоянии этого засвидетельствовать, как пишущий эти строки. Ибо случайно я оказался утром 16-го января 1919 г. в Имперской канцелярии в тот момент, когда пришло известие об убийстве Карла Либкнехта, и я мог видеть, поэтому, как были поражены и даже потрясены этим известием все присутствовавшие члены правительства. Нет ни малейшего следа какого-либо доказательства того, что правительство или кто-либо из его членов хотя бы намеком побуждали к этому убийству или потворствовали убийцам. Ошибка, состоявшая в передаче следствия в руки военных властей, лежала в плоскости политической, а не моральной. Но, тем не менее, это бесспорно была политическая ошибка. Можно оставить открытым вопрос, стремился ли член военного суда Иёрнс, руководивший следствием, пред-

намеренно затушевать некоторые подробности дела; однако, его энергичные выступления на суде в качестве представителя обвинения делают это предположение мало вероятным. Зато в смысле допроса свидетелей и т. д. он несомненно упустил многое, что могло бы существенно послужить для выяснения фактических обстоятельств дела. Следственная комиссия, составленная из социалистов, или поровну из гражданских юристов и социалистов, и свободная от всяких военных предрассудков, несомненно вывела бы больше правды на свет Божий, чем Иёрнс, и ее доклад о деле вызвал бы к себе в широких кругах народа то доверие, которым не мог пользоваться доклад Иёрнса. А это было очень важно. Правда, и эта комиссия вряд-ли смогла бы раскрыть тот «большой заговор», о котором как много кричали спартаковцы и их присные, по той простой причине, что он несомненно принадлежал к миру фантазии. То был не заговор в юридическом смысле, а коллективное преступление, порожденное минутой и совершенное военными, занимавшими гостинницу «Эден»; одни побуждали к преступлению (восклицаниями в роде: «Убейте их» и тому подобными), другие были прямыми подстрекателями, а третьи, наконец, соучастниками и непосредственными виновниками. Заявление представителей рабочих, что часть обвиняемых вступила между собой в известное соглашение, имело за собой большую вероятность и должно было, поэтому, тщательнейшим образом быть принято во внимание. Однако, при всем том остается сомнительным, способно ли было бы самое строгое расследование собрать достаточные доказательства для обвинительного приговора. При коллективном преступлении точное установление пределов ответственности отдельных лиц представляет неразрешимую задачу. То, что мы все знаем

по собственному опыту в применении к школьным шалостям, повторяется в более серьезных формах в позднейшие периоды жизни. Что над Розой Люксембург было совершенно позорное гнусное убийство, — неоспоримо. Однако, никто не был в состоянии впоследствии решить, кто же был главным убийцей: солдат ли Рунге, который несколько раз с такой силой ударил прикладом по голове физически исключительно слабую женщину, что его жертва тотчас же потеряла сознание, или же тот офицер, который прострелил голову Розы Люксембург, лежавшей уже без признаков жизни. Еще труднее измерить степень ответственности отдельных лиц в деле Карла Либкнехта. Да и имело ли здесь вообще место «предумышленное убийство» в смысле уголовного права? Согласно показаниям конвоировавших его офицеров, Либкнехт был застрелен при попытке бежать; стрельба же при побеге является военным обычаем, санкционированным инструкцией. Однако, всякий должен будет согласиться с Йёрнсом, который доказывал, что даже если допустить, что Либкнехт сделал попытку к бегству, то для шести с ног до головы вооруженных сильных мужчин это не могло быть достаточным поводом, чтобы сразу открыть огонь по арестанту, ослабленному уже жестокими ударами, нанесенными ему Рунге. Кроме того, крайне сомнительно, имелась ли вообще на лицо попытка к бегству. Не потому, что, как это об'явили сторонники Либкнехта, бегство было бы актом трусости, на который Либкнехт не был способен. Бегство при таких обстоятельствах вообще не является само по себе показателем ни трусости, ни смелости. Важен совершенно другой вопрос. После всех тех случаев расстрела военными конвоями противников милитаризма, которые нам пришлось пережить за это время, следовало бы задать вопрос,

не состояла ли «попытка к бегству» в простом уклонении от телесных истязаний. На это указывают в особенности заключения врачей, согласно которым выстрелы, причинившие смерть, были даны по Либкнехту в упор. Но если это было так, то на лицо было не необдуманное или лишь неосторожное причинение смерти, а заранее хорошо обдуманное, вернее, даже утонченное предумышленное убийство. Поэтому, Иёрнс требовал смертного приговора для четырех офицеров, стрелявших по Либкнехту, как совершивших предумышленное убийство. Однако, суд их оправдал, хотя и признал в своем решении, что существуют указания на то «что между обвиняемыми существовало соглашение относительно убийства Либкнехта».

Кто, подобно пишущему эти строки, в смертной казни не усматривает искупления совершенного преступления, тот не будет волноваться по поводу того, что четырех офицеров не казнили. Но дело не в казни, а в том, что на преступников не было наложено судом позорного клейма. Сделать это — было долгом перед общественной совестью.

Как на смягчающее вину обстоятельство, суд указал на громадное возбуждение, охватившее все население под влиянием спартаковских безпорядков. Это возбуждение не было выдумкой, оно действительно имелось и притом в исключительно острой форме, охватывая не только круги капиталистов и буржуазии, дрожавших за свое капиталы и барыши. Оно имелось и в широких слоях рабочего класса. И было направлено с особым ожесточением против Карла Либкнехта, в котором видели главного виновника мятежа, столь погубного для судеб Республики. Как велика, действительно, была вина, которую Карл Либкнехт взял на себя в те дни, когда

важно было, прежде всего, заложить основы Германской республики, мы показали уже в предыдущих главах. Но и к Либкнехту применимо положение, что смерть не есть искупление. Совершенное над ним насильственное убийство имело своим последствием только то, что вокруг имени Либкнехта сплелись легенды, благодаря чему мертвый Карл Либкнехт был в состоянии натворить еще больше бед, чем живой. Несмотря на все свои дарования и весь свой радикализм, Либкнехт не пользовался особым расположением даже в кругу радикальных вождей. В своей известной книге Эмиль Барт в яркой форме высказывает то самое, на что Ледебур в своем показании на суде лишь осторожно намекает: именно, что в совете ответственных руководителей сотрудничество Карла Либкнехта оценивалось не слишком высоко; и что здесь часто болезненно ощущали свойственное ему отсутствие сознания политической ответственности и царившую в нем духовную обращенность на самого себя (Ichsucht), которую англичане, в отличие от эгоизма, направленного на материальные блага, именуют эготизмом. Недаром еще в 1915 г., когда в социалдемократической фракции — тогда еще единой — голосовалось предложение о лишении Либкнехта прав члена фракции за постоянное игнорирование фракционных постановлений, против этого предложения высказалась только часть радикальных членов; другая же часть, разделяя раздражение большинства фракции против его поведения, голосовала за предложение. Но его своеволие еще сильно возросло, когда он вышел из тюрьмы, и ему повсюду, где он ни появлялся перед массами, стали оказывать восторженный прием, как мученику милитаризма. Переоценка своей личности возросла у него до таких пределов, что Барт считает себя в праве говорить о его мании величия. Под вли-

янием этой переоценки своей власти над массами и фантастических представлений о возможностях нового переворота, он и подписал тот декрет, в котором он об'являл себя, Ледебура и Шольце представителями революционного правительства, долженствовавшего стать на место правительства, назначенного Центральным Советом рабочих депутатов, и ставшего таковым лишь в фантазии. Это могло иметь для него лишь роковые последствия и сильно подорвать его престиж в глазах рабочих. То, однако, что он не вышел живым из этой авантюры, которую он как бессовестно предпринял и которой руководил совместно со своими единомышленниками, имело на долгое время противоположное действие. Его смерть очистила его и все предприятие.

По человечеству нельзя не пожалеть, что этот, правда, не особенно глубокий, но все же разносторонне одаренный и наделенный редкой духовной энергией носитель знаменитого имени погиб в расцвете сил столь ужасной насильственной смертью. Но приговор истории над политиком Карлом Либкнехтом должен, тем не менее, гласить лишь, что его последнее предприятие ясно показало, в какой степени ему недоставало тех качеств, без которых социалдемократия не в состоянии выполнить свою великую миссию, в качестве творческой силы.

Вторая жертва вновь поднимающего голову милитаризма, Роза Люксембург, пала, как самоотверженный борец за идею, которой она отдала все свое «я». Она также заблуждалась в оценке диапазона революции, и ее появившаяся во время войны блестящая работа о кризисе социалдемократии ясно показывает, почему она неминуемо должна была заблуждаться. Перед ее духовным взором стоял, и в ее душе жил образ пролетариата, сплетенный из абстракций, и совершенно не соответство-

вавший реальному пролетариату. Она была, как ярко доказывают ее письма, в первооснове своей натурой поэтической. В ее лице социализм потерял высокоодаренного борца, который бы мог оказать неоценимые услуги республике, если бы ложная оценка возможностей, открывающихся перед революцией, не увлекла ее в лагерь фантастов насильственной политики. Однако, и все те, кто в партийной борьбе были ее противниками, будут высоко чтить память этого неутомимого борца.

XIV.

Общее положение республики в первые месяцы ее существования.

А. Роль рабочих и солдатских советов.

В биологии на основании опыта и экспериментальных исследований считается общепризнанным, что организмы тем менее способны к изменениям, чем выше ступень их развития в смысле специализации, оформленности и функционального развития их органов. С некоторыми ограничениями, вытекающими из различия в природе об'ектов, это положение применимо и к социальным организмам, которые мы именуем государствами или, на более ранней ступени развития, племенами и народностями. Чем менее такие образования развиты, тем легче они выносят эксперименты, направленные на их радикальное преобразование. Чем многограннее их внутреннее расчленение, чем яснее выражено разделение труда и сотрудничество между их органами, тем больше они подвергаются опасности в смысле тяжкого повреждения их жизнеспособности, при попытках подвергнуть

их коренному преобразованию в короткий срок путем применения насильственных мер.

Руководящие лидеры социалдемократии, может быть, и не исходили из такого рода теоретических положений, но они пришли к этому закону, благодаря анализу фактических обстоятельств, и приспособили к нему всю свою революционную тактику. Они могли это сделать без всякого ущерба для дела социализма. Какой бы отсталой страной в ряде основных вопросов своего политического бытия Германия ни была, благодаря остаткам полу-феодальных учреждений и засилию военщины, она все же в области организации своего управления достигла такой ступени развития, при которой уже простая демократизация существующих учреждений являлась значительным шагом в сторону социализма. В зародышевом состоянии это обнаружилось еще до революции. Демократизация, поскольку она была тогда осуществлена в конституции империи, союзных государств и местного самоуправления, под влиянием проникших в органы законодательства и управления рабочих представителей, сыграла роль действенной силы, толкавшей к изданию законов и мероприятий, лежащих в направлении к социализму; благодаря этому, императорская Германия в некоторых отношениях могла с успехом соперничать с более прогрессивными странами. В то же время, эти элементы демократии, наряду со свободными органами рабочей самодеятельности, дали возможность все большему и большему числу представителей рабочих ознакомиться с сущностью и задачами современного законодательства и управления. Этим была доказана правильность взгляда, что демократизация несет с собой в зародыше и социализм. Однако, всякий плод требует времени для своего созревания, а в революционные эпохи большинство людей

не примиряется с длинными сроками ожидания. Массам нужны непосредственные, материальные результаты переворота.

Для достижения таких результатов казались особенно пригодными рабочие и солдатские советы, которые возникли в разных местах еще до революционного взрыва, а после него распространились с такой быстротой, что вскоре не осталось ни одного более или менее заметного города, в котором бы не было совета рабочих и солдатских депутатов. Мы видели выше, что Спартаковский союз поставил себе целью добиться превращения Германии в советскую республику по русскому образцу. И хотя он, несмотря на страстную агитацию и затрату больших средств, и не смог склонить на свою сторону большинства советов, но его агитация, тем не менее, имела то действие, что в большинстве рабочих советов (солдатские депутаты обыкновенно не играли в них особой роли) утвердилось весьма преувеличенное представление о задачах советов и открытых перед ними возможностях.

Во всех тех местах, где в советах побеждали подобные взгляды, и где они, в силу этого, начинали притязать на всю полноту власти, они, естественно, вступали в более или менее острый конфликт с местными государственными органами. Так как в дни революционного возбуждения в советы далеко не всегда избирались наиболее сознательные элементы, а часто попадали те, кто умел в наиболее выгодном свете представить перед избирателями свои добрые намерение, — то вскоре со всех сторон стали раздаваться жалобы на своевольные и разорительные в финансовом отношении действия рабочих советов. Без особых протестов подчиняясь распоряжениям Совета Народных Уполномо-

ченных, буржуазия тем большее возмущение высказывала по адресу советов, как местных органов революции.

Нельзя сказать, чтобы это возмущение всегда было несправедливо.

Было действительно сделано много промахов, частью благодаря недостатку деловых навыков и опыта, частью вследствие переоценки того непосредственного влияния, которое изменения в соотношении политических сил способны оказать на хозяйственную жизнь. Люди, ровно ничего не смыслившие в административных делах, считали себя вправе вмешиваться в техническую сторону работы опытных чиновников и гласных органов самоуправления и издавать распоряжения, проведение которых в жизнь угрожало полным расстройством муниципальным финансам. Ряд рабочих советов назначил своим сочленам содержание, значительно превышавшее заработок высших категорий квалифицированных работников, не возложив вместе с тем на них и серьезных коммунально-политических или хозяйственно-политических задач. Все время тратилось на бесконечные заседания, на которых люди занимались пустыми словопрениями, так что советы стали источником бесцельного возбуждения умов. Некоторые же советы проявили преступную небрежность по отношению к лежащим на них задачам, как, например, в вопросе об охране военного имущества и т. п. Короче говоря, в поводах для справедливых нареканий не было недостатка. Однако, нарекания эти обычно чрезмерно раздувались противниками революции и преподносились публике в совершенно несправедливо-обобщенной форме. Распространяли слухи о миллионных растратах, когда речь могла итти максимально о неправильно употребленной сотне тысяч и замалчивали при этом совершенно тот факт, что многомиллионные

ценности были спасены от расхищения, только благодаря непосредственному или косвенному вмешательству или влиянию советов. В общем, советы рабочих депутатов принесли значительно больше выгоды, чем причинили расходов. В первые недели революции, когда волны общего возбуждения высоко вздымались, и Германия стояла перед угрозой анархии, они уже самым фактом своего существования успокоительно действовали на массы и в своем большинстве проявили себя, как сила положительная, борясь против всякой агитации, направленной на то, чтобы возбудить массы к выступлениям во что бы то ни стало. У некоторых наиболее закоснелых общинных управлений они вынудили ряд чрезвычайно нужных и полезных мероприятий в пользу бедных слоев населения. В большинстве мест советы находились под влиянием людей, которые, благодаря своей многолетней деятельности на ответственных постах в социалдемократической партии и в профессиональном движении, в качестве депутатов, секретарей или руководителей местного профессионального союза, обладали достаточным пониманием законов социальной жизни и потребностей народного хозяйства, чтобы не поддаваться соблазну чисто-словесных лозунгов. Как обнаружилось на с'езде советов в середине декабря 1918 г., в их среде преобладало стремление к проведению социалистических реформ при помощи экономических организаций рабочих и служащих и путем органического законодательного творчества. Подобный характер революционного творчества соответствовал, с одной стороны, правильно понятым интересам рабочего класса, поскольку было обеспечено неограниченное демократическое избирательное право и полное самоуправление народа, а с другой стороны, представлял и для буржуазных классов Германии то

преимущество, что создаваемый новый порядок вещей соответствовал высоте достигнутого страной социального развития и исключал возможность произвольных нарушений хозяйственной жизни. В общем, рабочие, как и солдатские советы Германии были проникнуты духом немецкой социалдемократии и социалдемократического профессионального движения. Это очень хорошо выражено, поскольку речь идет о солдатских советах, в двух воззваниях Исполнительного Комитета солдатского совета при Верховном Командовании, выпущенных 25-го ноября 1918 года в связи с конференцией советов в Эмсе. Первое воззвание, указывая на стремление новообразовавшейся Польши захватить чисто-немецкие области, обращается к солдатским советам фронтовой армии со следующим призывом:

> «Солдаты! В чем бы ни состояли намерения Польши, для нас эти происшествия должны служить предостережением против разногласий и разложения. Проникнутые внутренним единством, сомкнув свои ряды, мы должны сплотиться вокруг нашего общегерманского правительства, опирающегося на доверие трудового народа; только при этом условии оно сможет приобрести достаточное влияние, чтобы добиться такого мира между народами, который охранит Германию от национального раздробления и обеспечит немецкому народу право на самоопределение».

Второе, более длинное воззвание, обращенное «к рабочим и солдатским советам на родине», предостерегает их от применения к возвращающимся на родину войскам «мер безопасности, которые, разумеется, не продиктованы дурными намерениями, но тем не менее воспринимаются, как оскорбление». Можно, конечно, отбирать оружие и снаряжение у отдельных, отставших от солдат частей; целым же войсковым частям их следует оставлять. Все опасения в этом направлении лишены всякого основания. Ибо, как гласит далее воззвание:

«Из сношений с представителями солдатских советов фронтовой армии нам точно известно, что фронтовые части безоговорочно стоят на стороне правительства Эберт-Гаазе, созданного в результате совершенного нами государственного переворота. Вместе с братьями-рабочими на родине, фронтовая армия стремится к демократизации и социализации нашей страны. Именно поэтому она решительно протестует против всяких попыток так или иначе воспрепятствовать осуществлению учредительного собрания, созываемого нынешним правительством. Фронтовые части хотят своими голосами принять участие в дальнейшей работе по преобразованию государства. Фронтовая армия стремится к миру и к упорядоченной работе по возведению нового государственного здания; она отвергает мысль использовать победу над недавними диктаторами для установления новой диктатуры, ибо последняя сделает невозможным наступление горячо желанного мира и грозит бросить немецкий народ в об'ятия голодной смерти.

Солдаты и рабочие! Фронтовая армия от всей души благодарит вас за вашу освободительную деятельность на родине. Вы добились давно желанного обновления Германии и создали для возвращающихся домой братьев те условия. при которых для них впервые станет возможным более счастливое существование. Но если вам придется столкнуться с попытками — добиться окончательного решения судьбы родины путем игнорирования принципов демократии, всегда являвшихся основным лозунгом, как всего трудового народа, так и фронтовой армии, — то мы просим вас всеми средствами воспротивиться этим стремлениям».

Значительное большинство фронтовых солдат в этот период действительно проявили себя решительными противниками всякой агитации, направленной на ниспровержение республиканского режима. Однако, только немногие солдаты согласились, после роспуска их частей, остаться на службе республики, в качестве добровольцев. Подавляющее большинство солдат стремилось вернуться к домашней жизни и к своим обычным занятиям. Как обстояло дело с войсками, стоявшими на родине, мы уже

видели в предыдущих главах. Что именно солдатский совет при высшем военном командовании об'явил себя в приведенном выше воззвании безусловным сторонником демократической республики и социализма, показывает, сколь широкие круги были охвачены воодушевлением переворота 9-го ноября. Ибо войска только в известной своей части состояли из рабочих и служащих, и представители других классов населения составляли в них также значительную группу.

Б. Рабочее законодательство республики.

Различные слои городской буржуазии и других имущих классов в описываемый нами период довольствовались тем, что республика путем своей государственной организации охраняет правопорядок, обеспечивающий собственность от произвольных нарушений, и тем поддерживает возможность хозяйственной жизни. Они понимали, что республика не может дать им ничего большего, и что даже монархическое правительство при данных обстоятельствах не в состоянии было бы для них больше сделать. Оно, поэтому, имели все основания до поры до времени быть довольными. Но как обстояло дело в этом отношении с рабочими? Какие выгоды дала республика им?

Как ни правильно само по себе соображение, что и рабочим выгодно, когда хозяйственная жизнь не нарушается, а наоборот, еще получает возможность шире развернуться, тем не менее, нельзя было ожидать, чтобы германские рабочие удовлетворились этим единственным результатом совершенного ими политического переворота. Они не поняли бы в тот момент того, кто, ссылаясь на Лассаля, пытался бы им доказать, что в развитом промышленном государстве проведение в жизнь демократи-

ческих начал с течением времени все равно с необходимостью приведет к установлению социализма, в тех пределах, разумеется, которые определяются достигнутой данной страной ступенью хозяйственного развития. Они требовали, — и суб'ективно были в праве требовать, — чтобы было немедленно приступлено к осуществлению социализма.

Первый шаг в этом направлении не заставил себя долго ждать. То был ряд немедленно вошедших в законную силу мероприятий, перечисленных в декларации Совета Народных Уполномоченных от 12-го ноября 1918 г., (стр. 7—9), в качестве социально-политических реформ, подлежащих проведению в первую очередь. Сюда входит отмена знаменитого «устава о челяди», закрепощавшего наемную прислугу, и исключительных законов о сельскохозяйственных рабочих, полное восстановление приостановленных во время войны законов об охране фабричного труда, введение законодательным путем 8-ми часового рабочего дня, обеспечение безработных за счет государства, расширение пределов страхования на случай болезни, и т. д., словом, целая сумма мероприятий, из которых каждое в отдельности принципиально оставляло капиталистическую природу хозяйственного строя нетронутой, но совокупность которых значительно суживала господство капитала и существенно укрепляла социальную позицию рабочих в их борьбе с капиталом. Так, в частности, отмена исключительных законов о сельских рабочих, т. е. предоставление им права коалиции, уже очень скоро дала значительные социально-политические результаты. В качестве мероприятия, глубоко и коренным образом видоизменяющего сущность капиталистического общественного порядка, проявил себя и закон о государственном обеспечении безработных, но только гораздо позже.

В первый же момент, пока хозяйственная жизнь еще совершенно не вошла в норму, пока война в хозяйственном отношении еще не была ликвидирована, эта мера, равно как и другие подобные шаги, вскоре последовавших за ней, могли внести лишь мало изменений в экономическое положение рабочих.

Основная и наиболее настоятельная задача: восстановление разрушенного войною хозяйства — заставляла воздерживаться от всяких необдуманных шагов в области изменения основ народного хозяйства в целом. Что касается социализации в узком смысле этого слова, то отдельные мероприятия в этой области необходимо было тщательно обдумать и разработать, чтобы получить желаемое действие.

В сознании этого, Совет Народных Уполномоченных уже в ноябре 1918 г. поручил комиссии, составленной из компетентных в хозяйственных вопросах социалистов и социалистически-настрсенных ученых экономистов — разработать вопрос о социализации, и в возможно скором времени представить доклад о мерах, подлежащих принятию в первую очередь. Эта комиссия, в которую вошли профессора — Карл Баллод, Эмиль Ледерер, Теодор Фогельштейн и Роберт Вильбрандт и социал-демократы — Генрих Кунов, Рудольф Гильфердинг, Отто Гуэ, Карл Каутский и Роберт Шмидт, и которая выбрала своим председателем Карла Каутского, опубликовала 10-го декабря 1918 г. предварительную декларацию с программой своих работ. Вводные тезисы этой декларации гласят следующим образом:

«Комиссия отдает себе отчет в том, что обобществление средств производства может совершиться лишь путем продолжительной органической работы. Первой предпосылкой всякой хозяйственной реорганизации является восстановление производства. Современное хозяйственное положение Германии

прежде всего властно требует возрождения внешней торговли и экспортной промышленности».

«Комиссия придерживается того мнения, что по отношению к этим хозяйственным отраслям в настоящее время необходимо еще оставить в силе прежнюю организацию. Для восстановления промышленности необходимо также сохранение и расширение системы частного кредита; поэтому, комиссия полагает нужным допустить и в дальнейшем беспрепятственное функционирование кредитных банков».

«В интересах обеспечения страны продовольствием, комиссия воздержится от всяких предложений, направленных к изменению прежних правовых и хозяйственных отношений в среде крестьянского населения. Здесь будут лишь приняты — учитывающие особенности сельского хозяйства — меры к усилению производительности и интенсивности производства; ту же цель будет преследовать и поддержка сельско-хозяйственных товариществ».

Эта декларация имела целью раз'яснить рабочим, почему проектируемые мероприятия комиссии не собираются вносить непосредственные изменения в организацию предприятий, сохраняя в общем частную собственность на средства производства. В виду большого авторитета, которым социалисты, подписавшие эту декларацию, пользовались среди социалистически настроенных рабочих, эти соображения не встретили в их рядах возражений, тем более, что дальше говорилось так:

«С другой стороны, комиссия придерживается того взгляда, что те области народного хозяйства, в которых утвердилась власть капиталистических монополий, в первую очередь подлежат социализации. В частности, право распоряжения важнейшими видами сырья, как, напр., углем и железом, безусловно должно быть передано в руки всего общества в целом. Затем необходимо установить, какие отрасли обрабатывающей промышленности, благодаря своей высокой степени концентрации, подходят для обобществления, и какие еще иные отрасли хозяйственной деятельности, как, напр., страховое дело и ипотечные банки, могут быть социализированы с пользой для дела».

Далее, в декларации указывается, что успех социализации зависит от повышения производительности труда, которая «должна быть достигнута путем улучшения организации предприятий и максимального сокращения всяких излишних расходов под управлением опытных технических и коммерческих руководителей», и отмечается, что формы, средства и органы социализации должны быть согласованы с природой соответственных хозяйственных отраслей; наконец, декларация считает целесообразным, чтобы при обобществлении предприятий их прежние владельцы вознаграждались выкупными рентами. «Вопрос о том, в каком об'еме имущие классы в своей совокупности», — значится в конце декларации, — «должны быть привлечены к несению общественных тягот, — прежде всего в форме налогового обложения имущества и недвижимостей, — подлежит решению политических органов».

В общем и целом, декларация комиссии была в полной мере способна внушить деловому миру ту уверенность в упорядоченном ходе хозяйственной жизни, без которой он не может обойтись, без которой предприниматели никогда не решатся затрачивать большие капиталы на открытие новых предприятий и обновление старых, и никогда не пойдут на заключение договоров, рассчитанных на более или менее продолжительный срок. Между тем, в том, чтобы все это делалось, заинтересован и рабочий класс. Тем не менее, несмотря на все эти соображения, уже тогда была одна мера, которую можно было немедленно провести. Впечатление, произведенное восстанием рабочего класса на буржуазию, было еще настолько свежо, что правительственное распоряжение, об'являющее национализацию недр земли при скромном вознаграждении бывших владельцев копей и т. п., не

могло встретить сколько-нибудь серьезного сопротивления. Мысль облегчить предстоящее дело социализации угольных копей и т. д. посредством издания такого распоряжения, наделенного силой закона, действительно было высказано на совместном заседании Комиссии по социализации с Советом Народных Уполномоченных. Но она не встретила сочувствия, так как большинство собравшихся хотело проведение столь существенной реформы предоставить учредительному собранию, в котором, как тогда не без должных оснований полагали, большинство все равно будет принадлежать социалистам. По тем же соображениям и большинство рабочих было согласно с тем, чтобы издание законов о социализации предоставить учредительному собранию. Отметим еще, что уже в последние годы войны в Германии под названием «Трудовые союзы» (Arbeitsgemeinschaft) создались особые организации, образованные из представителей профессиональных союзов рабочих и союзов предпринимателей. Эти об'единения рабочих и хозяев на почве соглашения, обеспечивающего рабочим как-бы автоматический рост заработной платы соответственно повышению цен на предметы первой необходимости, стали общим явлением в Германии и пустили корни. Если эти междуклассовые союзы, с более широкой обще-народной точки зрения и не были лишены темных сторон, поскольку они легко могли привести к превращению известных категорий рабочих в союзников предпринимателей по эксплуатации потребителей, то они все-же при данных обстоятельствах, в эпоху перехода хозяйства «военного» к хозяйственному строю мирного времени, являлись средством для избежания серьезных трений, почему и пользовались поддержкой правительства и в особенности демобилизационного управления.

Затем, Совет Народных Уполномоченных заботился и о том, чтобы обещанные меры по охране труда не остались на бумаге, издавая для этой цели соответствующие распоряжения.

Уже 13-го ноября 1918 г. было издано распоряжение, формулировавшее основные принципы обеспечения безработных. Дело это возлагалось на местные самоуправления, которые обязывались выплату воспомоществований и контроль передать, под известными условиями, рабочим союзам. Это распоряжение было дополнено декретом от 24-го декабря того же года, обязавшим самоуправления либо застраховать безработных в больничных кассах, либо же самим оказывать им медицинскую помощь в тех же размерах, что и больничные кассы. В тот же день было издано распоряжение, согласно которому рабочим полагается вознаграждение и в случае кратковременного сокращения или прекращения работ на фабрике. Распоряжением от 23-го ноября 1918 г. устанавливаются далее правила для разумного проведения в жизнь восьмичасового рабочего дня в пекарнях и кондитерских. Распоряжение от 5-го декабря 1918 г. обеспечивает уволенным со службы солдатам вспомоществование на неопределенный срок, вплоть до нахождения занятия. 7-го декабря 1918 г. было издано распоряжение, предоставляющее рабочим берлинской металлической промышленности право на особое вознаграждение в случае неполной работы фабрик, а 9-го декабря 1918 г. были преобразованы на демократических началах и расширены в своих функциях государственные органы по приисканию труда. Распоряжения эти были дополнены двумя весьма важными актами. Один из них — декрет от 23-го декабря 1918 г., — устанавливал законодательные нормы «тарифного права». Тарифам, выработанным путем соглашения

между союзами рабочих и предпринимателей, придается принудительный характер; соглашения же между отдельными лицами, допускающие более низкие ставки, чем те, которые установлены коллективными договорами, считаются недействительными («непререкаемость тарифов»); декрет этот, далее предусматривает образование согласительных камер при участии рабочих союзов и точно регулирует порядок их функционирования, отводя функции центрального согласительного органа, обще-имперскому министерству труда. Второй декрет, изданный 4-го января 1919 г., существенно ограничивает произвол предпринимателей при найме и увольнении рабочих; постановления эти несколько позднее (24-го января 1919 г.) были распространены и на служащих.

Все перечисленные декреты, равно как и ряд составленных в том же духе распоряжений относительно страхования рабочих, будучи взятый каждый в отдельности, не производили особенно революционного впечатления. Однако, во всей своей совокупности и как первые попытки в деле создания социалистического рабочего права, они означали шаг вперед в сторону революционизирования отношений найма — и притом шаг, который шел так далеко, как это только вообще возможно было в виду тяжелого хозяйственного положения Германии. Разумеется, в каждом отдельном случае нетрудно было сформулировать требования, идущие дальше того, что давалось декретами. Спартаковский союз под предводительством Карла Либкнехта и большевики, агитировавшие в Германии (Левинэ в Эссене и другие), не преминули, конечно, закону о 8-часовом рабочем дне противопоставить требование 6-часового рабочего дня (для горнорабочих). При этом они в рейнско-вестфальском угольном районе, а также в угольном районе средней Германии раз-

вили сильную агитацию в пользу немедленной забастовки, с внешней стороны — для достижения 6-часового радочего дня, а по существу — для того, утобы увлечь горнорабочих на сторону насильственной политики большевиков. Конечно, они сами отлично понимали, что хозяйственное положение Германии в тот период делало для нее совершенно невозможным такого рода сокращение производства, влекущее за собой сильное вздорожание всех продуктов угольной промышленности. Германия более, чем когда-либо вынуждена была заботиться об усиленном вывозе продуктов своей промышленности, для того, чтобы иметь возможность ввозить продовольствие. Но вожди спартаковского движения игнорировали это. Карл Либкнехт был достаточно беззастенчив — мы не можем для этого подыскать другого выражения, — чтобы на народных собраниях уверять юнцов, слушающих его с разинутым ртом, что в Германии-де не может быть и речи о продовольственных затруднениях. Если Германия об'явит себя советской республикой и поможет раздуть пожар мировой революции, то продовольствие потечет в Германию со всех сторон.

Несмотря на всю грубость этой демагогической фантастики, агитаторам все же удалось произвести известное впечатление на отсталые элементы рабочего класса и добиться в угольных районах шумных демонстраций под лозунгом «борьбы за 6-часовой рабочий день под землей», — демонстраций, которые Либкнехт в своих последних статьях об'являл признаками «близкой победы». На деле же это было совсем не так, и когда в Рурском бассейне несколько месяцев спустя дело дошло до окончательного решения по вопросу о забастовке, то большинство рабочих не дало себя увлечь на необдуманные шаги, и, следуя советам своих доверенных лиц, отклони-

ли участие в забастовке. Единственное, чего спартаковцы добились, это — кровавые столкновения между потерявшими всякое самообладание кучками рабочих и органами государственной власти, на обязанности которых лежала охрана шахт от попыток произвести в них разрушения. Рурский район отражал в сокращенном масштабе лишь общую картину настроения всего рабочего класса Германии по отношению к республике. Ничтожные группы рабочих давали себя увлекать на враждебные демонстрации против республиканского правительства, преобладающее же большинство рабочих понимало, что демократическая республика это их республика, и в очень скором времени высказало это в достаточно недвусмысленной форме.

В. Трудности, с которыми приходилось бороться республике в ее внешней политике.

Весть о низвержении монархии и провозглашении республики в Германии и ее отдельных государствах, была встречена за-границей почти без исключения сочувственно. Даже в тех государствах, которые находились в союзе с Германией, и в нейтральных странах, симпатизировавших Германии более, чем руководящим государствам Антанты, режим императорской Германии не пользовался популярностью, и Вильгельм II-ой и там возбуждал к себе широко распространенное недоверие. Однако, если правительственные органы государств Антанты, не колеблясь, открыто выражали свое удовлетворение по поводу совершившегося в Германии политического переворота, то они все же не преминули сделать ряд оговорок. Следует-де, прежде чем составить себе окончательное суждение, выждать, какую форму примет и как поведет себя новая Германия; только тогда

можно будет установить, приведет ли смена правительства к одному лишь внешнему изменению государственной формы, или же действительно будут окончательно ликвидированы все пережитки старой системы и устранены все скомпрометтированные лица. В разумном понимании, эту постановку вопроса можно было бы признать справедливой. Однако, в том виде, в каком она была воспринята руководящими газетами двух главных государств Антанты, она вскоре поставила молодую республику перед неразрешимой задачей. Где был критерий для определения степени скомпрометтированности отдельных лиц? Не говоря уже о газетах вроде протекционистской лондонской «Морнингпост», которая делала весь немецкий народ в целом ответственным за войну и совершенные в ней преступления, — даже такие влиятельные газеты, как парижский «Тан» относили к скомпрометтированным лицам лидеров социалистов большинства, как «кайзерских социалистов». По словам этой газеты, германский рейхстаг в августе 1914 г. безоговорочно высказался за войну; между тем, всем известно, что на самом деле он был созван правительством Вильгельма II-го лишь после того, как война уже стала фактом. Рассуждая логически, для того, чтобы удовлетворить требованиям «Тан» и других аналогичных газет Германии следовало бы создать правительство, составленное из независимцев или спартаковцев. Но правительство спартаковцев означало бы с международной точки зрения союз Германии с русскими большевиками, против которых Англия и Франция в то время об'явили крестовый поход, поддерживая восстания и внутри страны. Для внутренней же жизни Германии такое правительство означало бы анархию в худшем смысле этого слова. Что касается, в частности, независимых, то они

на запрос социалистов большинства, согласны ли они одни образовать правительство, ответили решительным отказом. Да и партия эта состояла в тот период из слишком разнородных элементов и была слишком слаба по своему численному составу, чтобы быть в состоянии управлять Германией. Социалистическое правительство без участия социалистов большинства было невозможно уже по одному соотношению сил различных партий. Но такое правительство было невозможно еще и потому, что из всех социалистических партий лишь партия социалистов большинства, благодаря своей внутренней сплоченности и политической подготовленности, была в состоянии развить ту степень государственного творчества, без которой нельзя управлять страной, подобной Германии.

«Тан» в Париже, «Таймс» в Лондоне и стоящие за спиной этих газет политические деятели преувеличивали ошибки военной политики социалистов большинства и совершенно игнорировали ту борьбу, которую эта партия, начиная с 1917 г. вела совместно с двумя левыми буржуазными партиями, добиваясь мира на основе соглашения. Политические круги Антанты стремились и демократическую и республиканскую Германию представить в виде опасного политического существа, которое необходимо заковать в тяжелые цепи, для того, чтобы оно уже в ближайшее время снова не наделало бед. Политику этих кругов метко охарактеризовал в свой книге «об экономических последствиях Версальского договора» англичанин Джон Мейнард Кэйнс. По его словам, союзники сначала стремились вынудить у Германии такие «гарантии мира», которые способны были вызвать у немцев ожесточение и усилить движение в пользу реванша; а когда они этого действительно добивались, они об'являли необходимым усиление репрессивных мер

для борьбы с этим движением. Тактика эта началась с пред'явления крайне суровых условий перемирия, выработанных военным счастливчиком Фошем. Они сыграли роль холодного душа для значительной части тех друзей мира в Германии, которые надеялись, что противники окажут известное доверие республиканской Германии. Правда, президент Вильсон в своем ответе от 23-го октября 1918 г. на ноту германского (императорского) правительства от 20-го октября заявил, что союзники «поручат своим сведущим лицам выработать условия перемирия, которые обеспечили бы союзникам неограниченную власть для проведения в жизнь отдельных пунктов мирного договора, заключить который согласилась Германия». Такая формулировка, конечно, допускала самое широкое толкование. Однако, между этим днем и днем об'явления условий перемирия лежала пропасть, вырытая политическим переворотом в Германии, — пропасть такого масштаба и такой глубины, каких Вильсон и его союзники совершенно не могли ожидать. И тот факт, что Фош ни в малейшей степени не захотел считаться с этим переворотом, дав это ясно почувствовать и делегатам республики, — факт этот нанес чувствительный удар политическому влиянию как раз тех немецких политиков, которые призывали свой народ к революции, как к средству примирения с демократиями Запада. Самый горячий борец за эту идею, Курт Эйснер, 10-го ноября 1918 года, когда стали известны условия перемирия, по телеграфу обратился от имени правительства Баварской республики к правительствам и народам Запада с призывом, исполненным почти совершенного отчаяния. Раз'яснив в очень убедительной форме, какими разрушительными последствиями для судеб молодой Германской республики грозит исполнение условий пере-

мирия, он заканчивает свое обращение следующими словами:

> «Союзные демократии не должны забывать, какое неисчислимое количество безымянных жертв погибло на германской стороне с начала войны, молчаливо уносясобой в могилу сознание вины Германии, и правительства Антанты не в праве взять на свою совесть, перед лицом пролетарских масс, разрушение Интернационала как раз в тот момент, когда он внутренне стал оживать. Судьбы человечества находятся сейчас в руках тех деятелей, которые взяли на себя ответственность за установление мира и возрождение измученных войной народов».

Так как перемирие было подписано уже на следующий день в Компьене, то это воззвание не могло бы внести какие-либо изменения в его условия, если бы даже ему было суждено оказать некоторое влияние на того человека, который имел решающий голос в Союзном Совете во всех вопросах подобного рода — на Жоржа Клемансо. Однако, Эйснер не терял надежды. На общеимперской конференции немецких республик 25-го ноября 1918 г. он заявил, что ему на основании личных сведений известно, что Клемансо и его друзья проявят больше уступчивости по отношению к Германии, представленной при переговорах решительными сторонниками нового порядка, чем к Германии, которая сохранит на ответственных постах чиновников или сторонников императорского режима. Этому противоречит, однако, характеристика политики Клемансо в Верховном Совете, данная Кэйнсом. По словам последнего, Клемансо с железным упорством стремился ослабить Германию до степени полного бессилия, принудив ее заключить мир, подобный тому, который римляне навязали Карфагену. Это, вероятно, несколько преувеличено, но если бы даже это соответствовало действительности, то все-же интересы

самосохранения германской республики требовали того, чтобы известному своей проницательностью премьеру французской республики и его единомышленникам было дано как можно меньше материала для доказательства того тезиса, на котором они строили всю свою политику, — а именно, что Германия, став внешне республикой, по-существу осталась той-же, какой была при императорском режиме. И следует признать, что тогда правителями германской республики действительно не было сделано всего, что нужно было, для того, чтобы хоть непредубежденную часть европейского общества убедить в несправедливости того утверждения.

Правда, задача была не из легких. Подобно тому, как невозможно сразу совершить коренной переворот в хозяйственном строе страны с развитой промышленностью и таким путем сразу создать в нем новую классовую группировку, — немыслимо и сразу заместить все важные посты в стране совершенно новыми людьми, происходящими из тех кругов, перед которыми эти области деятельности были до сего времени закрыты. А именно так и пришлось бы поступить составленному из социалистов Совету Народных Уполномоченных, если бы он решил все должности по министерству иностранных дел и внешнему представительству республику заместить исключительно людьми, стоящими целиком на почве республики и социализма. Но это было невыполнимо, ибо в противном случае пришлось бы доверить ведение весьма важных государственных дел лицам без необходимой подготовки и опыта. Поэтому, правительство было вынуждено ограничиться подбором наиболее подходящих (в смысле наименьшего зла) лиц из того материала, который был оставлен ему в наследство старым режимом. Мы видели выше, что когда правительство решило заменить д-ра Зольфа дру-

гим министром иностранных дел, то ему при поисках преемника пришлось остановиться на графе Брокдорфе-Ранцау. Ранцау, который был настроен не более монархично, но и не более республикански, чем Зольф, казался, однако, более пригодным для этого поста, так как доклады, которые он во время войны посылал министерству иностранных дел в Берлине, доказывали, что он превосходит Зольфа своим житейским опытом и большей свободой своих суждений относительно дипломатических мероприятий Берлина. И тем не менее, Брокдорф-Ранцау впоследствии в одном очень серьезном деле, — представляя Германскую Республику в Версале, — допустил ошибку, которую едва-ли совершил бы Зольф, менее склонный к демонстрациям. Вдобавок, когда стало известно о назчении Ранцау, — «Тан» и другие французские газеты немедленно сообщили, что он, будучи германским послом в Копенгагене, не менее скомпрометтировал себя, чем его кузен — посол Бернсторф в Вашингтоне. А между тем, его кандидатура была выставлена как-раз выдающимися представителями независимых, которые в своих поисках подходящего человека, остановились на этом лично им симпатичном человеке. Позднее на примере преемника Брокдорфа-Ранцау, — социалдемократа Германа Мюллера, обнаружилось, что вовсе не безусловно необходимо быть специалистом, чтобы с тактом и умением занимать пост министра иностранных дел, и что, при известных обстоятельствах, хорошая политическая подготовка и умение ориентироваться в вопросах мировой политики с успехом могут заменить узко-профессиональную подготовку. Однако, чтобы в этом убедиться, необходимо было сначала проделать такой опыт. К тому же и парламентский «государственный секретарь», — как именуются в Англии мини-

стры, назначаемые из среды парламентских представителей, — никак не может обойтись без помощи чиновников-специалистов.

На западной границе Германия имела дело только с союзниками, по отношению к которым ее поведение было предопределено природой вещей. Иначе обстояло дело на восточной границе. Здесь отношения еще совершенно не были оформлены. Главной проблемой являлся вопрос о взаимоотношениях с Польшей, которая сама находилась еще только в начальной стадии своего государственного образования. А на северо-востоке необходимо было выработать линию поведения по отношению к новообразовавшимся окраинным государствам, народы которых прежде находились под властью России. Наследство, которое в этом отношении Империя оставила Республике, было весьма мало утешительным. Поляки в начале войны были настроены более или менее дружелюбно по отношению Германии, благодаря тому, что по соглашению между Германской Империей и Венским двором, была создана некая пародия на Польское Королевство. Правда, последнее не достигало даже размеров «Конгрессной» Польши, и ему только потому не был навязан, в качестве короля, немецкий принц, что оказалось слишком много претендентов на престол. Теперь же у поляков и аппетит разгорелся и склонность к дружбе с немцами исчезла по разным причинам. Окраинные же народы, стремившиеся к самостоятельности, Германия восстановила против себя тем, что навязала им классовое правительство немецких помещиков, стремясь обеспечить Вильгельму II-му титул «Герцога Курляндского». К сожалению, республиканская Германия не сумела немедленно радикальным образом ликвидировать это наследство.

Что касается Польши, то необходимо было прежде всего выяснить, какова будет общая граница с этим новым государством. Ясно было только, что она не будет совпадать со старой границей, которая отделяла часть прежнего польского королевства, доставшуюся при разделе Польше Пруссии, от части, доставшейся тогда России, — и что прусские поляки в местностях с преобладающим польским населением будут настаивать на присоединении их к конституировавшейся только что Польской республике. Движение, ставящее себе эту цель, проявилось тотчас же после того, как поражение императорской Германии стало фактом. Однако, вожди этого движения на первое время ограничились образованием национальных комитетов, свержением, — после революции, — немецких властей, на место которых вступили поляки, и организацией польского Народного Совета.

Социалистическое правительство Пруссии, ставшей республикой, с первого же момента попыталось вступить в соглашение с поляками, чтобы избежать насилий и кровавых столкновений, пока по мирному договору не будет окончательно определена немецко-польская граница. Оно послало 20-го ноября 1918 года в Познань демократа фон-Герлаха, занимавшего должность помощника государственного секретаря в министерстве внутренних дел, чтобы он на месте ознакомился с положением дел и пожеланиями поляков. Герлах пользовался в кругах польского общества большим доверием, которое он заслужил своей решительной борьбой против гакатистской политики прежнего прусского правительства. В своей книге: «Крушение польской политики в Германии», изданной созом «Новое отечество», Герлах рассказывает, что положение вещей в Познани было в момент его приезда еще сносным. Обер-президент провинции

и президент Познанского округа заявили ему, что после нескольких ожесточенных столкновений, в общем и целом снова наступило успокоение, и хвалили нового польского городского голову г. Познани за его рассудительность и умеренные взгляды. Непосредственные требования поляков сводились к уступкам в вопросе об официальном языке, о преподавании закона Божия на родном языке и отмене разных исключительных положений. Решение вопроса о будущей польско-немецкой границе они соглашались предоставить мирной конференции. Они ставили, однако, условием сохранение порядка и спокойствия и требовали, чтобы находящиеся в провинции немецкие гарнизоны не были усиливаемы подкреплениями из других местностей. Только при этом условии Германии и было обещано продолжение доставки продовольствия из Познани в центры. Совет Рабочих и Солдатских депутатов г. Познани, состоявший из польских и немецких рабочих, высказался в этом же смысле.

Вернувшись в Берлин, ф. Герлах, в докладе кабинету о своих впечатлениях, высказался решительно за политику соглашения с поляками и советовал воздержаться, пока есть только малейшая возможность, от посылки войск в Познань. Часть правительства присоединилась к мнению ф. Герлаха. Другая же часть была того мнения, что необходимо усилить немецкие войска в этой провинции для того, чтобы обезопасить тамошних немцев от дальнейших насилий со стороны поляков. Необходимо — говорили сторонники этого взгляда —, чтобы поляки увидели, что Германия относится серьезно к этому вопросу, и тогда они воздержатся от тех насилий над немцами, о которых ежедневно поступают сообщения. Действительно, газеты были полны подобных сообще-

ний, благодаря чему многие читатели склонны были представлять себе анти-немецкое движение гораздо страшнее, чем оно было на самом деле. Правительство в основном стало на точку зрения Герлаха, но тем не менее, уступая настояниям высшего командования, разрешило последнему образовать особый штаб по «охране родины на востоке» (Oberkommando Heimatschutz-Ost) для защиты восточной границы от польских посягательств, и позволило этому штабу выпустить воззвание к немецкому народу, призывавшее добровольцев записываться в организуемые им отряды. Но немецким националистам этого было мало. В прессе и на собраниях они нападали на правительство за то, что оно, поддавшись советам ф. Герлаха, усвоило себе «политику воздержания», которая-де может лишь побудить поляков к новым насилиям. О Герлахе-же они писали, что он, увлекшись сладкими речами за «бокалом шампанского», дал себя надуть полякам. На самом же деле, именно их нападки и угрозы по адресу поляков, свидетельствовавшие о совершенном непонимании положения, имели своим результатом обострение отношений в Познани. Поляки стали организовывать все более многочисленные национально-польские отряды для поддержки своих стремлений. И вскоре произошли новые стычки, которые послужили для германского высшего военного командования поводом для посылки в провинцию новых войск. Местные немцы стали забрасывать правительство просьбами о решительном вмешательстве, однако, правительство еще не отказалось от примирительной политики ф. Герлаха. В середине декабря, в связи с событиями в городе Виткове, где немцы об'явили военную диктатуру, прусские министры Гирш и Эрнст совместно с ф. Герлахом отправились в Познань: они вели там

переговоры с представителями местных гражданских и военных властей, равно как с представителями «Народных Советов», как польского, так и тем временем образовавшегося немецкого. Результатом этих переговоров явилось следующее правительственное сообщение, дающее ясную формулировку точки зрения правительства:

«Правительство считает ненужным содержание особых войск по „Охране родины" в провинции Познани. Зато необходима организация пограничной стражи, как для принятия войск, возвращающихся с восточного фронта, так и для того, чтобы воспрепятствовать вывозу с'естных припасов. Граница должна охраняться местными войсками (т. е. такими, которые до войны принадлежали к гарнизону данного округа), под контролем солдатских советов. Солдатские советы не имеют права непосредственно издавать распоряжения. Стоящие еще в настоящее время в провинции Познань войска, переведенные сюда из других округов, должны быть немедленно уведены отсюда, как только в распоряжение командования будут предоставлены войска местного происхождения, составленные из мобилизованных и добровольцев».

Несмотря на все это, националистическая агитация все более обострялась. Со стороны поляков особенно выдвинулись бывший депутат Рейхстага Корфанти и известный пианист Игнатий Падеревский. В своих речах и писаниях они всячески старались раздуть движение в пользу создания польских политических центров в Познани путем вытеснения немецких властей. Немецкие же националисты всеми мерами боролись против этого даже там, где это было совершенно неизбежно, в виду соотношения сил в населении. Немцы ссылались при этом на то, что Познань своим хозяйственным и культурным процветанием обязана немецкой администрации. Однако, этот аргумент, которым так часто злоупотребляли гакатисты, не производил ни ма-

лейшего впечатления на круги, распропагандированные в национально-польском духе. Если поляки поступали неправильно, немедленно захватывая самовольно территории, которые им предстояло получить еще только в будущем, по мирному договору, то немцы совершали ошибку за ошибкой, не желая понять, что надо примириться с тем, что стало неизбежным, благодаря мировой войне и революции, и не решаясь добровольно пойти на то, что они вскоре все равно были вынуждены сделать. Так, правительство, под влиянием чиновников старого режима, продолжавших заседать в министерстве, стремясь «избежать столкновения» отсрочивало на неопределенное время выборы в органы местного управления в Познани на основе провозглашенного в Пруссии всеобщего избирательного права. Однако, столкновения от этого еще более усиливались. На Рождестве, в связи с пребыванием Падеревского в Познани, дело дошло до кровавых уличных схваток, которые начались после того, как солдаты одного немецкого полка насильственно сорвали вывешенные в честь Падеревского союзнические знамена и демонстративно порвали их в клочья. Это было сделано в момент, когда Антанта должна была вынести окончательное решение относительно новой немецкой границы на востоке. Стычки возобновились на следующий день и перекинулись в провинцию. Завязались настоящие бои, в которых приняли участие регулярные войска, и в которых побеждали то немцы, то поляки. Общий результат был тот, что немцы были вынуждены отступить под давлением превосходных польских сил. В середине января 1919 г. приблизительно вся часть провинции Познань с преобладающим польским населением оказалась в руках поляков, и местопребывание немецкого губернатора провинции при-

шлось перенести в Бромберг. Отношения с нарождающейся польской республикой были как нельзя хуже.

Не лучше они были и с вновь возникшими балтийскими республиками. После падения старого правительства Германии, в Прибалтике тотчас-же обнаружилось стремление — превратить ту относительную самостоятельность, которую Германия предоставила оккупированным ею окраинам России, в полную независимость. Вместе с тем, однако, у этих народов не было желания итти по стопам русских большевиков. В целях защиты от последних, образовавшиеся в этих государствах первые республиканские правительства выражали свое согласие на то, чтобы немецкие войска, оккупировавшие Прибалтику, продолжали там оставаться, а Антанта даже настаивала на том, чтобы немецкая оккупационная армия не уходила оттуда: она могла понадобиться, как заслон против надвигающихся большевистских войск. Социалистическим правительством Германии в Прибалтику был послан тогда в качестве коммиссара республики социалист большинства, один из вождей профессионального движения – Август Винниг —, пользовавшийся в партии исключительным уважением за свой спокойный и рассудительный нрав и свое глубокое стремление к знанию. Винниг был весьма радушно встречен правительствами балтийских государств, пользуясь в то же время и симпатиями среди немецкого командного состава.

Но дело уже было испорчено. Особенно велико было брожение среди латышей в Курляндии. Большинство латышских социалистов стремилось к более радикальному перевороту, чем тот, который произошел. Большевистские агитаторы поддерживали это движение и провоцировали восстания, с которыми можно было

справляться лишь путем применения вооруженной силы. Так как крупная земельная собственность и капитал в Курляндии были сосредоточены главным образом в руках немцев, то движение носило националистический антинемецкий характер. Благодаря последнему обстоятельству, Винниг занял по отношению к движению более решительную позицию, чем он, вероятно, занял бы при других условиях, и все больше и больше стал переходить на точку зрения немецкой военщины. Он поддерживал в Германии движение в пользу усиления немецких войск на «Верхнем - Востоке» — как технически обозначалась вся область по обе стороны границы. Войска эти первоначально должны были служить исключительно для защиты границы и охраны транспортов возвращающихся из России военнопленных. При данных же обстоятельствах они приобрели характер особой военной силы для борьбы против радикальных слоев туземного населения и против советской России, содействуя таким образом обострению и без того враждебных отношений между последней и Германией. К тому, что мы сообщили в предыдущих главах об отношениях между этими двумя государствами, следует присоединить еще следующие два официальных документа, характеризующих позицию Совета Народных Уполномоченных по отношению к большевистскому правительству России.

1. 18-го ноября 1918 г. кабинет на заседании своем при участии министра иностранных дел д-ра Зольфа и «прикомандированного» Карла Каутского — подверг подробному обсуждению вопрос об отношениях с Советской Россией. Гуго Гаазе, который в Совете Народных Уполномоченных заведывал внешней политикой, представил доклад о своих переговорах с Москвой. В результате этого заседания в Москву за подписью Зольфа и Каут-

ского, была послана длинная телеграмма, важнейшие положения которой гласили следующее:

«Вопросы, поставленные членами русского правительства в телефонном разговоре с Народным Уполномоченным Гаазе и в ряде телеграмм представителям германского правительства, подверглись обсуждению на заседании кабинета народного правительства Германии. При этом выяснилось следующее:

Советским правительством была послана радиотелеграмма всем рабочим, солдатским и матросским советам Германии, в которой говорилось:

«Солдаты и матросы, не выпускайте оружия из ваших рук, иначе об'единенные капиталисты быстро разделаются с вами. Необходимо с оружием в руках захватить повсюду действительную власть, образовать рабочее, солдатское, матросское правительство во главе с Либкнехтом. Не поддавайтесь на обман с Учредительным Собранием. Вы видели ведь уже, к чему привел вас рейхстаг».

Народное правительство Германии не может не усмотреть в этом призыве к населению — образовать правительство определенного состава, попытку вмешательства во внутренние дела Германии, которая при данных обстоятельствах может нанести тяжелый ущерб германскому народу. Германское правительство готово поддерживать мирные и дружественные отношения со всеми государствами, в том числе и с Россией. Но оно настаивает на признании за германским народом права самому определять свою судьбу, и вынуждено требовать, чтобы соседние государства воздерживались от воздействия на наш народ извне. Помимо того, приведенный выше призыв к образованию правительства на другой основе и с другими целями, чем нынешнее народное правительство Германии, ставит вопрос о том, какую позицию русское советское правительство занимает по отношению к нынешнему германскому. Если советское правительство намерено поддерживать с германским правительством нормальные отношения, то германское правительство должно иметь уверенность, что русское правительство его признает и не содействует образованию в Германии другого правительства[1]).

[1]) Цитированная радиотелеграмма была послана 11-го ноября 1918 г.

Принимая это во внимание, германское народное правительство в согласии с Исполнительным Комитетам рабочих и солдатских советов Германии постановило просить русское правительство, до восстановления дипломатических представительств в обеих странах сделать следующие шаги:

1. Недвусмысленным образом признать нынешнее германское народное правительство и обязаться воздерживаться от всякого воздействия па немецкий народ в целях побудить его образовать другое правительство.

2. Точно выяснить происшествия, имевшие место при устранении германских генеральных консулов.

Что касается пункта 1-го, то германское правительство ожидает соответственных заявлений. Во исполнение же просьбы, формулированной в пункте 2-го, правительство ожидает, что германским генеральным консулам будет, наконец, разрешено беспрепятственно выехать из России в Германию, и просит, чтобы двум членам германских советов рабочих и солдатских депутатов в Петрограде и Москве было разрешено выехать в Германию, чтобы дать на месте сведения о всех подробностях возникновения и организации этих советов и обсудить все вопросы, касающиеся их положения и компетенции».

Что касается последнего пункта, то история была такова. Большевистское правительство в один прекрасный день внезапно отказалось признавать старых германских генеральных консулов в Москве и Петрограде под тем предлогом, что тамошние немецкие рабочие и солдатские советы постановили устранить их от исполнения обязанностей. Это был без всякого сомнения рискованный шаг, так как было ясно, что это решение немецких советов, — как далее и отмечается в цитированной выше телеграмме, — было принято по инициативе и под влиянием русских властей.

2. Второй документ — это телеграмма, посланная в Москву 17-го января 1919 года однородным правительством социалистов большинства, образовавшимся после

подавления спартаковского мятежа, описанного в предыдущей главе. Текст ее гласил:

> «При подавлении восстания, организованного террористической группой и имевшего целью, совершив политическое насилие над германским народом, поставить его перед совершившимся фактом, неопровержимым образом было установлено, что это движение поддерживалось русскими деньгами правительственного происхождения и официальными русскими органами, и что в нем принимали участие лица, занимающие в России официальное положение. Германское правительство заявляет решительный протест против подобного недопустимого и преступного вмешательства во внутренние дела Германии. Правительство до поры до времени не воспользуется еще своим правом отказать в гостеприимстве русским поданным, которые до сих пор беспрепятственно проживали в Германии. Оно, однако, не хочет оставить никаких сомнений в том, что против всех русских, о которых будет установлено, что они поддерживали прошлый мятеж или действуют сейчас в том же направлении, будут приняты самые решительные меры».

Телеграмма эта свидетельствует о том, что между обоими государствами в тот момент существовали такие отношения, что, несмотря на всю сдержанность Германии, в любой момент могло произойти открытое столкновение.

Неопределенны были также и отношения с возникающим Чехо-Словацким государством, которое притязало на большую часть территории, примыкающей с юга к Германии. За исключением немецкой Австрии, которая была бессильна оказать ей какую-либо помощь, Германская республика не имела на своих границах ни одного дружественно-настроенного соседа, и даже граничащая с Германией на севере Дания, сохранявшая в общем строго-нейтральную позицию, имела с Германией спор относительно северного Шлезвига, что при известных условиях могло создать большое напряжение

между обоими государствами. Таким образом, внешнее положение республики, несмотря на миролюбивые намерения правительства, было далеко не удовлетворительно.

Г. Буржуазные партии и республика.

В течение всего описываемого периода времени ни одна буржуазная партия не имела смелости явно и открыто поднять знамя низверженного монархизма, ни одна из них не находила нужным выступать открыто против республики. Даже критика мероприятий правительства, в общем, велась в буржуазной прессе в умеренных тонах. Всем слишком ясна была необходимость иметь хоть какое-нибудь правительство и какой-нибудь порядок, чтобы могла возникнуть мысль о борьбе против правительства, которое в тот момент, по общему признанию, было единственно возможным. Когда коммунисты упрекали Народных Уполномоченных, что они защищает капиталистов, то в этом была доля истины. Только этого им, с точки зрения разумного социализма, никак нельзя было поставить в вину. Ибо нельзя было охранять правильный ход народного хозяйства, в котором рабочий класс был так заинтересован, не обеспечив, по крайней мере хоть на ближайшее время, капитал от произвольных посягательств на него. Но если буржуазные партии и стоящие за ними классы и группы и сознавали необходимость примириться с превращением Германии и отдельных ее государств в республики, то они, само собой разумеется, отнюдь не были склонны отказаться от представительства своих особых политических взглядов и хозяйственных интересов. Однако, они понимали, что для этого им необходимо приспособиться к новому порядку вещей, что в свою очередь требовало

изменения старых названий и программ этих партий. И чем партия была правее, тем более это было необходимо. В то время, как обе социалдемократические партии сохранили в неизменности свои имена и только расширили свои программы-минимум, не изменив в них ничего по существу, прогрессивная народная партия, партия центра, национал-либералы, консерваторы и ряд промежуточных групп вынуждены были более или менее коренным образом пересмотреть свои программы. После некоторого периода брожения, во время которого велась оживленная газетная полемика и шла устная дискуссия на собраниях, возник целый ряд новых политических об'единений, которые перед выборами в учредительное собрание окончательно сгруппировались вокруг четырех больших политических партий, обзаведшихся новыми именами и новыми программами. Так как большинство возникших в первое время политических новообразований были недолговечны, то нет необходимости на них останавливаться. Вышедшие же из процесса брожения и окончательно сложившиеся политические партии таковы:

1. Германская демократическая партия. Это — об'единение почти всей прежней Прогрессивной Народной Партии с частью членов старой национально-либеральной партии и членами мелких, большей частью буржуазно-демократических местных или окружных групп. Эта партия, как в первом воззвании своего Организационного Комитета, так и в опубликованном в начале декабря 1918 г. выборном воззвании определенно стала на почву республики. В воззвании Организационного Комитета говорится:

«Первый тезис говорит о том, что мы становимся на почву республиканской государственной формы, будем отстаивать

идею республики на выборах и защищать наше новое государство против всяких реакционных поползновений; но мы того мнения, что лишь избранное с соблюдением всех необходимых гарантий учредительное собрание правомочно разрешить вопрос о форме нашей конституции».

Предвыборное же воззвание гласит:

«Мы выступаем на выборах за установление в Германии республики, в которой государственная власть опирается исключительно на суверенную волю народа. Мы требуем полного равенства всех граждан и гражданок без различия сословия, класса или вероисповедания перед законом и в управлении, мы требуем, далее, свободы совести и богослужения».

Далее, программа требует, — в целях обеспечения «упорядоченному труду достойного человеческого существования и участия в благах культуры», «государственного признания союзов рабочих и служащих, обязательного третейского разбирательства при конфликтах, равно как гарантий соблюдения коллективных договоров и тарифов, — в особенности же соблюдения выработанных путем соглашения сторон минимумов заработной платы и жалования». Затем, программа требует:

«Действительно-социальной налоговой политики. Единовременного прогрессивного обложения имуществ, с рассрочкой платежа на определенный срок. Подоходного налога, считающегося по возможности с интересами многосемейных плательщиков и щадящего трудовые доходы и маленькие состояния. Общего налога на наследства, по отношению к более значительным наследственным массам, но прежде всего усиленного обложения „военных прибылей“. Ни один немец не должен выйти из этой войны обогащенным».

Буржуазный характер партии выразился в следующем тезисе:

«Такие тяготы государство может нести лишь при условии сохранения частной собственности и такого хозяйственного порядка, при котором у отдельных лиц сохраняется стимул к накоплению и к активной хозяйственной деятельности. Неслыханная задолженность, недостаток сырья и разрушение

нашей внешней торговли угрожают нам хозяйственным кризисом небывалых размеров. Только совместное напряжение всех сил предпринимателей и рабочих, самостоятельных хозяев и служащих, в состоянии воспрепятствовать полному крушению нашей хозяйственной жизни. Поэтому, мы отвергаем социал-демократическое требование обобществления всех средств производства. Пример военных „акционерных обществ" должен служить для нас достаточным предостережением. Вопрос о социализации должен разрешаться чисто-деловым образом в каждом случае отдельно, в зависимости от того, может ли таким путем быть достигнуто повышение доходов широких масс и увеличение производительности. Совершенно недопустимым является государственное вмешательство в хозяйственную жизнь в форме бюрократизации ее механизма».

Если в устах буржуазной партии апология частно-капиталистического хозяйственного порядка является естественной, то в пунктах программы, касающихся внешней политики, мы наталкиваемся на такого рода язык, который был мало пригоден для того, чтобы убедить врагов Германии заграницей, что дух старого режима совершенно вытравлен в Германии. Так, напр., в этой программе говорится следующее:

«Мир должен знать, что сила германского народа не может быть подавлена навеки. Мы хотим, чтобы представители германского народа держали себя на мирной конференции гордо и независимо. Мы хотим, чтобы они говорили так, как это подобает посланцам народа, хотя и побежденного неимоверным превосходством военной силы, но все же свободного и самостоятельного».

«Гордо и независимо» — эти выражения допускали самые разнообразные толкования. Если речь шла о соблюдении достоинства, приличествующего представителям республики, то можно было избрать выражения, дававшие меньше поводов к истолкованию их в старом национально-либеральном духе; а заграницей их именно так и истолковали.

2. Германская народная партия. Эта партия была продолжательницей национально-либеральной партии в несколько новом наряде. Она была организована, когда обнаружилось, что полное слияние всех элементов национально-либеральной партии с прогрессивной народной партией невозможно, и обнимала собой правое крыло старой партии со включением некоторых элементов из среды мелких националистически-настроенных союзов. В своей программе, опубликованной 15-го декабря 1918 г. в Берлине, новая партия становится на почву «демократического, равного и тайного избирательного права для обоих полов», однако, избегает слова «республика». Новое правительство признается только условно. В твердых выражениях программа заявляет:

> «Мы требуем от настоящего правительства, чтобы оно, наконец, энергично позаботилось о восстановлении спокойствия и порядка. В этих целях мы готовы принимать участие в государственной работе при наличности нынешней государственной формы и поддерживать все начинания фактического правительства в указанном направлении. Мы требуем, однако, устранения вмешательства некомпетентных лиц в деятельность судов, правительственных органов, местных органов самоуправления и в свободу коалиций и печати. Мы требуем прекращения безалаберного хозяйничания, безмерных растрат общественного достояния и общественных денег. Мы требуем устранения безответственного вмешательства в хозяйственную жизнь, которое угрожает нам голодом, анархией и государственным банкротством».

В части программы, касающейся хозяйственной и финансовой политики, капиталистическая точка зрения выражена гораздо сильнее, чем у демократов; то же следует сказать о националистической точке зрения — в пунктах программы, посвященных внешней политике. В них говорится:

«Чем больше Германия страдает от тягостных последствий проигранной войны, тем сознательнее мы ставим всю нашу политику под знак национальной идеи, тем решительнее мы отвергаем все интернационалистические устремления, стирающие и затемняющие национальные особенности нашего народа. Государственное единство — основа нашей политической деятельности, в рамках его должна быть дана возможность свободного развития культурной самобытности отдельных немецких племен; при этом мы одинаково отвергаем и централистическую систему опеки, и партикуляристские, центробежные устремления».

Даже в программе новой партии, с'организованной консервативными группами, националистическая тенденция подчеркнута не на много сильнее, чем здесь.

3. Германская национальная народная партия. Партия эта представляет коалицию между прежней консервативной партией, различными союзами сельских хозяев и ремесленников, остатками бывшей партии «свободных консерваторов» и антисемитами. Чтобы при создавшихся условиях обеспечить себе большее число сторонников, лидеры бывшей консервативной партии подвергли в дни революции свои политические требования столь коренному пересмотру, что опубликованная 24-го ноября 1918 г. программа новой партии производит почти что либерально-демократическое впечатление.

После краткого введения, в начале программы имеется следующее смиренное заявление:

«Многое разрушено из того, что нам дорого и свято. И все же мы не вправе ограничиться бездеятельным сожалением о потерянном. Обязанность каждого из нас принять участие в работе по воссозданию Германского государства и немецкого народа, и придать новой Германии новую форму и новое жизненное содержание».

А в следующем абзаце консерваторы отрекаются даже от монархии. Там сказано:

«Мы твердо решились и готовы принимать участие в государственной работе на почве любой государственной формы, если только в ней господствует право и порядок. Мы предостерегаем против всякой диктатуры одного класса населения. Только упорядоченный государственный строй обеспечит нам хлеб и мир».

Эта программа в дальнейшем решительным образом отрекается и от старого бюрократического государства:

«Государство и закон, наделенные большим авторитетом, опирающиеся на свободную волю народа, должны оказать свое охранительное влияние на народную и хозяйственную жизнь, чтобы содействовать процветанию национальной культуры и социального благосостояния».

Далее выставляется требование, чтобы «человек, как нравственная личность» в большей степени, чем прежде, стал в центре общественной жизни. Консервативный смысл этого требования поясняется следующей за этим фразой: «Живая христианская вера, брак и семья должны стать могущественным оплотом общественной жизни». Националистические же тенденции партии находят выражение в положении: немецкий дух и немецкая самобытность должны более чем когда-либо преисполнить наш народ. Еще определеннее националистическую тенденцию выражает первый из приложенных к программе тезисов:

«Мы защищаем идею сильного немецкого народа, твердо решившегося сохранить свое единство, свою свободу и самостоятельность по отношению к внешним силам и отстаивать свою независимость от чужих влияний».

Второй тезис признает «парламентарную форму правления единственно возможной после всего того, что произошло». В третьем тезисе, в согласии с программами всех остальных буржуазных партий, формулируется требование защиты частной собственности «от проектируемых социалдемократами покушений на нее»; в

четвертом — провозглашается «неизменность частнохозяйственного начала», и выражается готовность «содействовать хозяйственному процветанию путем распространения в товариществах, обществах, общинах и государстве общественных форм производства». В этом последнем пункте, точно также как в тезисах по социальной, переселенческой и налоговой политике, по борьбе с жилищной нуждой, по вопросу о допущении на государственную службу, по школьной политике и уравнению в правах женщин, — требования правых мало чем отличаются от соответственных тезисов в программе демократов. Можно было бы подумать, что имеешь перед собой программу либеральной партии. Только при более внимательном рассмотрении обнаруживается, что все их тезисы лишены безусловной формы, не допускающей ослабления при их осуществлении. И опыт действительно показал впоследствии, что между положениями формулированной тогда программы этой партии и её поведением на практике существует большое различие. Тем не менее, любопытно, в какой сильной степени восстание рабочего класса в ноябре 1918 г. привило партии юнкеров и примыкающих к ним слоев понимание социального вопроса и чувство своей вины.

4. Христианская демократическая народная партия. Эта партия представляет собой старую партию центра, которая вскоре снова приняла свое прежнее имя и выдвинула его на первый план. В своих первых воззваниях после революции партия эта еще резче, чем остальные буржуазные партии, подчеркивала свое отрицательное отношение к социалдемократии. Это было в особенности вызвано тем, что во главе министерства народного просвещения и исповеданий в Пруссии стал заклятый враг церкви — Адольф

Гофман, принадлежавший в то время к независимцам; он немедленно принялся за искоренение всякого участия церковных общин в школьном деле и за закрытие вероисповедных школ. Напротив, в чисто политической области партия центра, в качестве христианской народной партии, стала почти что еще решительнее, чем немецкая демократическая партия, на почву республики. Ее воззвание перед выборами в учредительное собрание начинается с следующего положения:

> «Мировая война и революция разбили старую Германию. В буре и натиске рождается новая Германия. Она должна стать свободным социальным народным государством, в котором все немецкие племена, все классы и сословия, все граждане без различия веры и партийной принадлежности смогут себя хорошо чувствовать. Создание этой новой Германии является задачей всего народа и не может быть разрешено диктатурой отдельных партий. В выполнении этой задачи желают и должны принять участие все партии. Однако, старые партии нуждаются для этого во внутреннем и внешнем обновлении. В эти переходные дни должен будет возникнуть и возникнет и новая партия центра. Безусловное признание народно-демократической государственной формы, борьба против классового господства, откуда бы оно ни шло, свободный порядок, решительный отказ от преклонения перед богатством и материализма наших дней, стремление к идеальным ценностям, которые одни только и могут оздоровить народ и государство, — таковы коренные принципы обновленной партии центра, выступающей в качестве христианско-демократической народной партии».

В тезисах партии о внешней политике формулируется следующее требование, в связи с международным положением церкви:

> «Полная независимость Св. Престола, обеспеченная международно-правовыми гарантиями».

Требование это представляет собой интересное подтверждение отказа папства от притязания на восстано-

вление церковного государства, — отказа, который придал всей политике Рима новое направление и сильно увеличил его влияние, как духовной силы.

Из тезисов, касающихся конституционного строя, следует упомянуть о следующих:

«Независимое народное правительство, опирающееся на доверие народного представительства и возглавляемое сильной исполнительной властью, — в империи и отдельных государствах.

Выработка конституции учредительным собранием.

Равноправное участие всех слоев народа в управлении всеми отраслями государственной жизни, отказ от кастового духа и классовых преимуществ».

Об'ем и пределы католической социальной политики обрисованы в двух первых тезисах отдела программы, носящего название: «хозяйственная и социальная политика». Они гласят:

«1. Восстановление и регулирование народного хозяйства, опирающегося на направленный к благу всего общества производительный труд, при принципиальном сохранении частной собственности, в том числе и на средсгва производства, поддержание нашей способности конкуррировать на мировом рынке. Создание и охрана сильного крестьянства и покровительство нашей сельско-хозяйственной промышленности в целях обеспечения народного пропитания. Регулирование и контроль по отношению к предметам массового потребления, руководясь здравыми хозяйственными началами и покупательною способностью населения.

2. Охрана и содействие отдельным производительным группам, как необходимым сочленам здорового хозяйственного организма. Решительное предпочтение общего блага интересам отдельных профессий и сословий. Дальнейшее развитие социальной политики по отношению к городскому и сельскому населению. Решительная борьба против всякой спекуляции. Охрана и усиление ремесленного класса. Защита законных интересов торговли».

Эти выдержки достаточны, чтобы дать представление о духе тех программ, с которыми буржуазные партии вступили в избирательную борьбу перед созывом учредительного собрания. Все они содержали оговорки по отношению к программе действий, с которой выступила республика при своем появлении на свет, но ни одна из них не отказывалась стать на почву республики, ни одна из них не высказывала хотя бы пожелания о восстановлении монархии. Однако, это еще не значило, что не было в наличности и приверженцев подобных стремлений. Они были, но они только не решались выступить в качестве открытой партии.

XV.

Выборы в Учредительное Собрание.

Совет Народных Уполномоченных издал 30-го ноября в порядке распоряжения избирательный закон, в котором были реализованы принципы, провозглашенные в его первом воззвании к немецкому народу.

Закон этот, дополненный указами 6-го, 19-го и 28-го декабря, предоставлял избирательное право всем гражданам Германии, достигшим 20-ти летнего возраста, без различия пола и вне всякого ценза оседлости, и устанавливал пропорциональную систему выборов. Для этой цели вся Германия, за исключением выпавшей из ее состава Эльзас-Лотарингии, была разделена на 37 избирательных округов, которые должны были по системе избирательных списков избрать 421 депутата, считая по одному депутату на каждые 150 000 жителей. Избирательный закон допускал также, чтобы отдельные партии или группы в каждом избирательном округе заявляли

о соединении своих списков, так чтобы остатки голосов, поданных за них, могли складываться и в известных случаях обеспечивать им еще одно депутатское место.

Избирательная борьба в общем протекала спокойно. В самом характере пропорциональной системы выборов лежит то обстоятельство, — и это составляет одно из ее достоинств, — что выборы принимают по преимуществу деловой характер. В сравнительно тесных пределах избирательного округа, которому предстоит выбрать лишь одного депутата, несравненно сильнее разгараются страсти, чем в более обширном избирательном округе, который посылает целый ряд депутатов, и где речь идет не о том, какая партия получит этого единственного представителя, а лишь о том, сколько мест каждая партия получит. В результате, серьезных попыток нарушить правильный ход выборов нигде не наблюдалось.

Участие в выборах было очень оживленное. Из 35 миллионов жителей, обладавших избирательным правом, голосовало $30^1/_2$ миллионов. За исключением избирательных округов: Шлезвиг-Гольштейн и Тюрингия, относительно которых при составлении имперской статистической сводки о распределении избирателей по полу еще не было окончательных данных, в выборах из 15 миллионов мужчин, обладавших избирательным правом, приняли участие 12,4 миллиона, а из 17,7 миллионов женщин — 14,6 миллионов; следовательно, степень участия была для мужчин 82,4% и для женщин 82,3%. Степень активности женщин, таким образом, лишь совсем незначительно уступала активности мужчин. Как распределялись голоса обоих полов по партиям, в общем, установить невозможно, так как избирательные бюллетени и мужчинами и женщинами вбрасывались почти повсюду в одни и те же урны и вследствие этого подсчитывались

сообща. Только в немногих округах для избирательниц были установлены особые урны, и там обнаружилось, что женщины сравнительно больше подавали голосов за правые партии и за центр, чем мужчины, так что предоставление избирательного права женщинам оказало скорее влияние в консервативном направлении. Во всей Германии получили голосов и, соответственно, мест в Учредительном Собрании, в круглых числах:

	Число голосов	Число мест
Германская национальная партия	3.121.000	42
Германская народная партия	1.346.000	21
Всего монархисты	4.467.000	63
Христианская народная партия (центр) . . .	5.980.000	88
Германская демократическая партия	5.642.000	75
Всего буржуазно-респ. партии . .	11.622.000	163
Социалисты большинства	11.510.000	163
Независимцы	2.317.000	22
Всего социалисты	13.827.000	185
Мелкие группы (4 Вельфа, 4 представителя крестьянского союза, 1 представитель сельско-хозяйственных рабочих) . . .	485.000	10
Всего	30.401.000	421

Таким образом, социалдемократы оказались в Учредительном Собрании в меньшинстве, хотя они представляли партию во много раз более сильную, чем все остальные. Несомненно, исход выборов был бы для них значительно более благоприятен, если бы выборы произошли тогда, когда энтузиазм широких народных масс в связи с совершившимся переворотом не успел еще остыть вследствие внутренней борьбы среди социалистов, восстаний и вызванных последними репрессивных мер. Несколько мест социалисты потеряли благодаря тому, что независимцы, за исключением шести округов, повсюду

отклоняли предложение социалистов большинства о соединении списков в целях использования остатков. Правда, главный ущерб из-за этого потерпели сами независимцы. Не будучи в значительном большинстве округов достаточно сильными, чтобы собрать число голосов, нужное для получения целого места, — так что их избиратели оказывались непредставленными в Учредительном Собрании, — они получили всего на одно депутатское место больше, чем Германская народная партия, в то время как за них было подано почти на целый миллион голосов больше, чем за последнюю. Проявившийся здесь недостаток избирательной системы был впоследствии устранен принятыми Учредительным Собранием поправками к избирательному закону, обеспечивающими точное соответствие между числом представителей в парламенте и числом полученных ею голосов. Выборам в Учредительное Собрание предшествовали выборы в местные представительства шести союзных государств: из них в двух государствах (в Ангальте и Брауншвейге) выборы состоялись уже в декабре 1918 г., а в 4-х остальных (в Бадене, Баварии, Вюртемберге, Мекленбург-Стрелице) в первой половине января 1919 г. В первых двух государствах выборы дали абсолютное социалдемократическое большинство, в четырех других было подано больше голосов за буржуазные партии, чем за социалдемократические. Независимцы только в Брауншвейге получили приблизительно одинаковое число голосов с социалистами большинства, именно 51.668 против 59.708; в других государствах они имели значительно меньший успех, чем последние. Так в Баварии, несмотря на то, что в президенты был избран Курт Эйснер, принадлежавший к независимцам, было избрано в парламент всего три независимых социалдемократа, в то время

как социалисты большинства получили 62 места. В Вюртемберге на 4 депутата независимых приходилось 52 представителя социалистов большинства, а в Ангальте и Мекленбург-Стрелице независимые социалдемократы вообще не провели ни одного представителя. Точно также и при выборах в Учредительное Собрание независимцы, за исключением двух избирательных округов (Лейпцига и Дюссельдорфа), повсюду получили меньшее число голосов, чем социалисты большинства. Правда, избирательные округи были очень велики, и в них были многие местности, в которых соотношение голосов было обратным. В Берлине социалисты большинства получили 405.000 голосов, независимцы 307.000, в обоих избирательных округах — Потсдам (1—9) и Потсдам (10), включающих все предместья Берлина, социалисты большинства получили 681.000, а независимцы 267.000.

Противоречия и разногласия, которые разделяли социалистов большинства и независимцев, приняли, благодаря январьским боям, столь острый характер, что об'единение обеих партий в Учредительном Собрании стало в высшей степени невероятным, если не совершенно невозможным. Благодаря этому, отпала возможность осуществить не раз возникавшую идею коалиционного правительства, составленного из об'единенной социалдемократии и радикальных элементов центра и демократов. Образование чисто социалдемократического правительства — социалисты большинства не могли взять на себя, поскольку они принципиально стояли на почве демократического парламентаризма. Поэтому, для дела, которое предстояло совершить Учредительному Собранию, речь могла итти только о коалиционном правительстве из социалистов большинства и буржуазно-республиканских партий. Этим уже было предрешено, что глав-

ный труд, который Учредительному Собранию предстояло совершить — выработка республиканской конституции, будет плодом компромисса, и что социалдемократии придется в этой работе принести ряд жертв.

Как ни печальны были с точки зрения партийно-социалдемократической эти и другие последствия невозможности образовать социалдемократическое большинство в Учредительном Собрании, не следует, однако, при оценке значения этого факта для развития и укрепления республики, забывать и следующее.

Экономическое развитие и социальная дифференциация Германии делали невозможным непосредственный переход ее к социалистическому строю. Не говоря уже о сильном крестьянстве, с которым Германская республика должна была считаться еще в гораздо большей степени, чем большевики с русскими мужиками, налицо был целый миллион ремесленников, без которых она тоже не могла обойтись. Даже при нормальных условиях, принимая во внимание это положение вещей, устранение всей буржуазии от участия в правительстве было бы ошибкой, за которую пришлось бы вскоре жестоко поплатиться. Очень скоро обнаружилось бы то, о чем говорит Лассаль в своей блестящей речи о конституции, именно, что незаменимые или неустранимые общественные классы «тоже составляют часть конституции». Все эти соображения находят еще более яркое применение в связи с ужасающим хозяйственным положением, которое республика унаследовала от монархии, в виде результата ее бессовестной насильнической политики. Республика могла вступать в борьбу с некоторыми буржуазными партиями и классами, но не со всеми, иначе она поставила бы себя в безвыходное положение. Она могла вынести легшее ей на плечи

бремя только при условии, чтобы значительная часть буржуазии была заинтересована в ее существовании и процветании. Даже если бы социалдемократы на выборах в Учредительное Собрание получили численное большинство, то все же привлечение буржуазно-республиканских партий к участию в правительстве было бы необходимо в интересах самосохранения республики, не говоря уже о том, что это являлось жизненной необходимостью для Германии, как нации.

Таким образом, исход выборов в Учредительное Собрание лишь оформил политическую необходимость, основывавшуюся на социальной структуре Германии, и, таким образом, завершил собой первый период германской революции.

Оглавление.